

СВОЕВРЕМЕННАЯ МЫСЛЬ

Вадим Штепа

ПОСТ-РОССИЯ

Серия «Своевременная мысль»

Вадим Штепа

ПОСТ-РОССИЯ

Рига

2025

Печатается в авторской редакции

Вадим Штепа.

Пост-Россия. (Серия «Своевременная мысль») —
Рига: Школа гражданского просвещения, 2025. — 168 стр.

ISBN 978-9934-9298-1-6

Содержание

Предисловие	7
1. Возрождение империи из несбывшейся конфедерации	
Революция Михаила Горбачева	11
Как «возрождали Россию», или Перестройка в обратную сторону	34
Постфедерализм и федерация наизнанку	38
2. Российский «Титаник» и украинский айсберг	
Секрет Московии	49
Генералы прошедшей войны	55
3. От постсоветской эпохи к построссийской	
Оппозиция за единую Россию?	60
Деколонизация: соль и пересол	78
Приближение к пост-России	97
Сетевое общество и региональная революция	124
Конец великой пародии	145
Послесловие	157
Примечания	163

*Посвящаю памяти отца,
научившего меня с детства
узнавать и любить
разные регионы бывшей империи*

Предисловие

Геоним «Россия» появился на мировых картах вместе с «империей» – в 1721 году царь Петр I провозгласил Российскую империю. До этого российские пространства в других странах обычно именовались Московией, но **возникновение Российской империи предопределило дальнейшую трехвековую историю.**

На протяжении трех веков эта страна неоднократно меняла официальную идеологию, но циклическим образом воспроизводила свою внутреннюю имперскую природу. Когда после Первой мировой войны распались многие европейские империи, Россия избежала этой участи, поскольку большевики вновь «собрали» ее территорию под новым брендом «СССР». При этом они вернули столицу из Петербурга в Москву, что означало **символическое закрывание «окна в Европу» и возвращение к антиевропейской Московии.** «Третий Рим», как замечал Николай Бердяев, соединился с «Третьим Интернационалом».

Распад СССР в 1991 году проходил под лозунгами «возвращения в мировую цивилизацию». Однако, в отличие от других постсоветских стран, в России вскоре вновь началась имперская реставрация, которая на сей раз пытается интегрировать все исторические эпохи – от средневековой Московии до сталинского СССР – и выступить в качестве **глобальной альтернативы современному развитому миру.** Причем уровень этого противостояния стал беспрецедентно высоким и острым: нынешние кремлевские политики и пропагандисты прямо угрожают «сатанинскому Западу» ядерным апокалипсисом, чего не позволяли себе даже деятели позднего СССР с их доктриной «мирного сосуществования».

Пока сохраняется эта москвоцентричная империя, она будет представлять собой нарастающую угрозу окружающему миру. Проницательные аналитики справедливо утверждают¹, что **глобальный риск сохранения этой империи уже превосходит риск ее распада.**

Развязав полномасштабную войну против Украины и аннексировав некоторые регионы соседней страны, **Россия лишила саму себя международно признанных границ.** Кроме того, несмотря на агрессивную «патриотическую» пропаганду, она лишает себя и всякой внутренней идентичности – точнее, эта идентичность становится сугубо негативной, антизападной. Она прикрывается защитой расплывчато понимаемых «традиционных ценностей», **но фактически ее целью становится имперская экспансия как таковая.**

Поэтому есть основания полагать, что **очередной исторический распад империи будет означать и отказ от геонима «Россия»**, подобно тому как это в свое время случилось с Римской империей. Слово «построссийский» пока еще звучит непривычно, но полезно вспомнить, что в 1991 году термин «постсоветский» возник как такой же внезапный неологизм.

Термин «пост-Россия» был предложен автором этих строк на II Форуме свободных народов России, состоявшемся в Праге в июле 2022 года. И впоследствии в названии Форума слово «Россия» было изменено на «пост-Россия». В необходимости такой трансформации меня убедили настроения большинства участников мероприятия, которые представляли различные регионалистские движения, но уже не хотели позиционировать себя как «российские».

В этой книге я попытаюсь проследить возможное становление построссийской реальности на основе анализа исторических процессов и формирования множества антиимперских регионалистских движений в последние годы. **Стремительное возникновение этих построссийских сил открывает новую**

историческую перспективу. Официальная российская идеология все еще пытается удержать единый «имперский нарратив», игнорирующий колоссальное культурное и политическое многообразие пространств Северной Евразии. Поэтому граждане различных регионов, представляющие собой это живое многообразие, наверняка предпочтут собственное развитие на основе взаимовыгодных отношений с соседями тому, чтобы оставаться заложниками империи, которая давно пережила свою эпоху.

Существует один ложный, но чрезвычайно укоренившийся исторический стереотип – будто бы в 1991 году рухнула «коммунистическая империя» и началась «свободная Россия». В действительности на тот момент после пяти лет Перестройки никакого идеологического «коммунизма» уже не существовало, а на смену конфедеративному проекту как раз и пришло очередное возрождение империи, поскольку **слово «Россия» имманентно несет в себе имперский смысл.**

Автор не намерен углубляться в самоцельный анализ исторического прошлого, что, к сожалению, свойственно многим «россиеведческим» исследованиям. Тем не менее краткий экскурс в новейшую историю представляется необходимым, поскольку именно там коренятся причины нынешнего положения дел.

Некоторые главы этой книги представляют собой развернутые версии статей автора, опубликованных за последние годы в различных медиа и на порталах аналитических институтов. Я благодарен их читателям за конструктивные замечания, которые помогли мне уточнить изложенные здесь тезисы и прогнозы.

*Вадим Штена,
Таллинн, август 2024 г.*

1. Возрождение империи из несбывшейся конфедерации

Революция Михаила Горбачева

Эпоха Перестройки (1985–1991) в сегодняшней России подвергается искусственному забвению и даже вычеркивается из истории. Дело в том, что **ее смыслы абсолютно противоречат имперской матрице**, которую возродила постсоветская власть. Поэтому полезно вспомнить некоторые ключевые события той эпохи, способные стать поучительными в новом историческом цикле. Уже почти 40-летняя временная дистанция с Перестройкой дает возможность оценить ее значение рационально и непредвзято, выделив самое существенное в ее наследии и избежав *аберрации близости*, которая заставляет преувеличивать значимость текущих событий.

Сразу после начала полномасштабного вторжения России в Украину в феврале 2022 года Горбачев-Фонд призвал к «скорейшему прекращению военных действий и немедленному началу мирных переговоров»². Но кремлевская власть оставила призыв 90-летнего политического ветерана без внимания. Дальнейший ход войны он уже не комментировал. **Эта война означала окончательное крушение горбачевского проекта мирной и договорной трансформации постсоветских пространств.** Очевидно, он переживал глубокую депрессию и скончался 30 августа того же года.

Горбачев изменил планету, но проиграл в России. На Западе его справедливо уважают за прекращение холодной войны. Фактически и возникновение Европейского союза стало

возможным благодаря президенту СССР, который отказался вмешиваться в политику восточноевропейских стран, что привело к историческому падению Берлинской стены.

Но эта внешнеполитическая либерализация была глубоко взаимосвязана с внутренней перестройкой СССР, который со сталинской эпохи фактически представлял собой гиперцентралистскую империю. **Деимпериализация в условиях демократических свобод выглядела неизбежной**, однако основным вопросом той эпохи состоял в выборе адекватных форматов и механизмов освобождения от империи, которые позволили бы избежать хаотического и кровавого распада, как в Югославии. Кстати, вторжением в Грузию в 2008 году, аннексией Крыма в 2014-м и, наконец, началом полномасштабной войны против Украины Путин, в сущности, стал запоздало реализовывать на постсоветских пространствах именно «югославский сценарий», который Горбачеву в свое время удалось предотвратить.

Усилиями пропагандистских служб первого президента России Бориса Ельцина еще в 1990 году был создан, а впоследствии стал расхожим стереотип о том, будто бы Горбачев хотел «сохранить СССР», тогда как руководители постсоветских республик «открывали постимперскую эпоху». Это утверждение во многом справедливо относительно других республик, но Россия, напротив, двинулась по пути возрождения империи, что будет подробнее описано в следующих главах.

«Сохранить» прежний СССР хотели организаторы августовского путча 1991 года, тогда как Горбачев стремился трансформировать страну в договорное федеративное государство, даже с элементами конфедерации³. Путч был нацелен на срыв подписания нового Союзного договора, которое должно было состояться 20 августа. Старая советская номенклатура пошла на это преступление, потому что ясно осознавала – в условиях нового Союза, власти которого избираются самими

республиками, все прежние имперские чиновники должны будут уйти в «историческую отставку».

Главным, революционным и беспрецедентным отличием Михаила Горбачева от всех предыдущих российских царей и советских вождей было то, что основным смыслом его политики стала попытка перестроить империю в добровольный Союз суверенных государств. Это означало **принципиальную ликвидацию имперского устройства страны, установленного еще московскими царями в XV веке**. Если республики договариваются между собой и добровольно делегируют часть своих полномочий совместным союзным структурам, это федеративная, субсидиарная модель, которая противоположна имперской и несовместима с ней. В империи, как известно, все властные инициативы идут только «сверху вниз». А сама **идея нового Союза рассматривалась не как самоцельное для империи «удержание территорий», но как общее правовое и демократическое пространство** – на том же принципе построен и Евросоюз.

Горбачевский проект также кардинально отличался от прежнего союзного договора 1922 года, когда был сформирован СССР. Тогда союзные республики формально обладали суверенитетом, но все они были подчинены диктатуре коммунистической партии. А в 1990 году партийная вертикаль была ликвидирована: КПСС стала лишь одной из партий, тогда как **реальные властные полномочия перешли к свободно избираемым многопартийным Советам**. Лидеры республик в 1990 году уже не были местными «первыми секретарями КПСС», назначенными из Москвы, — они возглавили республиканские парламенты (Верховные советы), будучи легитимно избраны. Среди них были беспартийные деятели и даже бывшие диссиденты, как Звиад Гамсахурдиа в Грузии и Витаутас Ландсбергис в Литве. Горбачев мог политически не соглашаться с ними, но он никак не вмешивался в эти выборы, что

выглядело беспрецедентно и для советской эпохи, и для последующей «новой России». **Деимпериализация пространства состоит именно в том, что на нем возникает множество региональных политических субъектов вместо «единого царя».**

Некоторые интеллектуалы утверждают⁴, что горбачевская попытка трансформировать многовековую империю в договорную (кон)федерацию была невозможной в принципе, мировая история не знает таких прецедентов. Однако **любые события в истории когда-то происходят впервые**. А отказ от этой трансформации как раз и привел к возвращению России в «имперскую колею».

Горбачев в своей политике деимпериализации СССР фактически опирался на идеи двух известных советских диссидентов: Андрея Сахарова и Абдурахмана Авторханова.

Академик Сахаров был возвращен из ссылки в 1986 году и стал вести свободную общественную деятельность. В 1989 году на первых конкурентных выборах он был избран депутатом впервые созданного **Съезда народных депутатов**, который провозгласил себя высшей законодательной властью в СССР, уже без подчинения КПСС. Эта передача власти от партийных органов к избираемым Советам, фактическая парламентаризация СССР также была одной из целей революции Горбачева.

Сахаров повторил на Съезде революционный лозунг начала XX века **«Вся власть Советам!»**. Но если в ту эпоху он означал стремление заменить «буржуазные» институты власти (Государственную думу, Временное правительство и т.д.) рабочими Советами, где часто доминировали большевики, то в 1989 году его смысл изменился кардинально, едва ли не на

противоположный. Теперь этот лозунг означал как раз стремление к многопартийному парламентаризму вместо неизбираемой власти КПСС. И **Межрегиональная депутатская группа** на Съезде, объединившая сторонников перемен из разных республик СССР, фактически стала первой легальной оппозицией в советскую эпоху.

Именно в рамках этой группы Сахаров разрабатывал свой проект⁵ новой Конституции СССР, предлагая переименовать его в **Союз Советских Республик Европы и Азии**. Он мыслился как добровольное, децентрализованное и интернациональное сообщество, основанное на международных правовых принципах. По ряду определений его можно сопоставить с проектом Европейского союза, который был реализован несколькими годами позже.

Учитывая колоссальное влияние Сахарова на меняющееся общество эпохи Перестройки, его внезапная смерть в декабре 1989 года выглядит довольно загадочной. Или, напротив, вполне объяснимой, если вспомнить последующее устранение спецслужбами многих других ярких фигур в российской политике. Академик своим авторитетом был опасен для тех, кто уже в те годы разрабатывал проект имперского «возрождения России», с которым идеи Сахарова были совершенно несовместимы.

Другим вдохновителем реформ Горбачева можно назвать чеченско-американского историка и политического философа Абдурахмана Авторханова. В 1988 году в ФРГ вышла его книга «Империя Кремля. Советский тип колониализма», в финальных главах которой он рекомендует Горбачеву преобразовать СССР в «**добровольную равноправную конфедерацию**». Поскольку аппарат советского лидера тогда активно изучал мировые оценки политики Перестройки, нельзя исключать, что Горбачев был ознакомлен со взглядами этого авторитетного советолога.

И в конце концов Горбачев действительно внял совету Авторханова – последний проект⁶ Союзного договора (ноябрь 1991 г.) был именно **конфедеративным**. Однако этой конфедерации не позволили возникнуть, а затем в «свободной постсоветской России» упомянутая книга Авторханова была объявлена «экстремистской» и запрещена⁷. Вероятно, для «империи Кремля» новой эпохи авторские рассуждения о перспективах конфедерации стали выглядеть даже более опасными.

Есть распространенный стереотип о том, что в эпоху Перестройки Горбачев постоянно **запаздывал** с необходимыми моменту решениями. Во многом это выглядело действительно так, но, если взглянуть с другого ракурса, его проект Договора о Союзе Суверенных Государств (ССГ), разработанный к августу 1991 года, напротив, **опережал свое время**. Фактически по своим правовым основам он напоминал Договор о Европейском союзе, подписанный в Маастрихте лишь годом позже. И кстати, проект Договора о ССГ был даже более свободным, чем Договор о ЕС: ССГ изначально утверждал добровольность вступления и выхода его членов, тогда как статья о выходе стран из ЕС появилась лишь в Лиссабонском договоре 2009 года.

Видимо, политиков-реформаторов, тем более революционного масштаба, каким был Горбачев, невозможно мерить одномерными схемами «запаздывания» или «опережения». **Они не вписываются в эти плоские рамки, точнее, в их политике могут сочетаться многие противоположные тренды.**

О необходимости разработки нового, равноправного Союзного договора, основанного на суверенитете всех республик, впервые заявила тогдашняя Эстонская ССР еще в ноябре 1988 года. Это было наглядное опровержение анекдотического стереотипа об «эстонской медлительности». Реально

медлительной в тот момент оказалась Москва, которая была еще не готова к диалогу о структурной трансформации Союза. А когда она созрела до этой идеи в 1990 году, сама Эстония уже более не хотела вступать ни в какой «новый Союз», предпочитая перспективу восстановления независимости. **Время в эпоху Перестройки шло стремительно.** Председатель Верховного совета Эстонии Арнольд Рюйтель в 1990 году сказал Горбачеву: «То, что было возможным два года назад, теперь ушло, как поезд, и его не догнать».

Интересны еще несколько малоизвестных, но показательных фактов взаимоотношений Горбачева с Эстонией, наглядно демонстрирующих, что имперская оккупация этой страны фактически закончилась при нем. На встрече в Таллинском политехническом институте во время визита туда в 1987 году Горбачев заявил: «Политэкономия социализма устарела» — и призвал студентов активнее изучать новые информационные технологии. Фраза оказалась пророческой: вскоре Эстония действительно стала лидером в цифровой модернизации среди постсоветских и даже среди европейских стран. Но в устах тогдашнего генсека КПСС эта констатация звучала революционно. Впрочем, в том же году вышла его книга «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира», в которой он поставил **«общечеловеческие ценности» выше «классовых»**. Для прежних советских вождей такое утверждение было бы немыслимым. Оно означало конец тоталитарной коммунистической идеологии.

В 1988 году первый секретарь компартии Эстонии, деятель сталинистских взглядов Карл Вайно просил Горбачева ввести войска в республику «для подавления сепаратистских настроений». Именно тогда создавался Народный фронт Эстонии, который требовал республиканского самоуправления. Однако Горбачев вместо ввода войск снял с должности самого Вайно. Отставной эстонский партсекретарь переехал в Москву,

а в 2016 году его внук Антон Вайно занял должность главы администрации президента России. Таков любопытный круговорот советской номенклатуры. Фактически **Путин продемонстрировал идейную и кадровую преемственность своей политики с доперестроечными временами.**

Еще два показательных и неожиданных примера того, что для Горбачева идея **интернационализма** была вполне реальной, а не сугубо лозунговой, как для многих советских руководителей. Из рассекреченных и частично опубликованных в интернете стенограмм заседаний Политбюро ЦК КПСС:

1987

Горбачев после визита в Эстонию: *У нас недостает межнационального общения между республиками. Да и с Россией тоже. По переводам эстонской и латышской литературы на русский просто провал. Но тем, кто туда приехал, надо к местному языку проявлять уважение. А некоторые так рассуждают: зачем «их» язык знать? Русского хватит. Позор!*

1989

Лукиянов: *Эстонцы ведь требуют, по существу, вернуть прежний, буржуазный флаг.*

Горбачев: *Не надо так, Анатолий Иванович. Это флаг эстонской государственности, при чем тут буржуазия? Законно они восстанавливают свой исторический флаг. И это в компетенции республики по Конституции.*

Есть некоторый исторический парадокс в том, что дата 20 августа 1991 года, на которую планировалось подписание нового Союзного договора, сорванное путчистами, не ушла в забвение, а все-таки стала государственным праздником. Только в Эстонии, которая в этот день провозгласила восстановление независимости. Разумеется, Эстония не собиралась входить в «новый Союз», однако окончательное восстановление независимости откладывала до его юридического

возникновения, оставляя за собой право заключения возможных ассоциативных соглашений. Но путч 19 августа подвел резкую черту под этими ожиданиями и заставил эстонских политиков немедленно восстанавливать независимость, поскольку они никак не желали ассоциироваться с реставрацией прежнего, имперского СССР — заявленной целью ГКЧП.

В конечном итоге 6 сентября 1991 года в качестве председателя Госсовета СССР, объединявшего президентов всех союзных республик, Горбачев подписал постановление⁸ о признании государственной независимости Эстонии и других стран Балтии. Это стало возможным в результате того, что он окончательно освободился от влияния на него партийной номенклатуры, настаивавшей на силовом сохранении СССР.

Из всех стран Балтии наиболее критично к Горбачеву относятся в Литве: на него возлагают персональную ответственность за кровавое подавление мирных протестов в Вильнюсе в январе 1991 года. Однако здесь дело было не в его личной «кровожадности», а в том, что на тот момент Горбачев действительно **утратил контроль над главными советскими силовиками, за что впоследствии поплатился августовским путчем**. Тем не менее некоторым литовским политикам свойственно забывать, что восстановление независимости их страны в 1988–1991 гг. вообще стало возможным именно благодаря Перестройке. Реальную историю напоминает⁹ депутат Европарламента Андриус Кубилиус:

Даже если вспоминать брежневские времена, то и мы, литовцы, тогда не так храбро выходили на демонстрации. Да, у нас были диссиденты, но демонстрации появились только тогда, когда уже началась перестройка Горбачева, когда мы поняли, что за демонстрацию за демократию, за нашу независимость уже не будут посылать в Сибирь или в психушку.

Разумеется, всего за шесть лет (1985–1991) пребывания Горбачева у власти провести, как он намеревался, революционную, но плавную трансформацию многовековой империи в добровольную и договорную конфедерацию было практически невозможно. Ошибки в осуществлении Перестройки выглядели неизбежными – хотя бы потому, что **за такие преобразования в истории еще никто не брался**. Однако объективное изучение той эпохи требует беспристрастного анализа этих ошибок – без идеализации реформатора, но со стремлением понять его логику.

Одна из главных ошибок Горбачева была указана выше – он не внял призыву Эстонии в 1988 году к подготовке нового Союзного договора, и это **промедление на два года оказалось фатальным**: центробежные тренды в СССР неудержимо нарастали. Однако запустил эти тренды также он сам. Когда власть в союзных республиках в 1990 году перешла от назначаемых из Москвы первых секретарей КПСС к свободно избранным на местах Верховным советам, эти парламенты, разумеется, потребовали повышения республиканского самоуправления и провозгласили суверенитет своих республик. К тому же выборы в них были уже многопартийными: статья 6 Конституции СССР, утверждавшая политическую монополию КПСС, была отменена в марте 1990 года одновременно с избранием Горбачева президентом СССР.

Однако эта структурная трансформация не привела к вытеснению КПСС из управления страной. Многие вопросы внутренней политики СССР, в том числе и силовые решения, остались в юрисдикции «Старой площади» (в доме 4 по Старой площади находился ЦК КПСС), и в этом вторая крупнейшая ошибка Горбачева, которую также можно назвать фатальной.

Зачем президент СССР, чья политическая роль по определению должна быть надпартийной, упорно держался за уставшие и консервативные структуры КПСС? В первые годы у власти (1985–1988) Горбачев еще сохранял идеалистическую надежду на то, что ему удастся превратить партию в «авангард Перестройки», но, столкнувшись с жестким сопротивлением аппарата реформам, перешел к другой логике, которую образно описывал близким соратникам: **«Нельзя отпускать с цепи бешеную собаку»**. Поэтому он стремился сохранить контроль над КПСС, не желая отдавать эту все еще довольно массовую организацию сталинистским реакционерам.

Он надеялся идеологически трансформировать КПСС в аналог европейских социал-демократических партий. Однако это оказалось несовместимым не только с консервативным большинством КПСС, но и с «новой Россией». Уже после отставки Горбачев пытался создавать ряд социал-демократических организаций, но власти такие инициативы не приветствовали и окончательно ликвидировали его **Союз социал-демократов** в 2017 году.

Перестройка с ее стремительным гражданским пробуждением, свободными выборами на всех уровнях, принятием (август 1990 г.) нового Закона СССР о печати, отменявшего всякую цензуру, привела в политику новые демократические силы, несовместимые с прежней партократией. Открыв шлюзы исторических перемен, **Горбачев пытался найти невозможный «консенсус» между номенклатурой и демократами**, балансировал между ними, что воспринималось как политическая «нерешительность». В большинстве союзных республик эти новые силы оформлялись как национально-демократические движения, а их антиимперские лозунги уже приводили к силовым столкновениям с милицией и даже армией.

Горбачев опасался перерастания этих конфликтов в полномасштабную гражданскую войну, и, с точки зрения

реформатора, эти опасения были небеспочвенны. И по своим взглядам, и по качествам характера он не мог допустить, чтобы начатая им Перестройка закончилась кровавым расколом общества, поэтому он старался выдерживать позицию «над схваткой». Но это приводило не к примирению имперских партократов и антиимперских демократов, а, напротив, к яростной критике Горбачева с противоположных сторон. **Имперцы обвиняли его в «развале страны», демократы, наоборот, в стремлении «удержать империю».** Отставки президента СССР одновременно требовали такие идеологически полярные движения, как «Демократическая Россия» и депутатская группа «Союз».

Весьма показательно, что эти «полюса» **сходились в одинаковом и даже синхронном отвержении проекта нового Союзного договора.** Так, 16 августа 1991 года состоялась встреча будущих путчистов Крючкова, Язова, Шенина, Бакланова, Болдина, принявших решение не допустить подписания Договора о Союзе Суверенных Государств. И в тот же день «Российская газета» опубликовала заявление движения «Демократическая Россия», также требующее не заключать новый Союзный договор как якобы «возрождающий имперские традиции». Но если в первом случае имперская номенклатура резонно опасалась за свои посты в новом, конфедеративном Союзе, то демократы наивно полагали, что Россия, обретя независимость от Союза, тем самым перестанет быть империей. Хотя, как показало будущее, она стала гораздо более агрессивным-имперским государством, чем перестроечный СССР.

С апреля по август 1991 года практически вся внутренняя политика Горбачева сосредоточилась в **Ново-Огаревском процессе** по формуле «9 + 1» – серии обсуждений принципов нового Союза с лидерами девяти республик, желавших преобразовать СССР в конфедерацию суверенных государств. Остальные шесть тогдашних союзных республик (Армения,

Грузия, Латвия, Литва, Молдова, Эстония) не выразили желания входить в новый Союз, но их к этому уже никто не принуждал. И показательно, что для самого Горбачева на первый план выходило не «удержание» СССР в его прежних границах, а именно договорные принципы отношений его субъектов.

Ново-Огаревские дискуссии порой были довольно бурными, причем сам факт их проведения был беспрецедентным за всю советскую и даже многовековую имперскую историю. Президент СССР общался уже не с царскими или партийными «наместниками», но с демократически избранными главами различных республик. Эта **множественная политическая субъектность** вместо кремлевского «единоначалия» и равноправная договорность республик, которые добровольно делегируют часть своих полномочий на союзный уровень, фактически означали **ликвидацию имперского принципа власти**.

Тем не менее в своем стремлении сочетать интересы различных, даже противоположных групп Горбачев дошел до идеалистической, но практически нереализуемой попытки **объявить необъятное**. Он попытался «успокоить» консервативную имперскую номенклатуру тем, что до подписания нового Союзного договора сохранял ее представителей на всех ключевых государственных постах в СССР, хотя Ново-Огаревский процесс предусматривал совершенно иную кадровую политику – делегирование на союзные должности представителей различных республик. И эта противоречивая опора на партийных, военных и спецслужбистских чиновников сработала как мина под главным проектом его политической реформы – новым Союзным договором.

Многолетний помощник Горбачева Анатолий Черняев в своих мемуарах¹⁰ нарисовал антиутопию 1991 года, как если бы с президентом СССР действительно что-то случилось и он не смог бы исполнять свои обязанности. Тогда его заместители из членов ГКЧП могли прийти к власти без всяких путей,

а совершенно законно и для окружающего мира выглядели бы вполне легитимными. В этом состоит третья стратегическая ошибка Горбачева: он **чрезмерно персонифицировал процесс трансформации СССР в новую договорную конфедерацию** и поставил его в зависимость от себя лично, тем самым сделав его очень рискованным. Хотя такая трансформация действительно была запросом времени и могла опираться на массовое политическое движение во всех советских республиках. Перестроечное гражданское пробуждение в 1987–1990 гг. могло оформиться в такое движение, условную **«партию прогресса»**, которая сочетала бы в себе стремление к интеграции с развитым миром, социал-демократию и республиканское самоуправление. Тогдашний советский «средний класс» в лице городской интеллигенции вполне разделял идеи общего договорного пространства, основанного на правах человека, свободе передвижения без границ и т.д., но эти идеи так и не были организационно оформлены.

Горбачев не создал своей массовой партии, продолжая вместо этого балансировать между имперцами из КПСС и российскими демократами, которые также вскоре перешли к неоимперскому лозунгу «возрождения России». И в итоге **вместо строительства новой, договорной цивилизации произошло столкновение, а впоследствии слияние двух имперских проектов – советского и российского**. Весьма символично, что администрация российского президента Ельцина вскоре после победы над августовским путчем переехала в бывшее здание ЦК КПСС на московской Старой площади, оставив там на их рабочих местах множество представителей прежней партийной номенклатуры как «профессиональных управленцев».

Четвертая ошибка Горбачева состояла в его попытке сохранить прежнюю советскую административно-территориальную иерархию, которая была уже несовместимой с трансформацией империи в равноправный конфедеративный союз.

Прежде всего, столицей новой конфедерации он продолжал видеть Москву, не вынося этот вопрос на обсуждение ее участников. Однако многовековая и особенно обострившаяся в советскую эпоху **гиперцентралистская роль Москвы не могла не вызывать возражений у различных республик**, резонно опасавшихся очередного возрождения этого города в качестве имперской метрополии. Кроме того, если Горбачев ориентировался на модель возникающего Евросоюза, он не мог не обратить внимания, что его столица предполагается не в какой-то из бывших имперских метрополий (Париже, Берлине или Лондоне), что неизбежно вызвало бы конкуренцию между ними, а в «нейтральном» и относительно небольшом Брюсселе.

Евросоюз уравнивал в правах все европейские страны. И некоторую параллель с этим процессом можно отметить в законе, подписанном Горбачевым в 1990 году, «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации»¹¹, который фактически уравнивал права союзных и автономных республик. Действительно, выглядело абсурдным, что «союзная» Эстония с населением 1 миллион человек имела прав и полномочий больше, чем «автономный» 5-миллионный Татарстан. И этот закон вполне соответствовал конституционному проекту академика Сахарова, который утверждал симметричное равноправие всех республик. Если бы все 16 (на тот момент) автономных республик в составе РСФСР обрели статус союзных, открывавший им перспективу стать независимыми государствами, неоимперская эволюция России стала бы невозможной. Фактически **построссийская эпоха могла начаться уже тогда**.

И неслучайно после принятия этого закона тогдашний советник Ельцина Сергей Шахрай панически заявлял: «Горбачев хочет развалить Россию!» Действительно, перспектива прямых, равноправных и договорных отношений различных республик ломала их искусственную, установленную еще при

Сталине иерархию, когда союзные республики имели гораздо больше полномочий, чем автономные. И это касалось ситуации не только в России, но и в Украине.

20 января 1991 года в Крымской области, которая входила в состав Украинской ССР, состоялся **первый в СССР референдум**, на который был вынесен вопрос: «Вы за воссоздание Крымской Автономной Советской Социалистической Республики как субъекта Союза ССР и участника Союзного договора?» Положительно на него ответили 93% крымчан. Этот результат свидетельствовал о появлении в Крыму **особой политической нации** как непосредственного субъекта нового Союза, не тождественного ни России, ни Украине. Кроме того, этот референдум был абсолютно свободен и легитимен, он не вызывал никаких правовых и юридических сомнений, в отличие от псевдореферендума 2014 года, в спешке проведенного под дулами автоматов после российской аннексии Крыма.

Двойственность Крыма в последние годы СССР проявлялась в том, что, с одной стороны, большинство населения там составляли русские (67%, по данным переписи 1989 г.), а с другой – экономически полуостров полностью зависел от Украины (пресная вода, продовольствие, электроэнергия поступали с «материка»). Передача Крыма из РСФСР в УССР в 1954 году была продиктована именно экономически-логистическими соображениями, а не «произволом Хрущева», как утверждают нынешние кремлевские пропагандисты.

В условиях начала 1991 года, когда Россия и Украина уже приняли свои Декларации о суверенитете, президент СССР мог бы признать в качестве равноправного субъекта Союза также и Крым, включив его представителей в Ново-Огаревский процесс, где обсуждались параметры нового Союзного договора. По существу, крымчане на своем референдуме голосовали именно за это. Однако Горбачев воздержался от такого решения – вероятно, опасаясь поспорить с руководителями

Украины, которые продолжали считать Крым своим регионом. Здесь вновь можно отметить беспрецедентность положения дел в эпоху Перестройки: **ни один прежний советский вождь не опасался поспорить с руководителями той или иной союзной республики.** А Украину Горбачев видел одним из ключевых участников нового Союза.

Украинское руководство отреагировало на крымский референдум оперативно, но интерпретировало его по-своему. 12 февраля 1991 года Верховная рада Украины приняла закон о восстановлении Крымской АССР в составе УССР. Таким образом, Крым хоть и признавался как республика, но «второго порядка»: не союзная, а лишь автономная, не имеющая суверенного голоса на союзном уровне. Именно это и заложило основы последующей российско-украинской борьбы за его принадлежность. А если бы полуостров по итогам своего референдума обрел статус союзной республики – **не «в составе» России или Украины, но равноправной с ними,** – эта борьба двух соседей за обладание им выглядела бы немыслимой. И в итоге, как и другие союзные республики, Крым стал бы независимым государством и членом ООН. Утопия Василия Аксенова «Остров Крым» могла бы воплотиться...

Не признав республиканскую субъектность Крыма, Горбачев фактически сделал его предметом последующего территориального спора России и Украины. А впоследствии – и объектом российской аннексии, которую он поддержал¹², забыв про свою приверженность международному праву. К сожалению, **престарелый Горбачев не осознал тогда нарастающей имперской эволюции российского режима,** которая неизбежно привела к полномасштабной войне. Но эту войну он, к его чести, все же отверг, не предав базовых ценностей своей политической личности.

Идеальной столицей нового конфедеративного Союза как раз и мог бы стать Крым как полуостров в целом.

Можно провести параллель со столичными для ЕС Брюсселем и Страсбургом: оба этих города вместе с окружающими их региональными агломерациями сохраняют этноисторическую двойственность, в первом случае валлонско-фламандскую, во втором – франко-немецкую. Однако эти противоречия успешно разрешаются их общеевропейской ролью. И, может быть, **ирония истории состоит в том, что проект ССГ закончился именно в крымском Форосе.**

И наконец, пятая ошибка Горбачева заключалась в том, что под влиянием «патриотических» стереотипов он продолжал считать постсоветскую Россию «своей страной». Однако это **возникшее в конце 1991 года неоимперское государство по всем своим смыслам и символике радикально противоречило конфедеративным проектам Перестройки.** Фактически «возрожденная Россия» стала взрывом конфедерации изнутри, вернувшим историю этой страны к имперской матрице.

Горбачев пытался участвовать в «выборах» президента России в 1996 году, но само его участие в этой политтехнологической операции, нацеленной на победу Ельцина любой ценой, выглядело несоразмерным для личности Горбачева как деятеля глобального уровня. И даже политически оскорбительным, поскольку в той ситуации у него не было возможности провести прямые дебаты с Ельциным, который уже привык к «кремлевскому трону». Гораздо более адекватным для Горбачева было бы, **завершив свою деятельность на посту президента СССР, вообще уехать из России** и создать свой аналитический центр в свободном мире, поскольку в РФ его Фонд подвергался различным притеснениям со стороны новой власти.

А может быть, в постсоветскую эпоху наиболее подходящим статусом для Горбачева с его глобальными идеями «нового мышления» стал бы **пост Генерального секретаря ООН.** Жаль, что демократические страны тогда не выдвинули его, как лауреата Нобелевской премии мира. Возможно, Горбачеву

на этом посту удалось бы эффективно, на мировом уровне оппонировать имперской реставрации России, а также возвращению других стран к «старому мышлению».

* * *

Разумеется, история не знает сослагательного наклонения, но все же возможно представить себе ее альтернативный вариант, в котором новый Союзный договор в 1991 году был подписан. Сегодня он кажется фантастикой, но всего за три дня до августовского путча, когда проект Договора о **Союзе Суверенных Государств** был опубликован, он выглядел исторической неизбежностью. Однако прогрессивный ход истории всегда кого-то пугает...

За предыдущие века на этом пространстве сложилось невероятно **полиэтническое сообщество**. Поэтому формулировки договора стремились учитывать эту сложность, ни в коем случае не противопоставляя народы:

Участники Договора будут исходить из сочетания общечеловеческих и национальных ценностей, решительно выступать против расизма, шовинизма, национализма, любых попыток ограничения прав народов. <...> Всем гражданам гарантируются возможность изучения и использования родного языка, беспрепятственный доступ к информации, свобода вероисповедания, другие политические, социально-экономические, личные права и свободы.

Некоторые статьи при взгляде из сегодняшней российской ситуации звучат едва ли не «экстремистски»:

Участники Договора признают общим фундаментальным принципом демократию, основанную на народном представительстве и прямом волеизъявлении народов, стремятся к созданию правового государства, которое служило бы гарантом против любых тенденций к тоталитаризму и произволу.

На международной арене главными целями нового Союза заявлялись:

прочный мир, разоружение, ликвидация ядерного и другого оружия массового уничтожения, сотрудничество государств и солидарность народов в решении глобальных проблем человечества.

При этом все республики становились полноправными членами международного сообщества. Они вправе устанавливать непосредственные дипломатические, консульские связи и торговые отношения с иностранными государствами, обмениваться с ними полномочными представительствами, заключать международные договоры и участвовать в деятельности международных организаций.

Новый Союз означал бы конец имперского принципа организации евразийских пространств. Вместо московской метрополии и окружающих ее колоний утвердились бы договорные отношения между равноправными, суверенными и международно признанными республиками. Сам **пост президента ССР стал бы не продолжением роли «кремлевского царя», но аналогом председателя Еврокомиссии**. И в конечном итоге произошла бы интеграция бывших советских республик с европейскими странами, которые тогда также объединялись в ЕС. Возник бы реальный, гораздо более обширный и культурно многообразный **«общеевропейский дом»** (одна из самых популярных фраз в риторике Горбачева в 1989–1991 гг.).

Такой подход, нацеленный на советско-европейскую интеграцию и фактически преобладавший тезисы академика Сахарова о **конвергенции систем**, принципиально отличался от мышления в категориях геополитического противостояния, которые стали популярными в «возрожденной России». Как свидетельствуют рассекреченные архивы, в 1999 году Ельцин просил¹³ президента США Клинтона: Билл, отдай Европу России.

В обращении к парламентам союзных республик 3 декабря 1991 года президент СССР рассуждал диалектически:

Две основополагающие идеи заложены в конфедеративную концепцию Договора, которая определяет характер новой, небывалой государственности. Это идея самоопределения, национально-государственного суверенитета, независимости. И это идея союзничества, сотрудничества, взаимодействия и взаимопомощи.

По существу, он излагал философию Европейского союза – еще до его официального создания.

Интересно, что в тот же самый день Горбачев подписал **закон о ликвидации КГБ СССР**. Это ведомство разделялось на республиканские организации, которые должны быть подконтрольны их свободно избранным властям. Однако в России КГБ не реформировался и не подвергся никакой люстрации, а лишь переименовался – сначала в МГБ, затем в ФСК и, наконец, в ФСБ, но в целом сохранил свою преемственность от большевистского ЧК и штаб-квартиру в печально известном здании на Лубянке.

8 декабря 1991 года лидеры России, Украины и Беларуси заявили о прекращении существования СССР, фактически сорвав все возможные конфедеративные проекты его трансформации. Но, как показала история, это привело не к расширению гражданских свобод, а к ровно противоположным последствиям. **Цензура, отмененная советским Законом о печати 1990 года, в большинстве постсоветских стран была восстановлена.** Россия и Беларусь отвергли все демократические достижения эпохи Перестройки и превратились в многодесятилетние персоналистские диктатуры. Украине удалось выйти из этого тренда и вернуться к демократии только с помощью двух гражданских революций – Майданов (2004 и 2014 гг.).

Созданное в Беловежской пуще и затем утвержденное Алма-Атинскими соглашениями **Содружество Независимых Государств** по существу оказалось геополитической фикцией, которая не сумела предотвратить войну между его учредителями. Это Содружество и не планировалось строить как конфедерацию, способную корректировать политику участников с позиций международного права. А **оказавшись без такой конфедеративной «надстройки», Россия неудержимо скатилась в возрождение империи**, подавляющей свои регионы и угрожающей войной всему миру.

Довольно показательна пропагандистская статья 2020 года «Беловежская пуща спасла Россию от развала»¹⁴, автор которой утверждает, что, только избавившись от горбачевских конфедеративных проектов, ельцинскому руководству удалось удержать государственное единство РСФСР.

Вероятно, действительно существует такая историческая закономерность: **если Россия выходит из наднациональных, международных проектов и организаций, в ней начинается «суверенная» имперская реставрация**. Если перестроечный СССР стремился к интеграции с окружающим развитым миром, то постсоветская Россия стала постепенно противопоставлять себя ему и в конечном итоге вышла из Совета Европы. Российские проекты реорганизации постсоветского пространства (ЕврАзЭС, ОДКБ и т.д.) предусматривают не равноправное сотрудничество различных стран, но навязывание другим странам кремлевских интересов. Горбачев в своих мемуарах «Остаюсь оптимистом» (2017 г.) писал:

Было горько, что перестройку оборвали на полпути, а скорее, даже в самом начале. И было уже тогда ощущение, что наследие тоталитаризма в традициях, умах, нравах оказалось слишком глубоким, вошло во все поры общественного организма... Российское руководство рассчитывало на то, что будет

доминировать на постсоветском пространстве – вместо равноправного союза.

Нынешняя имперская реставрация идеологически часто апеллирует к ностальгии по «разрушенному СССР». Путин в 2005 году назвал распад СССР «крупнейшей геополитической катастрофой XX века». Но он явно имел в виду не ту договорную конфедерацию, которую пытался построить президент СССР, а привлекательный для себя образ сталинской империи, которую «боялись во всем мире». Возможно, если бы в 1991 году состоялась мягкая конфедеративная трансформация СССР, никто бы уже не идеализировал прежнюю империю и не стремился к ее «восстановлению». **Ностальгия по ней стала компенсаторной психологической реакцией именно на ее резкий и внезапный распад.**

А с точки зрения имиджа интересно заметить, что Горбачев, в отличие от предыдущих советских и последующих российских правителей, **никогда не надевал военную форму.** Его часто обвиняли в силовом подавлении гражданских выступлений в различных союзных республиках: Азербайджане, Грузии, Литве и т.д. Но, сколь бы критично ни относился Горбачев к демонстрациям в Баку, Тбилиси и Вильнюсе, ему не могло прийти в голову бомбить эти города и развязывать полномасштабные войны, как это стали позволять себе российские правители Ельцин и Путин по отношению к Чечне и Украине. Так с **переходом от перестроечной к постсоветской эпохе произошел качественный рост уровня государственного насилия.**

В целом проект несостоявшейся конфедерации напоминает автору вывод из его давней книги «RUтопия»¹⁵: **если утопии не сбываются, то сбываются антиутопии.**

Как «возрождали Россию», или Перестройка в обратную сторону

Есть расхожий стереотип о том, что в декабре 1991 года состоялось «крушение советской империи». Однако никакого прежнего тоталитарного СССР после августовского путча, в условиях перехода практически всей власти к республикам, уже не существовало. В реальности **отказ от конфедеративного проекта привел к рождению новой империи на базе РСФСР.**

В инаугурационной речи по случаю избрания президентом РСФСР (июнь 1991 г.) Борис Ельцин заявил: «Россия обязательно возродится». Этот лозунг означал, что **исторический маятник пошел в обратную сторону** – если политика Перестройки ориентировалась на прогрессивное будущее, то «возрождение России» означало стремление к реставрации прошлого. В этой речи он произнес и другую примечательную фразу: «Великая Россия поднимается с колен!», которая впоследствии стала шаблоном неоимперской пропаганды.

Если, например, страны Балтии, восстанавливая свою независимость, стремились продолжить историю республик, возникших после Первой мировой войны, то российское «возрождение» подразумевало именно возрождение империи. Власти постсоветской России не объявили ее преемницей **Российской демократической федеративной республики**, которую в январе 1918 года успело провозгласить Учредительное собрание, но фактически ориентировались на продолжение имперской традиции. Ельцин, конечно, не объявлял себя «новым царем», но само его политическое поведение свидетельствовало о том, что первый российский президент видит свою роль именно монархической, единолично-самодержавной.

Весьма примечательным был тот факт, что накануне президентских выборов Ельцин отказался участвовать в прямых теледебатах с другими кандидатами, несмотря на то что позиционировал себя как «главного демократа». Аналогичный отказ любого кандидата, например, на пост президента США дебатировать со своими оппонентами означал бы его автоматическую дисквалификацию. Но в России сразу возродилась монархическая традиция, при которой «не царское это дело – спорить с холопами». И она продолжилась на всех последующих президентских выборах в РФ, когда «главный кандидат» также никогда не участвовал в теледебатах. И сами президенты сменялись не в результате действительно свободных выборов, а путем назначения «преемников», что также наглядно доказывает возрождение монархизма.

Этот обратный ход исторического маятника также наглядно выразился в том, что с каждым годом Перестройки гражданских свобод становилось все больше, а в «возрожденной России» все меньше, пока не закончилось путинской диктатурой.

Показательно, что в Федеративном договоре¹⁶, который президент Ельцин подписал 31 марта 1992 года с руководителями субъектов РФ, в отличие от горбачевского проекта Союзного договора, уже не было ссылки на Всеобщую декларацию прав человека. Демократия больше не называлась «общим фундаментальным принципом», а главной международной целью не провозглашался «прочный мир, разоружение, ликвидация ядерного и другого оружия массового уничтожения, сотрудничество государств и солидарность народов в решении глобальных проблем человечества».

Напротив, из принятой в 1993 году военной доктрины России было исключено еще советское обязательство о неприращении ядерного оружия первыми. Это могло бы насторожить западные государства, но они тогда не сочли эту угрозу

достаточно значимой и согласились с перемещением всего ядерного оружия бывшего СССР на территорию РФ, что позволило России и дальше оставаться в статусе «великой ядерной державы», а впоследствии и напрямую угрожать этим оружием окружающему миру. И, если бы Украине удалось сохранить свою долю советского ядерного потенциала, российская аннексия ее территорий, а впоследствии и полномасштабная война Кремля против этой страны вряд ли были бы возможными, учитывая психологически сдерживающий потенциал ядерного оружия.

РСФСР стала базой для имперской реставрации, поскольку она занимала непропорционально большое место по сравнению с другими союзными республиками. На ее долю приходилось 3/4 территории СССР, 2/3 экономического потенциала и свыше 1/2 населения. При этом в составе СССР Россию невозможно было считать «метрополией», поскольку в отличие от других союзных республик она не имела своего партийного ЦК, своей Академии наук и т.д. Роль многих республиканских институтов РСФСР фактически исполняли союзные органы, а реальной имперской метрополией являлась Москва, сочетавшая в себе столицы СССР и РСФСР. Причем **после исчезновения СССР московский гиперцентрализм даже усилился**, поскольку прежде союзному руководству приходилось все же учитывать интересы различных республик, а постсоветский Кремль, возрождая монархическую традицию, сам принимал решения за всех.

Ошибка многих зарубежных наблюдателей состояла в том, что они до 1990 года фактически **отождествляли СССР с Россией** и поэтому начавшийся впоследствии политический конфликт Горбачева и Ельцина не воспринимали как столкновение разных государств. Поначалу, когда РСФСР при Ельцине добивалась своего республиканского суверенитета, имела место борьба союзных и российских институтов, но затем,

в постсоветскую эпоху, Россия сама апроприировала наследие СССР. И даже более – в речах Путина стало все чаще встречаться выражение «историческая Россия», прямо соответствовавшее Российской империи, границы которой даже превосходили советские.

Так, словно бы взяв реванш за свое состояние в СССР, где РСФСР была лишена многих государственных атрибутов, **постсоветская Россия стала позиционировать себя как прямое продолжение Российской империи.**

С этой, все более популярной имперской точки зрения все остальные постсоветские республики начинали выглядеть, напротив, «не вполне государствами», а их независимость – условной и формальной. Известный «российский реформатор» Анатолий Чубайс выдвинул доктрину либеральной империи¹⁷, которая предусматривала экономическое подчинение Россией всех остальных бывших союзных республик. Однако **«имперская» составляющая этой формулы оказалась важнее «либеральной».**

Процесс имперского возрождения начался сразу после распада СССР, когда Россия, официально не предъявляя территориальных претензий другим постсоветским странам, уже с 1992 года провоцировала в них конфликты (Приднестровье, Абхазия), добиваясь размещения там своих «миротворческих контингентов» (в случае Крыма это было сохранение на полуострове базы российского Черноморского флота) и тем самым расширяя свою «зону влияния». Для носителей великодержавного сознания сокращение «нашей» территории от границ СССР до РСФСР повлекло за собой **рост агрессивного ресентимента и стремления «восстановить великую державу» – только уже не в союзно-договорном, а в российско-имперском формате.**

В 1992 году, выступая в Конгрессе США, Ельцин торжественно пообещал: Россия больше никогда не будет угрожать

миру. Однако включившаяся логика имперской реставрации опровергла его обещание.

Трагический парадокс движения «Демократический Союз» известной диссидентки Валерии Новодворской состоял в том, что именно его участники еще с 1988 года стали популяризировать исторический бело-сине-красный российский флаг в противовес красному советскому. В ходе августовской революции 1991 года триколор воспринимался как «символ свободы», хотя в реальности он был официальным флагом Российской империи. И в **«возрожденной России» быстро возродились его имперские смыслы** – первая чеченская война велась именно под этим флагом. А когда триколор пытались использовать на своих демонстрациях либеральные оппозиционеры, их разгоняла полиция с тем же самым триколором на шевронах.

Постфедерализм и федерация наизнанку

Империя восстанавливалась не только за счет попыток доминировать над другими постсоветскими странами, но и во внутренней российской политике. Примечателен уже упомянутый Федеративный договор 1992 года. С проектом Союзного договора у него было еще несколько важных структурных различий.

Союзный договор строился по принципу **субсидиарности**, то есть «снизу вверх»: его субъекты самостоятельно делегировали часть своих полномочий на уровень ССГ. А Федеративный, наоборот, по имперскому принципу «сверху вниз»: Кремль с царского плеча оставлял на усмотрение регионов некоторые второстепенные функции. В сущности, такой договор было невозможно называть реально федеративным – федерацию учреждают ее субъекты, а не наоборот.

Кроме того, в отличие от Союзного договора, где предполагалось равноправие всех участников, Федеративный устав навливал **асимметрию** – национальные республики (бывшие АССР) получали больше прав и полномочий, чем области и края. Это было **наследие советского федерализма**, который с 1918 года строился по этническому, а не территориальному принципу. Хотя многие российские области и по численности населения, и по экономическому потенциалу крупнее республик. Чтобы как-то преодолеть это неравноправие, Свердловская область в июле 1993 года провозгласила себя **Уральской республикой** и даже опубликовала проект своей конституции. Однако уже в ноябре того же года ельцинский Кремль ее запретил, уволил губернатора и распустил местный парламент. Так возрождался принцип московской «метрополии», а все регионы превращались в одинаковую «провинцию», лишь с разной этнокультурной экзотикой.

В 1990 году, еще в эпоху Перестройки, все автономные республики РСФСР приняли **Декларации о своем государственном суверенитете**. Российское руководство тогда не могло этому возражать, опасаясь утратить свой «демократический» имидж. Однако оно решительно противилось аналогичному подъему политической субъектности областей и краев, в которых проживало большинство населения страны. В 1991–1993 гг. возникали общественные проекты казачьих республик, Вологодской, Поморской, Приморской, Петербургской, Балтийской (Кёнигсберг), Сибирское межрегиональное движение и т.д. Но Кремль не позволил этим проектам политически реализоваться. Российские власти, демонстрируя свою неоимперскую сущность, опасались появления множества **«русских республик»** и полагали, что от лица русских вправе говорить только Москва. Это был пример гораздо более жесткой унификации, чем с национальными республиками, – им хотя бы оставлялось право на собственную идентичность.

Федеративный договор отказались подписать две республики: Чечня и Татарстан. Де-юре это означало, что они **не входят в РФ, а являются независимыми государствами**. Но к ним Кремль подошел «дифференцированно». Против Чечни в 1994 году была развязана колониальная война с бомбардировками городов, на которую окружающий мир закрыл глаза, хотя это был вопиющий пример имперского произвола. А Татарстан удалось уговорить на «особый» договор, будто бы признающий всю его специфику. Но позже, когда Москва полностью восстановила централизм, она отказалась продлевать этот договор. Деятель кремлевской администрации Сергей Кириенко откровенно заявил¹⁸: «Российская государственность строится не по договорному типу». Видимо, не осознавая, что этой фразой он отрицает Российскую Федерацию как таковую.

И в отличие от проекта Союзного договора, российский Федеративный уже **не предусматривал никакой добровольности**. У субъектов РФ изначально не было права на выход из ее состава. А впоследствии стало запрещено даже обсуждать этот вопрос: были приняты законы, которые вводят за такие дискуссии уголовную ответственность.

Прямые и свободные выборы региональных властей являются неотъемлемым свойством всех федеративных политических систем. В развитых федерациях существенную политическую роль играют региональные партии и парламенты, но в России с ее персоналистской традицией основным критерием соблюдения федеративных принципов являлась свободная избираемость глав регионов.

Если рассматривать политическую эволюцию лишь на этом примере, можно заметить, что **уничтожение российского федерализма состояло из двух стадий**.

Сначала, в 2004 году, после теракта в Беслане, Путин отменил губернаторские выборы, мотивируя это необходимостью «борьбы с терроризмом». Хотя тогда даже кремлевские пропагандисты затруднялись объяснить эту логику: чем свободные выборы глав регионов – от Калининградской области до Чукотки – препятствуют этой борьбе? Общественное понимание пришло позже; оказалось, что для власти жупел «терроризма» является лишь предлогом для дальнейшего сворачивания демократических свобод. Более того, требование реальной демократии стало приравняться к «экстремизму».

Но прямая назначаемость губернаторов из Кремля в 2004–2011 гг. привела лишь к их отчуждению от жителей регионов, которые не воспринимали этих «варягов» своими представителями, уровень доверия им оказался минимальным. Таким образом, Кремль сам подрывал ту «стабильность», ради которой он и закручивал гайки.

В 2012 году после крупной общероссийской волны массовых протестов против электоральных фальсификаций режим сделал вид, что идет на попятную, и объявил о «возвращении губернаторских выборов». Однако это было не буквальное возвращение к модели 1990-х годов, когда выдвижение кандидатов в губернаторы было достаточно свободным. Модель, которая утвердилась с 2012 года, означала **«гибридное» сочетание прежней назначаемости губернаторов из Кремля с иллюзией «свободных выборов».**

Во-первых, для выдвижения кандидата на пост главы региона ему теперь необходимо пройти «муниципальный фильтр», собрав подписи до 10% местных депутатов. А поскольку среди них абсолютно доминирует партия «Единая Россия», выдвижение независимых и оппозиционных кандидатов сделано практически невозможным. Кроме того, в большинстве регионов вообще запрещено самовыдвижение – кандидатами в губернаторы могут быть только выдвиженцы тех партий, которые прошли официальную регистрацию.

Типичным методом стало отстранение президентом действующего губернатора (который мог быть еще свободно избран) и назначение взамен его «временно исполняющего обязанности». Затем этот назначенец выходит на региональные выборы и легко их выигрывает, пользуясь максимальным административным и пропагандистским ресурсом власти.

Такие псевдовыборы выглядят более изощренной технологией, чем прямое назначение губернаторов президентом. С одной стороны, результат получается тот же, но с другой – возникает иллюзия демократического избрания главы региона.

По алгоритму это очень похоже на аннексию Крыма: решение о ней было принято в Кремле, но российская пропаганда изображает ее как «волю самих крымчан, выраженную на референдуме».

Роль самих губернаторов в этой системе кардинально изменена и снижена – они теперь выступают не в качестве выразителей интересов своих регионов, но как проводники кремлевской политики «на местах». Кроме того, они практически не обладают влиянием на работающие в их регионах крупные компании, поскольку эти компании, как правило, централизованы и платят налоги в Москве, а не по месту фактической деятельности. Также у губернаторов нет никакого контроля над силовыми структурами, которые подчиняются лишь своему московскому начальству.

Такой режим можно определить как **постфедералистский**. Он означает полный отказ от федерализма даже в том урезанном виде, в котором тот был утвержден Федеративным договором 1992 года. Регионы, которые в Конституции именуются «субъектами федерации», уже окончательно превращены лишь в «объекты» управления из центра.

Время от времени обсуждается идея «укрупнения регионов», но не потому, что сами их жители этого желают, а лишь

для удобства централизованного управления. Вся «региональная политика» Кремля строится не на том, чтобы заинтересовать регионы в развитии их прямых взаимосвязей (что и составляет смысл федерализма), но лишь на удержании их силой.

* * *

Однако Россия все же не отказывается от официального названия «федерация». Причина в том, что **федерализм стал использоваться властью как инструмент «возвращения» под кремлевскую власть территорий постсоветского пространства.** Фактически тем самым он был вывернут наизнанку и превратился в неоимперскую технологию.

Показательно, что в 2014 году Кремль выдвинул лозунг «федерализации Украины». Это требование предусматривало, чтобы Украина признала правосубъектность «Донецкой народной республики» и «Луганской народной республики» – регионов, в которых Москве удалось посеять военный хаос и посадить у власти своих марионеток.

Это была **пародийная попытка сыграть на поле популярного европейского регионализма**, сторонники которого добиваются самоуправления своих территорий. Но, например, о Шотландии невозможно сказать, что лидеры ее Национальной партии «работают» на какое-то другое государство – в действительности они хотят возвращения в состав ЕС, поскольку шотландцы голосовали против Брекзита. А в случае «Новороссии» (даже по названию) наблюдался **не самоуправленческий регионализм, но имперский ирредентизм**, стремление присоединить эти «новые регионы» к России.

И подобные стратегии далее развивались глобально. В 2015 году в Москве была проведена международная конференция «Диалог наций»¹⁹, которая фактически оказалась попыткой объединить множество сепаратистских движений со

всего мира под пророссийскими и антизападными лозунгами. Разумеется, невозможно утверждать, что эти движения «созданы» Кремлем: например, борьба Каталонии за независимость имеет многовековую историю. Каталонский писатель Франсеск Серес иронично ответил на такие подозрения: «Не надо думать, что весь мир вращается вокруг Москвы». Тем не менее Москва старается использовать эти движения в своих интересах, делая ставку на «раскол противника», под которым понимается обобщенный Запад. Хотя каталонское движение, несмотря на свой конфликт с Мадридом, вовсе не ставит целью выход из ЕС или НАТО, но **само по себе существование Европейского союза для российской власти враждебно**²⁰, и она охотно поддерживает «евроскептические» настроения и движения.

Некоторые западные аналитики до сих пор полагают, будто в России происходит «транзит от коммунизма к демократии», хотя и с затянувшимися осложнениями. Но на самом деле этот «транзит» пошел уже совсем в другую сторону... Коммунизм в свое время мог закончиться Перестройкой, обращением к идеям прогресса, гражданских свобод и регионального самоуправления. Путинизм на такую эволюцию неспособен, это самоцельный имперский консерватизм. Он базируется на **инверсии смыслов**; главное для него не добиться собственного развития, а нанести максимальный вред «противнику». Видимо, такая логика естественна для выходцев из КГБ, возглавляющих нынешнюю российскую власть. Ну и в целом это перевернутое сознание – неизбежная черта «возрожденной России».

Вероятно, будут нелишними несколько характерных иллюстраций персональной эволюции политиков на переломе от советской эпохи к постсоветской. Борис Ельцин в 1990 году выступал как радикальный демократ и федералист, предлагая республикам в составе РСФСР: берите суверенитета столько, сколько проглотите. Однако, когда в 1992 году он занял единоличный трон в Кремле, его риторика радикально изменилась. Уже **из Конституции 1993 года были убраны упоминания о суверенитете республик**, а в следующем году он начал неоимперскую войну против Чечни, которая даже не подписывала Федеративный договор. Такая метаморфоза делала неизбежным появление в качестве «преемника» Путина или аналогичной фигуры.

Впрочем, некоторые лидеры этих республик сами не пожелали отстаивать провозглашенный ими суверенитет. В 1991 году президент Татарстана Минтимер Шаймиев настаивал на том, что его республика должна подписывать новый Союзный договор самостоятельно, на равных с Россией, Украиной и другими союзными республиками. Но когда проект конфедерации ССГ был сорван, Татарстан провел республиканский референдум 1992 года о государственном суверенитете, который предусматривал его равноправные и договорные отношения с Россией. За это проголосовал 61% граждан республики. Однако впоследствии сам «отец татарстанского суверенитета» Шаймиев отказался от идей суверенитета, вступил в партию «Единая Россия» и даже стал «доверенным лицом» Путина.

В августе 1991 года «демократический» мэр столицы Карелии Петрозаводска Сергей Катанандов вел массовый городской митинг против путча ГКЧП и в поддержку президента России Ельцина. Но в 2004 году, став главой республики, он

открывал напротив здания местного отделения ФСБ памятник Юрию Андропову, именуя его «выдающимся деятелем нашей партии и государства».

Подобная эволюция произошла не только с российскими, но и многими постсоветскими лидерами. Например, в 1990 году новоизбранный президент Казахстана Нурсултан Назарбаев активно критиковал прежнюю эпоху «засидевшегося у власти» партийного секретаря Динмухамеда Кунаева. Однако если Кунаев правил Казахской ССР 22 года (1964–1986), то «демократ и реформатор» Назарбаев его превзошел – общий срок его пребывания на президентском посту составил 29 лет (1990–2019), с присвоением титула «елбасы» («лидер нации»). Таким образом, можно отметить, что **срыв конфедеративного проекта привел к неомонархической реставрации не только в России**. Показательны также продолжающиеся примеры фактически наследственных монархий в Азербайджане и Туркмении. Александр Лукашенко был избран президентом Беларуси в 1994 году под популистским лозунгом «народовластия», но до сих пор, т.е. уже 30 лет, удерживает личную власть, построив в своей республике один из самых тоталитарных и жесточайших постсоветских режимов.

Уникальным примером «обратной эволюции» на этом фоне выглядит судьба генерала Александра Лебеда. В 1992 году он пользовался репутацией «имперского ястреба» и по приказу президента Ельцина возглавил 14-ю армию в Приднестровье. Он защитил этот регион от молдавских войск, но все же не нашел общего языка с его коррумпированным руководством и в 1995 году уволился из российской армии. Как независимый кандидат он взял третье место на президентских выборах 1996 года и затем в статусе секретаря Совета безопасности подписал с чеченским генералом Асланом Масхадовым Хасавюртовские соглашения²¹, положившие конец первой чеченской войне. Эти соглашения были **возвращением к быстро**

забытому в России принципу республиканского суверенитета и договорных отношений между регионами. Впоследствии, став свободно избранным губернатором Красноярского края, Лебедь продолжал отстаивать договорный федерализм и критиковать неоимперскую политику Кремля, которая превращает регионы в колонии. А в 1999 году напрямую обвинил кремлевскую власть во взрывах домов в Москве, которые она приписала чеченцам и сделала предлогом для начала второй чеченской войны. Эта антивоенная позиция генерала совершенно противопоставила его путинскому режиму, и поэтому у многих до сих пор остаются сомнения в «случайности» катастрофы его вертолета в 2002 году...

Летом 2024 года Совет Федерации отменил²² ценз оседлости для его членов. В принципе, такая ситуация возникла еще с начала путинизма, когда «представителями субъектов Федерации» в СФ оказывались какие-то московские чиновники, которые могли вообще никогда не бывать в «своем» регионе. И теперь такое положение дел узаконено.

Кремль давно ликвидирует даже формальный федерализм в России, но деградация СФ как «главного федеративного института» весьма показательна. В 1993–1995 гг. его депутаты свободно избирались во всех регионах – и одним из них стал бывший советский политзаключенный и сибирский регионалист Алексей Мананников. В 1996–2001 гг. Совет Федерации состоял из губернаторов, которых тогда еще избирали, и спикеров региональных парламентов, что не позволяло ему быть постоянно действующим органом. А затем «Сенат» превратился просто в синекуру для отставной номенклатуры. **Никаких собственных политических решений, помимо поставленных им в администрации президента, «сенаторы» не принимают.**

Этот постфедерализм, абсолютно отчужденный от интересов различных регионов, неизбежно закончится исторической перезагрузкой. Любой кризис имперской «вертикали» приведет к восстановлению республиканских и становлению областных и краевых суверенитетов, что будет означать автоматический роспуск Совета Федерации. Кремлевские наместники, называемые «губернаторами», наверняка тоже нигде не удержатся. А нужна ли на этих пространствах какая-то (кон)федерация – решат новые парламенты регионов, свободно избранные с участием всех ныне запрещенных региональных партий.

2. Российский «Титаник» и украинский айсберг

Секрет Московии

Многие аналитики до сих пор задаются вопросом: зачем Кремлю понадобилось полномасштабное вторжение в Украину в 2022 году? Ведь с рациональной точки зрения Россия проиграла сразу же с его началом – она вывела себя за пределы международного права и обрекла на колоссальные экономические потери вследствие международных санкций. Попытки аннексировать территории другой страны привели к тому, что российские границы лишились международного признания.

Однако **рациональная логика в данном случае не работает**. В «возрожденной» России еще с 1990-х годов включилась логика имперская, для которой экспансия самоценна и превосходит любые рациональные интересы. За тридцать постсоветских лет эта логика прогрессировала и сделала текущую войну неизбежной.

Но все же – почему главной жертвой стала именно Украина?

В статье «Деколонизировать Россию»²³, опубликованной в июне 2022 года, нью-йоркский политолог Кейси Мишель отмечал:

Бывший советник по национальной безопасности США Збигнев Бжезинский однажды сказал, что без Украины Россия перестанет быть империей. Сильное заявление, но неточное. Даже если Владимиру Путину не удастся завоевать Украину, его страна останется типичной империей – хаотичным нагромождением регионов и народов с очень разными историями, культурами и языками. Кремль продолжит управлять колониальными владениями в таких далеких друг от друга местах, как Чечня, Татарстан, Сибирь и Арктика.

Действительно, **империя определяется в первую очередь наличием метрополии и колоний**. И с этой точки зрения Россия, например, без Сибири гораздо быстрее утратит имперский статус, чем без Украины.

Но **Украина чрезвычайно важна Москве как историческая основа ее имперского мессианизма**. Имперская реставрация вообще строится на культе прошлого. Без периода Киевской Руси, когда была установлена связь с Византией, Москва исторически «зависает», теряя мессианские претензии на роль «Третьего Рима» и «центра православной цивилизации». И в защиту этих претензий Кремль изобретает абсурдные исторические мифы, пытаясь «присвоить» наследие киевского князя Владимира. Обосновывая аннексию Крыма, Путин заявлял²⁴, что это «сакральная земля», поскольку Владимир принял крещение в крымском Херсонесе и это впоследствии привело к формированию «централизованного Российского государства». Киевский князь наверняка удивился бы такой трактовке своей политики со стороны Москвы и России, которых в его время еще не существовало.

К слову, здесь можно отметить вскрывшуюся неточность известного аналитика Сэмюэля Хантингтона в его концепции **столкновения цивилизаций**. Он причислял Россию, Украину и Грузию к общей «православной цивилизации», которая по логике вещей должна «сталкиваться» с другими. Но, как показало развитие событий, Россия в XXI веке в основном развязывала войны против своих же грузинских и украинских единомышленников, а Московская патриархия разорвала отношения со Вселенской (Константинопольской), «первой по чести» в мировом православии. Этот внутривосправославный раскол демонстрирует, что обобщение цивилизаций по религиозному принципу в данном случае оказалось ошибочным. Для Москвы с ее «третьеримским» мессианизмом **имперский принцип важнее религиозной общности**.

Иногда высказываются версии, что Путин, до сих пор переживающий распад СССР как «крупнейшую геополитическую катастрофу», своей жестокой войной против Украины стремится отомстить этой стране, которая в свое время действительно сыграла одну из ключевых ролей в этом распаде. Однако вся путинская антиукраинская риторика обоснована вовсе не советскими, а именно имперскими нарративами. Более того, он даже называет²⁵ Ленина «создателем Украины», чему большевистский вождь наверняка удивился бы не меньше.

В случае осуществления в 1991 году конфедеративного проекта ССГ нападение России на Украину выглядело бы немыслимым, поскольку они были разными союзными республиками и сам новый Союз строился на принципах международного права. Эту войну было бы невозможно представить, как и, например, войну Франции и Германии в рамках Евросоюза. Но возникшая вместо этого проекта неоимперская **«историческая Россия» отвергает правосубъектность республик и считает, что у нее «границ нет».**

1 августа 1991 года президент США Джордж Буш-старший, выступая в Верховной раде Украины, призвал депутатов поддержать горбачевский Договор о Союзе Суверенных Государств и раскритиковал «самоубийственный национализм». Сама эта речь была воспринята тогдашней публикой весьма критически и получила ироничное название «Котлета по-киевски» (Chicken Kyiv speech). Всего через 23 дня, после провала августовского путча в Москве, Верховная рада провозгласила независимость Украины. Но стратегически и пророчески президент оказался прав.

Разумеется, Украина имела полное право отказаться от проекта ССГ: новый Союз изначально предусматривал добровольность участия в нем. На это наложилось и многовековое недовольство украинцев имперской политикой Москвы. Однако мудрость политиков состоит в том, что они умеют не

только выражать свои национальные интересы, но и понимать сложный контекст интернациональных отношений. Именно **«уход» Украины спровоцировал в качестве реакции резкое возрождение великодержавных настроений в России** и начало территориальных претензий к соседней стране. Уже в 1992 году Верховный совет РФ принялся оспаривать статус Крыма. И в результате отказ от договорного политического сознания привел к нынешней неоимперской войне.

Второй президент Украины Леонид Кучма в своей программной книге **«Украина не Россия»** (2003), выступая последовательным сторонником независимости своей страны, при этом жалуется на «неравноправное» распределение ресурсов в постсоветскую эпоху. В этом есть фундаментальное противоречие. В условиях ССГ вполне можно было бы заключить договор о совместном использовании нефтегазовых ресурсов Югры и Ямала всеми участниками конфедерации. Тем более что осваивались они в 1970-е годы представителями многих республик СССР, в том числе украинскими инженерами. Однако с провозглашением независимости Украины и других стран все эти ресурсы остались в монопольном владении России, которая сделала их экономической базой для возрождения своей империи.

Российские имперские теоретики еще начиная с XIX века критиковали «украинский сепаратизм». Хотя в исторической реальности **сами создатели Московии были сепаратистами**, уйдя из Киева в X–XII веках в **Залесье** и основав там свои автономные княжества. Владимирский князь Андрей Боголюбский даже ходил войной на Киев (1169), демонстрируя тем самым «величие» новых земель. Кстати, именно отсюда происходит последующее историческое разделение **«Великой» и «Малой» Руси**. Великорусские шовинисты часто гордятся этим «величием», многим украинцам слово «малороссы», напротив, кажется уничижительным. В действительности же

определение какой-то страны как «малой» означает указание на ее коренной, истоковый характер, тогда как «великая» – это уже результат позднейшей колонизации. Например, «малой Грецией» именовалась территория собственно Эллады, а «великой» – обширные колонии эллинистического периода, аналогично и «малая Польша» – регион вокруг Кракова, древней столицы этой страны.

В ходе нынешней войны кремлевская пропаганда часто использует вместо слова «Украина» определение «киевский режим», хотя Украина, несмотря на унитарный характер своей государственности, является гораздо менее централизованной страной, чем Российская «федерация», которую как раз уместнее именовать **«московским режимом»**.

В 2022–2023 гг. граждане Украины собрали необходимое число подписей под петицией²⁶ президенту Владимиру Зеленскому с необычным требованием – **официально переименовать Россию в Московию**. Пока переименование не состоялось, но президент поручил правительству «всесторонне изучить этот вопрос».

Авторы этого документа справедливо утверждают, что само слово «Россия» появилось на мировых картах лишь в эпоху Петра I, в 1721 году, а до этого повсюду фигурировало название «Московия». **И она присвоила имя «Русь», которое изначально принадлежало древнерусскому государству со столицей в Киеве**. Но это спор не только об истории: такое переименование, по мнению авторов петиции, способно сыграть решающую роль в современной информационной войне, разрушив имперские мифы.

Действительно, с точки зрения международного права в этом нет никакой проблемы. Многие страны именуют друг друга по-разному, и далеко не обязательно по самоназваниям. Например, финны называют свою родину **Suomi** и совершенно не волнуются по поводу того, что в большинстве стран

мира она именуется **Finland**. Но вот украинский проект по переименованию России в Московию российские официальные лица встретили крайне нервно.

Такого переименования Кремль боится больше всего. Если в Киеве, который носит древнее название *«мать городов русских»*, переименовуют Россию в Московию, это может иметь фатальные последствия. Например, жители Санкт-Петербурга или сибиряки еще могут называть себя «россиянами». Но вот «москвитанами» они себя не считают и, более того, зачастую резко критикуют Москву за ее гиперцентралистскую и колониальную политику. И кремлевским деятелям это слово также не нравится: оно вскрывает тотальный москвоцентризм нынешней «России».

Действительно, **Россия фактически уже превращена в «Московию»**, учитывая, что всеми ресурсами огромной страны распоряжаются московские чиновники и олигархи. И для многих регионов такое положение дел становится все более неприемлемым. Кроме того, развязав войну против Украины, Москва превращает в пушечное мясо именно «провинциалов», а вовсе не привилегированных жителей столичной метрополии. Если Украина действительно переименует Россию в Московию, этот контрудар будет сокрушительным, поскольку вернет ее к ее исходному имени. И от этого империя попросту рассыплется. Случится как в сказках, когда главная битва выигрывается не оружием, а одним «волшебным словом».

Генералы прошедшей войны

Весной 2024 года в Киеве вышел объемный двуязычный (по-украински и по-английски) аналитико-публицистический сборник под названием *«Ліквідація російської імперії»*²⁷.

Современная украинская орфография допускает написание слова «россия» с маленькой буквы, но, возможно, составители

применили его и по другой причине. Речь в сборнике идет не о конкретном государстве «Российская империя», существовавшем до 1917 года, но о своего рода имени нарицательном: имперский характер России сохранился и даже обострился век спустя, несмотря на то что формально она считается республикой и федерацией.

Аннексия регионов соседних стран и тем более уже двухлетняя полномасштабная война против Украины наглядно доказывают имперскую природу российской политики. И за это время в стране – жертве агрессии, разумеется, не могло не возникнуть альтернативного, антиимперского мировоззрения, которое абсолютно противоречит кремлевской великодержавной доктрине.

Имперский «Титаник» словно бы напоролся на украинский «айсберг» – этот образ уже стал расхожим в социальных сетях. Украинская общественность – от академических ученых до публицистов и блогеров – активно обсуждает возможные проекты **построссийского** будущего.

В XX веке уже был пример такого мировоззренческого конфликта: американские «советологи» и советские «американо-логи» внимательно изучали потенциального противника. Однако сегодняшняя ситуация российско-украинской войны чрезвычайно обостряет и радикализует это противостояние. И если российские авторы отказывают в праве на существование самому слову «Украина», они вряд ли могут ожидать более снисходительного отношения к собственной стране.

Книгу «Ликвидация российской империи» в самой России наверняка признают «экстремистской» и запретят, потому что изложенные там исторические смыслы, политические теории и социально-экономические прогнозы фундаментально противоречат благостной картине «скрепной» стабильности, которую рисует внутреннему потребителю российская пропаганда. Причем этот анализ порой оказывается глубже и

острее, чем у многих западных аналитиков и даже чем у авторов из оппозиционной российской эмиграции, которые часто все еще позиционируют себя как «патриотов» и критикуют лишь «путинский режим», не замечая стоящей за ним многовековой имперской матрицы.

Украинский взгляд на Россию базируется на длительном и близком восприятии соседней страны, но все же восприятию ее как «иной». Такой подход раскрывает многие исторические вопросы, которые «издали» могут быть незаметны. Но, помимо констатации множества политико-психологических различий между россиянами и украинцами, составителям «Ликвидации российской империи» не следовало бы упускать из виду и **генезис империи, в котором эти народы оказались глубоко взаимосвязаны**. Начиная от киевского архиепископа Феофана Прокоповича, который был одним из сподвижников Петра I, гетмана Кирилла Разумовского, затем восстановителя гетманства и бывшего царского генерала Павла Скоропадского, судьбы многих видных украинцев были связаны с Российской империей настолько, что изображение их «извечными врагами» с россиянами выглядит как подмена реальной истории пропагандой. Да и история позднего СССР могла пойти совсем иным путем, если бы Брежневу удалось сделать своим преемником украинского партсекретаря Щербицкого²⁸. Вряд ли тогда началась бы демократическая Перестройка, приведшая в итоге к независимости Украины. Так что, если говорить о реальной деимпериализации, все эти исторические вопросы заслуживают своего непредвзятого изучения.

Один из авторов сборника, политолог Максим Майоров, приводит подзабытый факт начала 1990-х годов:

Стремление к свободе и собственной государственности в некоторых российских автономиях было даже мощнее, чем в отдельных союзных республиках, на которые независимость упала как снег на голову.

Действительно, например, в Чечне и Татарстане требования независимости тогда звучали гораздо громче, чем в некоторых союзных республиках Средней Азии.

Другой автор, Виктор Ящук, очевидно путает независимость и этнократию, призывая Татарстан стать «моноэтнической державой», но игнорируя реальную полиэтничность этой республики. Впрочем, Богдан Бутковский придерживается иного взгляда:

Миф о триедином народе надо заменить концепцией борьбы Руси-Украины против Орды.

Но в таком случае о союзничестве с Татарстаном придется забыть, поскольку преемствующее Орде Казанское ханство там является частью уважаемого исторического наследия.

Различные статьи сборника иногда противоречат друг другу, но в целом большинство авторов сосредотачивается на этнических темах, порой даже не обещая различным народам свободного мирного развития, а ровно наоборот, как Михаил Головкин, предлагая «создавать предпосылки гражданской войны». Но вряд ли такая перспектива способна стать привлекательной для жителей российских республик и в случае ее реализации принести мир в саму Украину.

Уже упомянутый Виктор Ящук, помимо проекта моноэтничного Татарстана, рисует будущую страну **Эрзянь Мастор**, которая

будет охватывать, кроме восточной части теперешней Республики Мордовия, почти весь юг Нижегородской области с центром в стотысячном городе Эрзамас (Арзамас), —

а во избежание этнических конфликтов предлагает межрегиональные обмены населением на основе «генетического тестирования». Ну хорошо хоть, не измерения черепов.

Ростислав Мартынюк изображает союзником Украины на Севере еще более виртуальную **великую Вепсляндию**, хотя реальных вепсов в России осталось всего несколько тысяч

человек и они сегодня гораздо более озабочены своим физическим выживанием, чем геополитическими фантазиями.

Известный исследователь этноконфессиональных проблем в Евразии Пол Гобл сопоставляет²⁹ сторонников этнического подхода с **генералами, которые готовятся к прошедшей войне**. Они до сих пор полагают, что распад РФ может произойти по модели распада СССР в 1991 году, но совершенно игнорируют кардинальное изменение этнического баланса: если тогда нерусское население составляло половину населения страны, то сегодня примерно четверть. В этих условиях **гораздо большее значение приобретает не этнический национализм, а регионалистские движения за самоуправление русских областей и краев**. Примеров таких движений существует множество – от Кёнигсберга до Сибири и Дальнего Востока, но, к сожалению, в киевском сборнике их анализа практически нет.

Впрочем, для некоторых авторов (Богдан Бутковский) неприемлемы любые межрегиональные антиимперские объединения, и они настаивают на необходимости «максимальной раздробленности построссийских пространств», возражая против всяких конфедеративных проектов – сибирского, кавказского, поволжского – и выдвигая неоимперскую цель «Україна від Сяну до Сахаліну». Что ж, это довольно наглядное проявление древней притчи о том, как победитель Дракона сам превращается в него.

В таких условиях антиимперский «айсберг» сам может растаять, не причинив особого вреда имперскому «Титанику». Ведь он опирается не на реальный анализ ситуации в разных регионах, а лишь на исторические стереотипы и wishful thinking. Вообще, выглядит удивительным, сколь много внимания составители сборника о проектах будущего уделяют прошлому – даже включили туда целый блок статей авторов середины XX века, хотя современная ситуация уже совсем иная. Современное украинское общество в целом стремится к

будущему, что доказал и Евромайдан, и победа «прогрессиста» Зеленского над «консерватором» Порошенко. На «возрождении прошлого» настаивает именно империя, и не случайно путинское увлечение древней историей, которой он пытается обосновать свою политику. **Но если противники империи будут мыслить и действовать в том же «архаичном регистре», они вряд ли откроют свободное будущее.**

Издатели сборника «Ликвидация российской империи» сейчас обсуждают планы выпуска его русскоязычной версии. Это, конечно, можно только приветствовать: сегодня полезно любое открытое обсуждение постимперских перспектив, и неслучайно, что в самой России оно запрещено. Но русскоязычный сборник станет гораздо эффективнее, если составители сделают его по тональности несколько иным, чтобы его читатели в различных российских регионах увидели себя на его страницах не врагами, а союзниками по освободительной борьбе.

Сегодня Украина официально заявляет, что будет считать победой в войне освобождение всей своей территории в границах 1991 года. Действительно, с точки зрения международного права это был бы единственно справедливый результат. Но вынужденный отказ России от уже записанных в Конституции «новых регионов» будет означать ее поражение, и наверняка с дальнейшей потерей собственных территорий. **Если империя не имеет сил расширяться – она распадается.**

Однако, как показывает развитие ситуации на середину 2024 года, Запад пока очень опасается такого результата и поэтому не открывает Украине полноценный ленд-лиз, сопоставимый с эпохой Второй мировой войны. Вероятно, **в обозримой перспективе должны произойти какие-то весьма значимые события**, которые изменят точку зрения западных политиков. Но в любом случае войны такого масштаба, как учит история, никогда не завершаются простым «возвращением» к довоенному статус-кво.

3. От постсоветской эпохи к построссийской

Оппозиция за единую Россию?

Российская оппозиция Путину выступила резко против развязанной им полномасштабной войны. Но в своем большинстве ее представители остаются сторонниками **единой России** – не в смысле правящей партии, а без кавычек, как принципа. По существу, их основную цель можно описать так: надо лишь заменить в Кремле «плохого» царя на «хорошего», и тогда наступит «прекрасная Россия будущего».

Эта мечта о «новой России» повторяется уже второй раз за недавнюю историю. В 1992 году, выступая в Конгрессе США, Борис Ельцин заявил: новая Россия навсегда избавилась от диктатуры и возвращается в цивилизованный мир. Но через семь лет он сделал своим «преемником» выходца из КГБ, противники которого теперь вновь мечтают о «новой России». **Сколько еще нужно кругов по этим имперским граблям?**

Полезно вспомнить, что либеральные и имперские силы в России далеко не всегда оппонировали друг другу, но зачастую выступали прямыми союзниками. Например, в 2000 году, когда Путин впервые избирался президентом, его поддержал либеральный **Союз правых сил**, несмотря на развязанную «новым царем» вторую чеченскую войну. Более того, лидер СПС Анатолий Чубайс тогда прямо заявлял: «Российская армия возрождается в Чечне» – и в 2003 году выдвинул вышеупомянутую доктрину «либеральной империи».

Коллега Чубайса Алексей Кудрин, также пользующийся репутацией либерала, во время своего пребывания на посту министра финансов РФ (2000–2011) проводил жесткие централистские реформы, которые укрепляли имперскую

«вертикаль», практически лишая многие российские регионы их экономической субъектности и, следовательно, возможностей формировать собственную политику. Так **российский «либеральный империализм» продемонстрировал свой подчеркнуто антифедеративный характер.**

В результате, как отмечает³⁰ экономист Василий Фомин, в России возникла абсурдная ситуация, когда подавляющее большинство регионов (по данным 2024 года, 67 из официальных 89) зависят от московских дотаций. Сюда входит даже Республика Саха (Якутия) с ее богатыми природными ресурсами. Причина в том, что она ими не распоряжается, а все доходы от этих ресурсов присваивают «федеральные» (московские) корпорации. **Сначала Москва забирает отовсюду ресурсы и налоги, а затем с барского плеча раздает дотации «на выживание».** Экономист приводит пример Республики Карелия, которая также считается «дотационной» и потому резко контрастирует по уровню жизни с соседней Финляндией, где практически те же природные условия. Дело в том, что все крупные предприятия Карелии встроены в «федеральные» — как правило, также московские — холдинги и поэтому платят налоги в бюджет Москвы, где расположены их штаб-квартиры. Даже всемирно известный бренд Карелии — музей-заповедник «Кижи» — самой республике не принадлежит. Он находится в ведении «федерального» министерства культуры, и, соответственно, все доходы от туристических посещений также уходят в Москву.

Политика глубоко связана с экономикой. И **неспособность «федеральной» оппозиции победить — это следствие того, что она столь же москвоцентрична, как и власть.** Можно вспомнить еще один показательный пример из недавней истории. В относительно свободном по сравнению с сегодняшним днем 2012 году политические противники путинского режима попытались создать «Координационный совет российской

оппозиции». Но на выборах в этот орган не предусматривалось пропорционального выдвижения кандидатов от различных регионов, хотя именно эта модель соответствовала бы реальной федерации. Поэтому в «Координационный совет» предсказуемо вошли преимущественно медийно раскрученные московские политики, которые составили три фракции на основе «общеимперских» идеологий – либеральной, левой и русской националистической. И вся политическая свобода в «Координационном совете» свелась к их спорам между собой. А федеративная тематика там практически отсутствовала.

Примечательно, что у политиков, проживающих в Москве, принято именовать себя не московскими, а «федеральными», хотя никакие другие регионы не наделяли их этими полномочиями. В реальных мировых федерациях подобное невозможно представить – чтобы политики считали себя «федеральными» лишь по причине того, что они проживают в Вашингтоне или Берлине. А московские политики, даже в эмиграции, легко вещают «за всю Россию».

Российский имперский централизм до сих пор остается **общей идеологической матрицей, объединяющей «федеральную» власть и «федеральную» оппозицию.** Тем и другим свойственно характерное для империи разделение страны на «столицу», где решается все, и «провинцию», обязанную исполнять столичные указания. В этом есть еще одно переворачивание смыслов, характерное для эпохи **постправды**: люди, называющие себя «федералами», в реальности являются вовсе не сторонниками равноправной федерации, но имперскими централистами. Парадокс состоит в том, что последовательное соблюдение федеративных принципов, то есть свободные региональные выборы и договорные межрегиональные отношения, как раз и воспринимается «федералами» как «распад страны».

Российские оппозиционные партии, сочиняя свои программы, начинают, как правило, с каких-то «общефедеральных» требований и целей. Если в этих программах и упоминается собственно федерализм, то далеко не в первых строках, хотя для России эта тематика является ключевой. Это становится весьма наглядным при анализе проблемы аннексированного Крыма. Представители российской «федеральной оппозиции» выступают за то, чтобы вернуть его Украине. Но если рассуждать практически – кто должен принять такое решение? По логике «федеральных оппозиционеров» это должен сделать тот же Кремль, когда в нем появятся более либеральные правители. Иными словами, сама кремлецентристская модель ими сомнению не подвергается. Хотя **адекватное решение проблемы Крыма возможно лишь в условиях деимпериализации России**. Когда политическими субъектами станут сами регионы в лице своих свободно избранных парламентов, они вряд ли согласятся выплачивать многомиллиардные дотации на «удержание» Крыма, так же как и республик Северного Кавказа.

Известный оппозиционер Борис Немцов, убитый путинским режимом в 2015 году, также придерживался имперско-централистских взглядов, более всего опасаясь «распада России». По его мнению, высказанному годом ранее,

аннексия Крыма закладывает бомбу под единством России. Да, пока нефть дорогая, распада не будет. А теперь представьте, что нефть стоит 50–60 долларов за баррель. Острый бюджетный кризис будет стимулировать сепаратистов к независимости... Речь о Татарстане, Башкортостане, Якутии и регионах Сибири. То есть о финансово сильных регионах, которые вполне могут прожить без федерального центра. Для сепаратистов России пример Крыма станет вдохновляющим.

Координатор движения «Свободная Ингрия» Павел Мезерин прокомментировал³¹ эту формулировку:

Итак, для Немцова оккупация Путиным Крыма представляла угрозу, прежде всего, тем, что она станет стимулом распада Российской Федерации.

О необходимости сохранения «единства России» постоянно твердят и другие «лидеры оппозиции». Хотя этими лидерами их, собственно, никто не избирал – здесь мы скорее имеем дело с медийно созданным PR-имиджем. Михаил Ходорковский заявляет: «Распад России – самый кошмарный... сценарий»³² – и даже выражает личную готовность «воевать за Северный Кавказ»³³, потому что «это наша земля». Леонид Волков уверен, что «никакой распад России не грозит», потому что жители всех регионов рады тому, что их столицей является Москва³⁴. Даже наиболее гибкий в прогнозах возможных территориальных изменений Гарри Каспаров утверждает³⁵ на своем Форуме свободной России в Вильнюсе:

Новая свободная Россия должна избавиться от имперского наследия, важен не объем территории, а то, чтобы эти территории жили по одним законам, унифицированным по всему пространству, и я полагаю, что большинство территорий, конечно, сохранится в этом новом образовании российском.

Итак, по Каспарову, у регионов в будущем возможны только две опции: либо присоединяться к унифицированному пространству «новой свободной России», либо отделяться. Причем он полагает, что большинство территорий, то есть более полусотни русских областей и краев, предпочтет жить по каким-то единым законам. **Но почему у них не может быть своего собственного законодательства, как у американских штатов?** Словом, Каспаров продемонстрировал удивительное непонимание принципов федерализма, хотя вроде бы сам живет в федерации США. Это чем-то напоминает другого, исторического политэмигранта – Ивана Ильина, который проживал в Швейцарской Конфедерации, но в России мечтал устроить унитарную «национальную диктатуру».

На том же Форуме Каспаров пообещал: «Мы никого держать не будем». С одной стороны, эта фраза вроде бы звучит сверхлиберально. Но интересно задаться вопросом: кто такие эти «мы», которые наделяют себя правом «держать» или «не держать» кого-то другого? Так **имперско-централистские интонации проявляются даже у самых радикальных российских оппозиционеров.**

В целом, возникает отчетливое впечатление, что **большинство деятелей российской оппозиции ментально «зависли» в ельцинских 1990-х годах**, когда уже началось постепенное возрождение империи, хотя не дошло еще до нынешней крайности. Многие из них даже идеализируют тот период. И в поисках решений опасаются заглянуть хотя бы немного дальше – в эпоху Перестройки. Поэтому **у них практически отсутствует представление о договорной федерации.**

История неоднократно показывала: **если некая империя пытается захватывать и расчленять другие страны, но не рассчитывает своих сил, эта политика бумерангом возвращается к ней самой.** Возможность распада России с момента полномасштабного вторжения в Украину стали активно обсуждать российские³⁶ и западные³⁷ аналитики. И даже Путин от статей об «историческом единстве русских и украинцев» перешел к опасениям раскола самих русских на «москвитов» и «уральцев»³⁸.

«Распад страны» – это образ, пугающий носителей централистского сознания, вне зависимости от того, придерживаются они провластных или оппозиционных взглядов. А новые независимые страны, напротив, воспринимают это событие как праздник и день освобождения. Собственно, свой День независимости стал главным праздником во всех республиках бывшего СССР, и только Россия сохраняет и даже укрепляет

централистско-имперскую традицию, согласно которой ее собственная независимость, обретенная в 1991 году, парадоксальным образом выглядит «крупнейшей геополитической катастрофой».

Политик Владимир Милов, прочитавший целую лекцию о том, что он не верит в распад России³⁹, совершенно прав, когда указывает на существенные различия между СССР и Российской Федерацией. Конституция Советского Союза допускала выход республик из его состава. К этому можно было бы добавить влияние Перестройки, которая фактически легализовала республиканские движения за независимость. Сегодня картина выглядит ровно противоположной: **российские законы не только не допускают сецессии регионов, но преследуют даже за обсуждение такой возможности**, а у власти сама мысль о «распаде России» вызывает апокалиптический страх. Тем не менее известно немало исторических примеров распада империй, законы которых его вовсе не предусматривали. После Февральской революции 1917 года в разных регионах бывшей Российской империи явочным порядком возникло множество движений за автономию и суверенитет.

Милов выдвигает, как ему представляется, сильный аргумент о «невозможности распада»: в большинстве российских регионов преобладает русское население, а ему нет никакого смысла «делить страну». Но если вспомнить **самые массовые гражданские выступления последних довоенных лет, то они имели место именно в русских областях и краях** (Шииес, Хабаровск), и их стимулом был протест против московского централистского произвола. И в целом **тезис о том, что этническое единство обязательно предполагает существование в рамках одной страны, опровергается массой примеров из мирового опыта**. Как известно, на планете множество англоязычных стран, но они вовсе не стремятся вернуться в Британскую империю. Население большинства стран Южной

Америки говорит по-испански, но это совсем разные страны, каждая со своей политической культурой.

У экономиста Милова есть и профессиональный довод в защиту государственного единства: множество российских регионов экономически зависят от московских дотаций. Но нормальна ли сама эта ситуация? В действительности **дотационность многих российских регионов является искусственной**, поскольку их основные ресурсы и налоги уходят в Москву, а не работают на собственное, местное развитие. Но вместо предложений о том, как исправить этот дисбаланс, Милов фактически оправдывает имперскую схему отношений «метрополии и колоний». А некоторые его аргументы «против распада» выглядят совсем уж гротеском. Например, по его мнению, многие российские регионы принципиально не могут стать независимыми, потому что у них «нет выхода к морю». Жаль, что жители Швейцарии, Люксембурга или Чехии об этом не знают...

Коснувшись темы Северного Кавказа, оппозиционный политик уверяет: без «примиряющего» воздействия России в этом регионе начнутся сплошные конфликты. Однако история демонстрирует обратное: местные жители пытались создать **Конфедерацию горских народов Кавказа**, но этот проект фактически был сорван российско-чеченскими войнами. Именно Россия принесла на Кавказ милитаризацию и войну. Милов справедливо замечает, что Ингушетия опасается «поглощения» Чечней, но совершенно игнорирует тот факт, что эта республика уже «поглощена» Россией, которая назначает своих наместников и репрессирует гражданских активистов. Вообще, удивительно, что, называя себя демократом, он практически ничего не говорит о необходимости реально свободных выборов в различных республиках.

Милов вроде бы выступает за федерализм, но его понимание этого термина никак не отличается от кремлевского:

субъекты Федерации не являются полноценными политическими субъектами, прямые договорные отношения между ними не предусмотрены. Предусмотрен только жесткий московский централизм. Например, он запугивает сибиряков и дальневосточников тем, что, если они не будут подчиняться Москве, их захватит Китай. Хотя уже сегодня многие регионы Сибири и Дальнего Востока фактически превращены в совместную сырьевую колонию Москвы и Пекина⁴⁰.

После лекции Владимира Милова на ту же тему – о невозможности распада России – с большой статьей⁴¹ выступил политолог Григорий Голосов. И она вновь вызывает вопрос: если это событие действительно невозможно, почему о нем так тревожатся? Другой политолог, Василий Жарков, называет идею регионализации России «вредной»⁴². И это печальный парадокс: **многие представители оппозиционной общественности фактически повторяют кремлевские «единороссийские» нарративы.**

В 2023 году уже упомянутый Владимир Милов в соавторстве с политологом Федором Крашенинниковым выпустил книгу под названием «Нормальная Россия будущего: да, мы можем»⁴³. Однако при всей жесткой критике в адрес путинского режима и проектах его демонтажа авторы демонстрируют все то же имперско-централистское мышление. Например, они задаются вопросами: «...по каким принципам должны формироваться регионы России? Какие надо сохранять, какие – укрупнять, и по каким критериям?» Словом, «нормальная Россия» в их понимании будет формироваться не самими регионами по принципу «снизу вверх», а по-прежнему некий самодержавный «центр» должен определять судьбу всех регионов «сверху вниз». Но, наверное, такова и есть российская «норма»...

Советская москвоцентричная ментальность, которая в эпоху «возрожденной России» только усугубилась, заставляет

многих оппозиционеров, сформировавшихся как политики в Москве, относиться к различным проектам регионального суверенитета с высокомерным пренебрежением и шаблонными страхами. Так, публицистка Юлия Латынина уверена⁴⁴, что

распад РФ будет сопровождаться повсеместной резней – так же, как в Нагорном Карабахе, Косово, Баку, Сумгаите, Сухуми... Рязанская область будет выяснять с Московской областью отношения с помощью ядерного оружия.

Такой же точки зрения придерживается и освобожденный по обмену в августе 2024 года московский политик Илья Яшин. Он уверенно заявляет, что без московского руководства российские регионы немедленно начнут междоусобную войну. На это резонным вопросом ответил⁴⁵ сопредседатель движения «Свободная Удмуртия» Сергей Антонов: «Почему Илья Яшин и прочие “патриоты России” считают себя умнее жителей регионов?»

Это характерный имперский страх: без контроля силовиков из метрополии колонии непременно устроят «войну всех против всех» — хотя межэтнических и межрегиональных противоречий в РФ существенно меньше, чем в СССР, и потому трудно себе представить войну чувашей с нижегородцами или омичей с томичами. **Силовые выступления в суверенных регионах возможны только против подавляющего их всех московского гиперцентрализма**, но это как раз и пугает «политических москвичей» — вне зависимости от того, поддерживают ли они власть или оппозицию.

Поэтому они сами пытаются запугивать жителей регионов: мол, без «цивилизованной» Москвы у вас появятся лишь бандитские режимы вроде «ДНР» и «ЛНР». Но в действительности вся эта «Новороссия» создавалась именно Кремлем для расширения своей империи. И в случае падения кремлевской «вертикали» эти псевдорегионалистские образования рухнут вслед за ней, поскольку больше никто не будет их вооружать и финансировать.

В целом здесь можно отметить характерные **элементы политического расизма** – будто бы жители различных регионов, свысока называемые «провинциалами», заведомо неспособны наладить нормальное демократическое самоуправление без «московской элиты» и там непременно победят какие-то «бандиты и экстремисты». На деле самые экстремистские бандиты сегодня заседают именно в московском Кремле, угрожая всему миру ядерной войной.

В условиях, когда в России можно получить тюремный срок всего лишь за лозунг «Нет войне!», практически все политические дискуссии в кругах российской оппозиции сместились в эмиграцию. Логично было бы ожидать, что оппозиционеры, которым удалось вырваться на свободу, будут обсуждать какие-то демократические альтернативы нынешнему кремлевскому режиму, **из авторитарного уже превратимся в тоталитарный**. Сегодня в России не просто запрещается и преследуется всякая точка зрения, не совпадающая с официальной, но людей **принуждают** высказывать только официальную точку зрения.

Однако среди оппозиционной эмиграции порой наблюдается парадоксальное неприятие демократических проектов. Это напоминает печальную шутку 1990-х годов: «Что такое демократия? Это власть демократов». Политики, считающие себя лидерами «демократической оппозиции», рассуждая о постпутинской эпохе, **выступают против проведения свободных выборов**.

Например, сопредседатель Форума свободной России Иван Тютрин, говоря о необходимости «переучреждения государства», тем не менее заявляет⁴⁶, что «в первые два года после падения режима выборы проводить нельзя». С ним солидарен и организатор Съезда народных депутатов Илья Пономарев,

который уверен⁴⁷, что на свободных выборах обязательно победит прежняя номенклатура, поэтому власть должна быть сосредоточена в руках «переходной администрации». Из кого будет состоять эта администрация и откуда возьмется ее легитимность, оба политика не уточняют. И представляют себе эту «переходную администрацию» как централизованный институт, заседающий в Москве.

Практически все оппозиционные движения в эмиграции солидарны с лозунгом о необходимости возрождения федерализма в России. Но как только дело доходит до конкретных формулировок, оказывается, что их «новая» федерация принципиально ничем не отличается от «старой», то есть нынешней и сугубо формальной. **Субъекты федерации у них не обретают реальной политической субъектности**, на основе которой можно было бы заключить новый договор и действительно переучредить страну. Единственным субъектом вновь оказывается Москва, точнее, столичные политические «элиты», которые намерены решать все за всех. Конечно, как неоднократно показывала российская история, революции обычно начинаются именно в столицах. Но если новая власть сразу же принимается выстраивать свою «вертикаль», то получается лишь движение по новому кругу той же самой имперской колеи.

Договорная федерация может возникнуть лишь на основе волеизъявления жителей различных регионов, а оно реализуется классическим путем – свободными выборами. Сегодня таких выборов не существует: губернаторы – это фактически кремлевские наместники, а парламенты областей и республик – мини-клоны Госдумы, поскольку все региональные политические партии, выражающие голос местных гражданских сообществ, в России запрещены. Но «демократическая оппозиция» в эмиграции почему-то не призывает включить этот реально демократический механизм, который мог бы вернуть в России нормальную политику как конкуренцию различных идей и партий.

Основной аргумент, который высказывают и Тютрин, и Пономарев, – опасения насчет того, что на свободных выборах придут к власти сторонники прежнего режима, те же «единороссы» и их клиента. Хотя в реальности свободные выборы могут состояться лишь в случае политических перемен в России. Возможно, эти перемены начнутся после крупного поражения режима в имперской войне, как в российской истории уже неоднократно бывало. **Военные поражения приводили к радикальной «перезагрузке» всей общественной атмосферы: милитаристские настроения рассеивались, и граждане начинали требовать реформ.** Происходила смена исторических парадигм: если летом 1914 года, в начале Первой мировой войны, в России кипели ура-патриотические митинги, то всего через два с половиной года те же самые люди вышли на улицы под лозунгом «Долой самодержавие!». И на последующих выборах в Учредительное собрание сторонники реставрации царизма сокрушительно проиграли.

Почти аналогичный, но ближайший исторический пример – свободные выборы перестроечного 1990 года, когда в тогда еще союзных республиках, российских автономиях и областях в органы представительной власти было избрано множество совершенно новых людей, зачастую диссидентов советской эпохи. Ленсовет стал тогда уникальным многопартийным парламентом, который оппонировал мэру Анатолию Собчаку, пытавшемуся установить персоналистскую модель власти, и проводил расследования⁴⁸ коррупционной деятельности его заместителя Владимира Путина.

Противники новых свободных выборов утверждают, будто вся избирательная система в России разрушена. Но какая была «избирательная система» в 1990 году в СССР после десятилетий безальтернативного голосования за «нерушимый блок коммунистов и беспартийных»? И тем не менее выборы тогда состоялись, а сторонники прежней системы их убедительно

проиграли. Почему нынешние оппозиционеры так опасаются, что на реально свободных выборах вдруг победит «Единая Россия», совершенно непонятно. Или это от неуверенности в собственных способностях привлечь избирателя? Но настоящие политики не боятся предвыборной борьбы – наоборот, это их стихия.

Возможно, подобные опасения вызваны **известной бедой в кругах политэмигрантов – ментальным отрывом от реальности в стране**. Иван Тютрин однажды выразил это прямо⁴⁹:

Мы (Форум свободной России. – Ред.) – крупнейшая площадка российской оппозиции. Мнение людей, живущих в России – стране-агрессоре, жителей свободного мира более не интересует. От слова «совсем».

Пожалуй, это уникальное заявление в истории всех российских эмиграций, которые всегда интересовались происходящим на родине и по мере сил поддерживали своих сторонников, оставшихся в стране. Но Тютрин при таком декларативном дистанцировании от россиян тем не менее считает себя вправе указывать им, как строить будущую политику.

Съезд народных депутатов Ильи Пономарева объединяет бывших депутатов различных уровней, которые выступают против вторжения в Украину. Казалось бы, народным избранникам должна быть наиболее близка идея свободных выборов и сегодня они могли бы поставить своей задачей максимально способствовать их проведению в России. Но вместо этого они, как и Путин, «обнулили» сроки своих полномочий и продолжают считать себя «легитимной властью», принимая Конституцию и другие законы для «будущей России». Пономарев заявляет: «Гражданской войны мы допустить не должны». Цель благородная, но **отрицание необходимости свободных выборов фактически и создает предпосылки для гражданских конфликтов**. Далеко не все граждане и далеко не во всех регионах будут готовы признать легитимную

власть никем не избранной «переходной администрации», заседающей в Москве.

Более того, хотя прямо об этом предпочитают не говорить, эта «переходная администрация», похоже, задумана политэмигрантами как **инструмент внешнего управления**. Утрированно говоря, Запад должен помочь посадить в Кремле «хороших русских» из эмиграции. Но очевидно, что это как раз и развяжет гражданскую войну с оставшимися на родине «плохими русскими».

По своему отчуждению от жителей различных регионов Кремль фактически ничем не отличается от многих политэмигрантов. К тому же можно вспомнить, что многие из нынешних оппозиционеров сами успели побывать у власти или поработать на нее «политтехнологами». Путин превратил любые выборы в пародию, но и оппозиция не обещает никаких свободных выборов. Может быть, **власть и оппозиция представляют собой лишь разные грани одной и той же имперской «элиты», которая боится реальных перемен?**

* * *

Алексею Навальному в 2010-е годы удалось создать массовое, преимущественно молодежное движение гражданских активистов из различных регионов, причем со своим особым ярким стилем. Всего на пике его президентской кампании 2018 года действовал 81 региональный штаб – больше, чем у многих официально зарегистрированных кандидатов и партий. Своей идеей «прекрасной России будущего», не противостоящей окружающему миру, но интегрированной с ним, **Навальный фактически привел в политику новое поколение XXI века**. Оно не смотрит пропагандистский телевизор, но свободно ищет информацию в интернете, что и представляет опасность для путинского режима. Не случайно за последние

годы в России заблокированы сотни тысяч информационных сайтов и даже популярные мировые соцсети.

Конечно, фатальной ошибкой Навального стало его возвращение в Россию. Алексей, к сожалению, не учел стремительной эволюции режима к тоталитарной диктатуре. Даже середина 2020 года, когда он еще ездил по своим региональным штабам, резко отличалась от 2021-го, когда его Фонд борьбы с коррупцией и другие организации были запрещены. И неужели он рассчитывал, что после попытки отравления и громкого разоблачения команды отравителей из ФСБ ему позволят по-прежнему свободно заниматься политической деятельностью? Как человек, мастерски владевший медийными технологиями, он наверняка, даже находясь в Германии, оставался бы эффективным политиком в России, а его сенсационные расследования меняли бы сознание россиян. Но его заключение сразу по прилете и последующая гибель в заполярной колонии означали **победу прошлого над будущим**.

Теперь сторонники Навального растеряны, многие восприняли его смерть как утрату символа будущего. Такова уж **персоналистская природа российской политики**: она обычно строится на каком-то централизованном вождизме. Кстати, этот вождизм (хотя и «альтернативный Путину») постоянно подчеркивали деятели «центрального штаба» Навального, державшиеся на дистанции от других оппозиционных движений. Кром того, они, как вышеупомянутый Леонид Волков, продолжали утверждать москвоцентризм, хотя сам Навальный, комментируя, например, назначение хабаровского наместника из Москвы, резонно вопрошал⁵⁰: «На черта им нужен москвич-губернатор?»

Но, к сожалению, при всей симпатии к региональной самостоятельности Навальный все же не доходил до тезиса о необходимости нового Федеративного договора, который строился бы на равноправной политической субъектности различных

областей и республик. **Федерализм для него оставался преимущественно экономическим:** мол, Москва не должна так уж грабить регионы.

А из опасений «регионального сепаратизма» он предлагал передать большинство полномочий не регионам, а городам. Комментируя эти предложения Навального, сибирский психолог и политолог Татьяна Винцевская заметила⁵¹:

Города, конечно, должны обладать высоким муниципальным самоуправлением и свободно избирать своих мэров – тут вопросов нет. Но все же субъектами федерации являются именно регионы. Интересно, если бы Навальный избирался в США или ФРГ, он бы тоже предложил понизить роль штатов и земель, мотивируя это угрозой сепаратизма? Вообще, «борьба с сепаратизмом» – это типично имперское мышление. А настоящие федерации не имеют нужды в такой борьбе, потому что их регионы сами заинтересованы быть в одной стране.

Теория о том, что именно крупные города, а не регионы являются «драйверами прогресса», часто встречается и в политических программах Навального, и в статьях его сторонников. Однако экономист Владислав Иноземцев приводит⁵² серьезные контраргументы – мегаполисы в современном мире играют гораздо более противоречивую роль:

Гигантские города появились в основном на глобальной периферии и именно на волне индустриализации второй половины XX века. Сегодня это Чунцин, Дели, Лагос, Карачи, Дакка, Манила, Сан-Паулу, Каир, Мехико и многие другие – однако мне кажется, что в них стекается в последние годы не столько креативная сила глобальной периферии, сколько ее беднота, ищущая в жизни шанса, которого у нее нет. Подобная тенденция крайне опасна, на мой взгляд, просто потому, что, если ожидаемые тенденции к индустриализации не реализуются, эти агломерации ждут невиданные социальные волнения. В какой-то мере это относится и к крупным европейским городам,

которые становятся сегодня все более многонациональными и в которых накапливаются сложные противоречия. Таким образом, я крайне скептически отношусь к тому, что «глобальные города» совершат в мире какую-то позитивную революцию, – мне тоже ближе модель, предполагающая довольно масштабную децентрализацию, которая сегодня наиболее заметна в Соединенных Штатах, но наверняка будет прокладывать себе дорогу и в Европе.

Идея Навального о том, что «прекрасная Россия будущего» будет «оставлять больше денег городам и регионам» и таким образом федерализм возродится, встретила резонную критику⁵³ со стороны лидера движения «Европейский Татарстан» Артура Хазиева:

В подобной позиции нет понимания того, что такое федерация. Это не только вопрос о том, сколько денег/полномочий есть на том или другом уровне. Федерация – это объединение субъектов, которые делегируют полномочия в федеральный центр, а не центр делегирует что-то в регионы.

Но после начала полномасштабной войны против Украины настроения многих национальных и регионалистских движений существенно радикализировались. Они уже не **хотят рассуждать ни о какой федерации, но мыслят исключительно в построссийской перспективе**. Лидер Башкирского национального политического центра за рубежом Руслан Габбасов полагает:

Российское государство-террорист уже сделало так много зла, причинило так много разрушений и ущерба, что в дальнейшем никто просто не захочет никак ассоциироваться с этим монстром-убийцей даже по названию.

Деколонизация: соль и пересол

Парламентская ассамблея ОБСЕ в Декларации по итогам ежегодной сессии 2024 года заявила⁵⁴, что «деколонизация Российской Федерации является необходимым условием для устойчивого мира». Возможно, именно это заявление стало причиной того, что Россия приостановила свое участие в этой Ассамблее, как ранее и в других международных организациях.

Эта Декларация также содержит крайне болезненное для Кремля утверждение, что Россия в ходе своей войны против Украины проводит политику **геноцида**. Это и массовые убийства мирных жителей в ходе российских бомбардировок украинских городов, и насильственный вывоз украинских детей в Россию с целью их «культурного перевоспитания», за что ранее Международный уголовный суд уже выдал ордера на арест российского президента Путина и детского омбудсмена Львовой-Беловой.

Но если за геноцид можно вынести юридическое определение и наказать виновника впоследствии, когда появится возможность, то с деколонизацией дело обстоит сложнее. **Ее невозможно осуществить судебными решениями, потому что это исторический процесс.** Деколонизация многих стран после мировых войн XX века проводилась не по решению Лиги Наций или ООН, а потому что сами эти страны более не желали оставаться колониями прежних империй.

Кейси Мишель в упомянутой выше статье «Деколонизировать Россию» допускает распространенную среди западных аналитиков ошибку, считая колонизаторами русских, а колонизируемыми – нерусские народы. Это чрезмерное преувеличение этнического фактора. Например, как показывает история США, **имперские колонизаторы и жители колоний могут этнически никак не отличаться между собой.** В современной

России около 80% населения в переписях называют себя этническими русскими, поэтому дальнейшая история этой страны будет неизбежно зависеть от их мнения, а не только от 20% различных национальных меньшинств.

Колонизаторами нельзя называть этнических русских, поскольку **русские области – такие же колонии Москвы, как и национальные республики**. Да, в республиках колониализм переживается тяжелее, поскольку сопровождается подавлением местных языков и культур, но это именно имперская политика Кремля, а не желание обобщенных русских. Сами этнические русские в различных регионах России вовсе не являются каким-то «политическим монолитом». Сегодня имперская пропаганда пытается их изобразить таковыми, но жители, например, европейского эксклава Кёнигсберг и тихоокеанского Владивостока по своему географическому мировоззрению отличаются между собой примерно как канадцы и новозеландцы, несмотря на то что говорят на одном языке.

Известный аналитик Пол Гобл полагает⁵⁵:

Нет большего абсурда, чем думать, будто все русские «одинаковы», как утверждает Москва. Кремль и его сторонники очень опасаются разных русских региональных идентичностей – например, сибирской, новгородской или кёнигсбергской. Это ломает их упрощенную схему «единой русской нации», неважно, гражданской или этнической.

Профессор Александр Эткинд в книге «Внутренняя колонизация: имперский опыт России» доказывает, что колониальная политика началась еще в XII–XV веках с доктрины «собираания земель вокруг Москвы». Причем **первыми жертвами московского колониализма были не другие этносы, а собственно русские независимые княжества – Тверь, Рязань, Новгород и т.д.** Эта гиперцентралистская политика продолжается и сегодня, когда Москва монопольно вещает «за всех русских»⁵⁶.

И, более того, по своей привычке переворачивать вещи с ног на голову Кремль обвиняет в «колониализме» современные западные страны, тогда как его собственная империя строится на типично колониальном ограблении российских регионов московской метрополий.

Карельский экономист Василий Фомин утверждает, что **реальная деколонизация России может начаться лишь с ликвидации московского экономического гиперцентрализма**, при котором большинство ресурсов и налогов из всех регионов уходит в Москву. Но не с этнических лозунгов, потому что сегодня, как ни парадоксально, многие сторонники этнических культур поддерживают⁵⁷ кремлевскую войну против Украины.

Этническая трактовка деколонизации (например, «нерусские против русских»), учитывая полиэтническую природу российских регионов, способна привести не к «устойчивому миру», как обещает Декларация ОБСЕ, а ровно наоборот – к **масштабированию войны на всю Евразию**. Поэтому вполне понятна осторожность многих западных политиков по отношению к лозунгам «распада России».

Но, с другой стороны, западные политики вполне могли бы поддержать демократическое самоуправление российских регионов и проведение там по-настоящему свободных выборов. Потребовать от России соблюдения принципов федерализма, раз уж она сохраняет это официальное название. Но главный вопрос в том, как это реализовать. И это, пожалуй, общая проблема всех резолюций ОБСЕ: они могут быть сколь угодно правильными и полезными, но **механизма их исполнения не существует**, если против них выступает осуждаемое в этих резолюциях ядерное государство.

Сегодня сторонники деколонизации ждут «часа икс», когда победит Украина и кремлевский режим начнет рассыпаться. Но если произойдет «замораживание» конфликта по текущей

линии фронта, тогда задача деколонизации России в очередной раз будет исторически отложена. Хотя в данном контексте уместнее использовать термин «**деимпериализация**», потому что целью этого процесса является не просто «освобождение колоний от метрополии», но ликвидация самой «метрополии», самого имперского принципа организации евразийских пространств.

Идеология Кремля ориентируется на реставрацию прошлого. И, к сожалению, эту изоляционистскую ориентацию в прошлое, к симулякрам «традиционных ценностей», разделяют и многие национальные движения в российских республиках. Ставка на сугубо **этнические и религиозные** ценности, стремление к пересмотру региональных границ могут стать триггером конфликтов внутри России. А реальное освобождение от империи и ее пропаганды возможно лишь в том случае, если у национальных и региональных движений главными станут ценности **демократические** – свободы слова и свободы выборов. Тогда новые построссийские страны легко смогут договориться между собой и создать некоторое подобие Британского Содружества или Европейского союза.

В апреле 2024 года в Эстонии состоялся конгресс **Лиги свободных наций**. Это организация политэмигрантов из различных национальных республик РФ, выступающая за их превращение в независимые государства. Такие проекты – вполне закономерный итог неоимперской политики «русского мира», которая действительно оскорбляет многие национальные меньшинства в России. Почему башкиры или буряты должны погибать в бессмысленной войне за путинскую идею фикс, будто бы украинцы являются «одним народом с русскими»?

Однако здесь возникает некоторая подмена понятий. Когда участники этой Лиги заявляют⁵⁸ о нежелании своих народов гибнуть в «бесконечных русских войнах», они фактически приписывают инициативу этих войн не кремлевскому режиму, но обобщенным русским из разных регионов, которые превращены в такое же пушечное мясо. **Так этнические эмоции затмевают ясный политический анализ.**

Руслан Габбасов для изображения подавленного положения различных народов использует метафору⁵⁹ здания, где русские живут на верхних этажах, а нерусские – в полуподвальных помещениях. Хотя в действительности с момента подписания Федеративного договора в 1992 году все было в точности наоборот: именно республики тогда являлись привилегированными субъектами Федерации, имея возможность распоряжаться собственными ресурсами, в отличие от «обычных» областей. Но затем, вместо того чтобы позволить русским областям поднять свой статус до республиканского (Уральская республика – самая известная попытка), Кремль, напротив, фактически опустил республики до уровня областей. Однако у Руслана получается, что в этом виноват не имперский централизм, а сами русские как народ. В интервью он обычно говорит⁶⁰ о том, что видит будущую башкирскую политическую нацию полиэтнической, но в эмоциональных статьях иногда срывается на противопоставление этносов. Неужели как опытный общественный деятель Габбасов не понимает, что тем самым он отталкивает от своих проектов как русское население Башкортостана, которого в республике даже больше, чем башкир (37% и 31%, по данным переписи 2020 г.), так и возможных союзников из соседних регионов? **Русофобия как идея парадоксальным образом работает на власть,** заставляя многих русских доверять имперской пропаганде о том, будто бы их защищает только «великая держава».

Конечно, кремлевское стремление к тотальной унификации и «вертикализации» России особенно болезненно воспринимается в национальных республиках с их культурной спецификой. Однако жалобы на «тотальную отмену местных языков» все же выглядят преувеличенными. Например, региональные филиалы Всероссийской государственной телерадиокомпании транслируют новости, хоть и официозные, на 54 языках народов РФ⁶¹, а это больше, чем государственных языков в республиках. Более того, Кремль обычно назначает в республики наместников именно из «титовых» этносов (Кадыров в Чечне, Минниханов в Татарстане, Хабиров в Башкортостане, Цыденов в Бурятии и др.), тогда как в русские области и края – зачастую «варягов», которые до этого вообще не бывали в регионе. **И по своей поддержке войны эти главы республик порой дают фору многим областным губернаторам.** Украинский военный аналитик Алексей Копытько сообщает⁶², что нынешний официальный Татарстан доплачивает желающим отправиться на войну в Украину суммы, в несколько раз превышающие выплаты от Министерства обороны РФ.

* * *

Разумеется, отрицать проводимую Кремлем русификацию национальных республик невозможно. Однако очень большая ошибка — полагать, будто от этого процесса что-то выигрывают сами русские в своих областях и краях. В действительности русификация является инструментом империи, предназначенным для удобства управления «провинциями». Причем важно отметить, что **имперская русификация всех остальных народов осуществлялась за счет унификации самих русских.** Империя на протяжении веков подавляла локальные русские диалекты и региональные версии истории, заменяя их едиными «нормами», разработанными в столице. Например, славянские

языки различных «провинций» подавляются не менее, чем тюркские или финно-угорские, а иногда даже более. Поморский, донской и сибирский старожильческий диалекты (или даже языки, поскольку на них существует художественное творчество) практически уничтожены «унифицированным по московской норме русским» и не имеют вообще никакого правового статуса, который у языков различных республик РФ все же сохраняется, отмечает⁶³ филолог Ярослав Золотарев.

В 2024 году опубликована карта⁶⁴ русских локальных говоров европейской части РФ с видеопримерами. Многим эти региональные диалекты кажутся архаичной экзотикой, однако, как ни странно, в сетевую эпоху они вовсе не исчезают. И даже наоборот – удивляя лингвистов, активно используются⁶⁵ в различных локальных комьюнити.

Конечно, деимпериализация России вряд ли начнется с различий тверского и рязанского говоров. Здесь нужны гораздо более значимые политические причины. Но местные диалекты вполне могут сыграть важную роль в оформлении особых культурных брендов, которые неизбежно будут востребованы в процессе регионализации.

В славянском контексте есть показательный пример **сербохорватского** языка, который был кодифицирован в XIX веке как «единый», но в силу последующих исторических событий разделился на сербский, хорватский, черногорский и босанский, в каждом из которых также есть собственные диалекты.

Многие сторонники сохранения «единства России» — как у власти, так и в оппозиции — опасаются, что деимпериализация «разрушит русский язык». В действительности она разрушит лишь имперскую роль русского языка как **моноцентричного**, правила которого разрабатываются в единственном мировом институте – московском Институте русского языка им. В. В. Виноградова. Польско-шотландский лингвист Томаш Камуселла видит⁶⁶ в этом наследие империи и резкий контраст

с **полицентричными** мировыми языками, например английским или испанским, которые различаются между собой в разных странах. Камуселла прогнозирует возникновение различных версий русского языка и утверждает, что

такая плюрификация тотально подорвет неоимперский дискурс «русского мира» о монолитном единстве и однородности русского языка, культуры и государственности.

В историческом смысле **роль русского языка на евразийских пространствах можно уподобить роли латыни в Европе**, где она несколько веков была официальным языком Римской империи, и многие тогдашние европейцы также испытывали на себе «латинизацию». Но затем постепенно произошло расслоение латыни на ряд романских языков – итальянский, французский, испанский и т.д. Она осталась уделом лишь религии, науки и дипломатии. Вполне возможно, нечто подобное произойдет и с русским как языком «Третьего Рима», когда нынешний имперский цикл подойдет к концу.

В действительности никакой язык не является «собственностью» какого-то государства, но принадлежит лишь тем людям, которые на нем общаются. Интересен проект⁶⁷ таллиннского филолога Романа Эссена о кодификации **эстонского русского языка**, который основан на местных вариантах и диалектах. Он подчеркивает:

Необходимо сделать русский язык глобально полицентричным, и это поможет избавить его от эксплуатации московской империей, которая на самом деле не имеет права на монополию и стандартизацию этого языка для всего мира.

Свой проект Роман считает общественной инициативой и не намерен перекладывать ее реализацию на государство. Здесь можно отметить, что развитие различных языков в свободных странах действительно зависит не от тех или иных государственных распоряжений, но от творческой активности самого общества.

Классическим примером является подвижническая деятельность лингвиста Элиэзера Бен-Йегуды, которого называют «отцом современного иврита». В начале XX века ему удалось совершить невероятное – сделать **иврит**, считавшийся «мертвым» и сохранившийся только в древних книгах, живым и современным языком общения среди еврейского народа. При этом государства Израиль тогда еще не существовало и потому невозможно было ждать никакой «государственной поддержки».

Также с точки зрения регионального языкового развития весьма показателен опыт Каталонии. При диктатуре Франко каталанский язык был фактически запрещен, но позже возродился благодаря усилиям самого каталонского общества. Сами каталонцы, не дожидаясь какого-то государственного заказа, начали писать на нем учебники, художественную литературу, снимать популярные фильмы, проводить фестивали и т.д.

Во второй половине XX века молодежь разных стран принялась массово изучать английский язык не потому, что так распорядились власти США или Великобритании, но во многом благодаря глобальной популярности англоязычного рок-н-ролла. Кстати, в самих США **английский язык даже не имеет государственного статуса**, тогда как многие националисты на постсоветском пространстве, и русские, и нерусские, считают именно этот статус решающим. Хотя для популяризации украинского языка, например, рок-группа «Океан Ельзи» сделала гораздо больше, чем различные чиновники с их разрешениями или запретами.

Если же «защитники языков» в российских республиках вместо собственных культурно-общественных инициатив перекладывают решение проблемы на государство, они тем самым демонстрируют ментальность подданных империи. Но Россия превращает любые этнические культуры лишь в элемент имперской пропаганды. Гражданское сознание

выражалось бы прежде всего в борьбе общества за восстановление суверенитета собственных республик. И **суверенные республики сами определяют, на каких языках будет вестись в них образование**, подобно тому как в федеративной Германии школьные программы составляют не берлинские чиновники, но сами земли.

* * *

В свое время Ленин заметил: «Обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русского настроения». Эта едкая ирония относилась в том числе и к Сталину, который позже, к концу своего правления действительно вошел в образ «русского царя». Но эта же формула иногда работает и в другую сторону. Различные национальные движения в России действительно можно назвать **«солью» процесса деколонизации**: они острее, чем многие русские регионалисты, чувствуют жизненную необходимость политического и культурного многообразия этих гигантских евразийских пространств. Но когда эти движения сосредотачиваются на сугубо этнических вопросах, получается **«пересол», игнорирующий политическую реальность**.

Некоторые деятели из национальных республик отчаянно «пересаливают» по своей этнической части в ущерб общегосударственной. Например, эмигрантский Конгресс ойрат-калмыцкого народа провозгласил «декларацию о независимости Калмыкии». В курсе ли ее нынешние жители, что их республика вышла из состава РФ, неизвестно. Но один из лидеров этого Конгресса, Даавр Доржин, поделился⁶⁸ весьма показательными соображениями о том, какой он видит свою будущую независимую страну. Несмотря на то что этнические калмыки, по данным переписи, составляют лишь чуть более половины населения республики (57%), он полагает, что калмыцкий язык должен стать единственным государственным и, более того, в

состав Калмыкии надо включить некоторые районы соседней Астраханской области. Не нужно быть Вангой, чтобы представить, к чему может привести такой проект в случае его реализации, – это **неизбежные межэтнические и приграничные конфликты**. Юрист Доржин хочет провозгласить «некоренное» население Калмыкии «негражданами», ссылаясь на опыт Балтийских стран, хотя, например, в Эстонии уже давно не выдают «серых паспортов», а перешли к политике максимальной интеграции местных жителей.

Есть также проект «Великая Эрзяния» (Эрзянь Мастор⁶⁹), авторы которого рисуют карты, легко включая в свое будущее государство целые соседние области, но ничуть не желая предварительно проконсультироваться с их жителями. Докторант Карлова университета (Прага) Вадим Сидоров справедливо называет такой подход этноидиотизмом⁷⁰:

У многих «этнически озабоченных» людей политическое мышление, подразумевающее способность осознавать политические реалии, соотношение сил и интересов, а также потенциальных рисков, напроць отсутствует, потому что блокируется необузданными этническими эмоциями и амбициями.

Сторонники свободы своих республик, которые надеются на мирное будущее после империи, должны учитывать не только собственные желания, но также интересы окружающих их соседних регионов и других народов, понимать, что они **не одни на этой планете, но являются элементом сложного построссийского контекста**. Этнический эгоизм приведет лишь к конфликтам и непризнанию новых государств со стороны свободного мира.

Проекты привилегий для «титульного этноса», предлагаемые некоторыми республиканскими националистами, совершенно не учитывают возможных **зеркальных последствий**. Если, например, в Татарстане наделить этнических татар преимущественными правами по сравнению с русскими или

башкирами, другие регионы могут ответить аналогичной дискриминацией самих татар. И это будет означать глубокий межэтнический кризис, учитывая, что из общего числа татар в России (4,7 млн чел.) в самом Татарстане проживает лишь 2 млн, а 1 млн – в соседнем Башкортостане. И в итоге **крушение империи вместо демократии для всех приведет к архипелагу этнорезерваций**. Конечно, индейские резервации в современных США вполне самоуправляемы и обладают практически такими же правами, как и штаты, но все же изначально этот проект основан на этнической сегрегации. Разумно ли повторять этот опыт в XXI веке, где все глобально взаимосвязано?

Этнический национализм неизбежно противопоставляет народы и подпитывает страхи многих западных аналитиков, что децентрализация России чревата опасным хаосом и нестабильностью. Политикам из различных российских республик, выступающим за восстановление их суверенитета, есть больше резона **бороться не с обобщенными «русскими», но со своими собственными «федералами»**, которых хватает в каждой «титульной нации». Они как раз и представляют собой тот «имперский класс», который превращает все российские регионы в колонии кремлевской метрополии.

Если говорить о полноценной деимпериализации российского пространства, то **все его регионы должны сделаться равноправными республиками**, поддерживающими между собой договорные связи. Только такое взаимное признание интересов может стать основой мирной трансформации России в пост-Россию. И в целом победа над кремлевской империей возможна лишь как **совместный проект различных регионов**, основанный на их взаимной поддержке. Столкнувшись с такой межрегиональной координацией, империя отступает, в противном случае она просто разгромит все национальные и региональные движения поодиночке.

Интересно сопоставить массовые московские и петербургские митинги в поддержку независимости Литвы в начале 1991 года с почти полным отсутствием таковых в поддержку Татарстана, который год спустя провел референдум о своем государственном суверенитете. Затем в различных российских регионах проходили протестные акции против первой чеченской войны, но все же по массовости они значительно уступали митингам в защиту Литвы. Возможно, одной из причин было то, что **активисты литовского «Саюдиса» охотно поддерживали регионалистов в самой России** и печатали, например, сибирские независимые газеты⁷¹, которые в самой Сибири тогда издавать было невозможно. А татарские и чеченские деятели преимущественно замыкались в собственных национальных интересах, игнорируя более широкий политический контекст.

Успешным примером межрегиональной координации выглядят события на станции Шиес⁷² в 2018–2020 гг. В этом поселке, который находится на границе Архангельской области и Республики Коми, федеральные власти запланировали строительство гигантского полигона для мусора из Москвы. В случае реализации этого проекта создавалась угроза химического отравления многих северных рек, истоки которых расположены на этой территории. В Шиесе возник постоянно действующий многотысячный протестный лагерь, объединивший представителей разных областей и республик, в региональных парламентах зазвучали речи о московском колониализме⁷³. И в конечном итоге власть была вынуждена отступить и отменить строительство мусорного полигона. Это был один из редких в России примеров победы гражданского общества, достигнутый именно с помощью сотрудничества активистов из различных регионов.

В перестроечном 1990 году все автономные республики тогдашней РСФСР провозгласили свои Декларации о государственном суверенитете. Интересно отметить, что это были вовсе **не этнократические, а инклюзивные документы** – каждая республика вводила собственное гражданство, равноправное для всех местных жителей, то есть опиралась на правовые нормы, а не этнические привилегии.

Такие декларации приняли, в частности, Карелия и Коми, хотя в этих республиках и демографически в населении, и среди депутатов большинство составляли русские. И это был знак появления новых гражданских наций: **люди могли этнически воспринимать себя русскими, но политически – гражданами разных республик**. Однако впоследствии, в процессе российской имперской реставрации, эта дифференциация усиленно стиралась, и в конечном итоге все республиканские Декларации о суверенитете были объявлены в 2000 году, сразу с воцарением Путина, «не имеющими юридической силы».

Тем не менее русские в разных регионах по своей ментальности продолжают оставаться весьма разными. Это отметил⁷⁴ карельский писатель Андрей Туоми:

*Численность этнических карел в республике сегодня очень невелика. Большинство населения Карелии – это представители славянских народов, прежде всего русские, белорусы и украинцы. Но даже при подавляющей численности русского населения республики это далеко не те русские, которые проживают на русской равнине, за Уралом или в западных областях РФ. Это далеко не те белорусы, которые сегодня проживают в суверенном одноименном государстве. И далеко не те украинцы... Смешение этих культур и кровей в современной Карелии настолько глубоко, что впору говорить о возникновении новой общности людей – **граждан Карелии**. Впрочем, в республике давно стала расхожей формулировка, в которой жители*

Карелии, независимо от национальности, называют себя карелами. Собственно говоря, так же их называют и за пределами республики.

Есть расхожий стереотип – будто бы нерусские народы России выступают «против империи», а русские «за». Но в той же Карелии можно наблюдать его любопытные опровержения, когда некоторые известные медийные деятели карельского и финского происхождения поддерживают кремлевскую власть, перенимая логику «красных финнов» советской эпохи и зачастую являясь их прямыми потомками, тогда как среди русских жителей остается немало сторонников республиканского суверенитета.

Исходная проблема советского федерализма состояла в том, что он создавался с 1918 года именно по этническому, а не территориальному принципу, в отличие от симметричных федераций, например США и ФРГ, где все штаты и земли имеют равноправный статус. Республиканские Декларации о суверенитете 1990 года вводили принцип гражданского равноправия, но позже, в «возрожденной России», произошла частичная реставрация советской, именно этнической трактовки федерализма.

Однако эта трактовка фундаментально противоречит интеграционным трендам современного мира, требующим максимальной свободы передвижения людей и упрощения экономических обменов. Конечно, каждый регион должен обладать своей политической субъектностью и свободно избранной властью, а его отношения с соседями – строиться на взаимных интересах, а не по указке каких-то имперских чиновников. Но здесь полезно учесть замечание немецко-американского экономиста Ханса-Хермана Хоппе, который в своих работах о европейском регионализме утверждает: **ставка на местную этнократию противоречит социально-экономическому развитию**. Регион, в котором пытаются установить какую-то жесткую регламентацию, в том числе этническую, будут покидать

его собственные бизнес-, научные и культурные элиты, которые комфортнее себя чувствуют в условиях глобальной открытости. И в итоге такой регион рискует превратиться в добровольную резервацию, мало интересную окружающему миру.

Сегодня империя одинаково подавляет все регионы – и национальные республики, и русские области и края. Из событий только 2024 года – в Башкортостане состоялся жестокий полицейский разгон массовых протестов с последующим уголовным преследованием их участников, а в Хабаровске гражданское движение в поддержку свободно избранного губернатора Сергея Фургала было объявлено «экстремистским» и запрещено. Можно ли говорить в этих условиях, что русские жители разных регионов пользуются какими-то «привилегиями» (если, конечно, не считать московских чиновников и пропагандистов, но эта публика весьма интернациональная)?

Регионалистам было бы полезнее задуматься не об «отделении от России», но о ликвидации на этих пространствах имперского принципа как такового. Даже если представить себе такой **гипотетический сценарий, что все национальные республики выйдут из состава РФ, это еще не будет означать падения кремлевской метрополии.**

Наоборот, уменьшившись в размерах и потеряв около 20% населения, она станет еще более агрессивной и наверняка развяжет войны с «национал-сепаратистами». Собственно, может произойти повторение истории, когда после распада перестроечного СССР в РСФСР резко обострился имперский ресентимент.

Чтобы предотвратить такое развитие событий, **в процессы деимпериализации и деколонизации непременно должны включиться русские области и края,** которые составляют большинство субъектов РФ (до аннексии Крыма и других регионов Украины в состав России входило 50 областей, 9 краев и 21 республика).

Сегодня есть отчетливое впечатление, что **имперская власть намеренно разжигает этнические конфликты для того, чтобы не допустить возникновения сильных регионалистских движений.** В результате этой стратегии регионалисты вместо совместных современных проектов тонут в неразрешимых спорах о прошлом. Уроженец Казани и потомок знаменитого художника Марк Шишкин приводил в соцсетях наглядную иллюстрацию, как собирается регионалистская группа, заинтересованная в развитии социальной и культурной идентичности Татарстана, в продвижении новых брендов республики. Вроде бы даже удастся разработать какие-то перспективные проекты, но тут вдруг появляется какой-нибудь персонаж, который принимается делить присутствующих по этносам. И многие даже весьма продвинутые личности с академическими степенями ведутся на это. Обсуждение тут же обрушивается в войну исторических мифов и выяснение, кто тут «кореннее» других. Весь творческий настрой и футуристический драйв испаряются, ломаются и личные отношения. В итоге никаких современных культурных проектов, объединяющих все население республики, нет, а есть лишь унылое столкновение различных архаических сюжетов.

В статье «Зачем Татарстану нужен регионализм?»⁷⁵ Шишкин утверждает:

*Любая модель этнической государственности («губерния в составе государства русских» или «государство татар») в условиях Татарстана приведет к дискриминации значительных групп населения и может вылиться в открытый конфликт. Регионализм по отношению к... этническому национализму находится в другой системе координат. <...> **В центре внимания регионалистов находится территориальная солидарность, происходящая из соседства, личной взаимозавязанности и общего пространства.** Образно выражаясь, регионализм сосредоточен на конкретном социокультурном ландшафте с его шероховатостями и контрастами, а не на*

универсальной грамматике национального языка, старательно очищенной от всех «чужеродных» примесей.

* * *

«Национальный вопрос» в России весьма усложняется различием трактовки термина «нация» в международном праве и на постсоветских пространствах. Если в мире *nation* или *nationality* – это «гражданство», то в бывшем СССР и особенно в РФ **нация до сих пор воспринимается как советская паспортная «национальность»**, означавшая этническое происхождение. В итоге и сам национализм в постсоветских странах обрел преимущественно этническое значение. Это повлекло за собой примитивизацию «национальных» идей до «племенного» уровня и деградацию национализма до этнократии.

Поэтому многие «национальные» споры неизбежно заходят в тупик. И есть опасения, что, например, сторонники создания **сибирской нации** сначала перебьют друг друга по поводу «правильного понимания» этого термина, прежде чем созреют до политической борьбы против империи. Многовековые внутренние миграции, смешанные браки, произвольно нарезанные административные границы регионов РФ и т.д. заведомо превращают все будущие этнократии в конфликтогенные режимы.

Даже термин «региональная нация» (или неологизм Даниила Коцюбинского «регионация»⁷⁶) выглядит сомнительным в смысле его этнической инклюзивности. Корректнее было бы ориентироваться на термин **«региональное сообщество»** (*society, community*). Сегодня империя воюет с обществом как таковым, с различными независимыми от государства общественными институтами. Поэтому и сопротивление имперскому тоталитаризму может строиться только на самоорганизации региональных сообществ, которые важнее этносов и даже официальных языков.

Львовский историк Ярослав Грицак точно, хотя и несколько утрированно доказывает⁷⁷, **что политическое сознание важнее этноязыкового:**

Если бы даже все украинцы перешли на русский, они от этого не стали бы россиянами – примерно как ирландцы, которые перешли на английский, не стали англичанами. Потому что главное различие между украинцами и россиянами состоит не в языке и не в религии – здесь мы относительно близки, – а в политических традициях, различных отношениях между государством и обществом. Проще говоря, в Украине невозможен Путин или Лукашенко (хотя местная элита пробовала дважды такой сценарий, но дважды он провалился), а в России невозможен, к сожалению, Майдан.

Регионализм начинается с гражданского самоуправления различных территорий, с возникновения их политической субъектности. Иными словами, граждане того или иного региона сначала свободно избирают собственную власть, а затем их многопартийный парламент решает, хотят ли они создать независимое государство или построить какую-то (кон)федерацию с соседями.

В качестве модели можно представить свободные выборы в регионе X. В них участвуют все партии любого толка (правого, левого, этнического, религиозного, сексуального, космического и т.д.), но главный критерий допуска к выборам – чтобы кандидаты представляли то или иное сообщество своего региона, а не какой-то имперский «центр». И пусть избиратели сами решат. Словом, регионалистский подход **рационален**.

Доктрина этнонационализма, которую иногда продвигают в противовес регионализму, напротив, **иррациональна**. Когда никем не избранные «националисты» вдруг начинают вещать «за весь народ», это выглядит абсурдно, поскольку народ вовсе не давал им таких полномочий. И **на свободных выборах националисты, как правило, проигрывают**, потому что

оказывается: их народ очень разный, у различных гражданских сообществ свои политические предпочтения. И как гротескный финал – националисты начинают обвинять свой собственный народ в «предательстве».

Приближение к пост-России

Доктрина евразийства, ставшая фактически официальной в нынешней России, утверждает, что территория от Балтики до Тихого океана в целом составляет особый «континент», отличающийся и от Европы, и от Азии, но тяготеющий к общему существованию в единой империи. Этот **евразийский фантом «великой России» может присутствовать у носителей любых идеологий** – националистов, коммунистов, либералов...

Лидеры исторического евразийства (Николай Трубецкой, Петр Савицкий, Петр Сувчинский и др.) учили **мыслить пространством**, в отличие от марксистской доктрины единого универсального времени. В этом можно увидеть оригинальную позитивность их теории, которая опирается на специфику множества евразийских культур и учит ценить их уникальность. Однако евразийцы все же избегали вопроса о самостоятельной политической субъектности различных регионов, делегируя политику на «общеимперский» (или «общеордынский») уровень.

В «неоевразийстве» начиная с 1990-х годов эта обобщенная централизация была доведена до предела. Политический субъект здесь только один – кремлевский царь или вождь, а **все региональные культуры становились лишь вторичным фоном**, который должен иллюстрировать «евразийское многообразие», но ни в коем случае не претендовать на политический суверенитет.

В ситуации, когда имперский централизм был объявлен самоцелью, он потерял всякие внутренние обоснования и нашел

их лишь в противостоянии внешнему противнику. Так **евразийство превратилось в сугубо реактивную доктрину**, построенную на оппозиции другому геополитическому фантому – «атлантизму». Эта доктрина манихейски дуалистична и опирается на иррациональный миф об «извечной войне цивилизаций Суши и Моря». Сочетание во многих странах «сухопутных» и «морских» черт (от гигантской Индии до маленькой Черногории) ломает эту дуалистическую схему и потому игнорируется «евразийскими геополитиками».

Тоталитарным идеологиям в целом свойственна эта дуалистическая простота: пролетариат – буржуазия, арийцы – семиты, правоверные – еретики и т.д. И нынешняя российская политика базируется на своей принципиальной «антизападности». Но **ни одна реальная цивилизация не может быть основана на сугубо негативной идентичности**.

На глобальном уровне евразийство уже вышло за пределы собственно России и идеологически обслуживает становление геополитических блоков вроде БРИКС, участники которых **объединены одним критерием – тем или иным ограничением гражданских свобод**. Это ограничение они пытаются выдать за свою «цивилизационную уникальность» и настаивают на доктрине «**многополярного мира**», в котором каждая диктатура имеет право «по-своему» тиранить своих граждан. И выглядит неслучайным, что эту доктрину изобрели и активно продвигают именно российские евразийцы.

Симулякр «многополярного мира» раскрывается в том, что он абсолютно противоречит внутренней имперской «однополярности» самой России. Показательно, что авторы «многополярной» доктрины напрочь забывают о ней, когда речь заходит об их собственной стране, протянувшейся от Балтики до Тихого океана. Несмотря на то что официально она называется федерацией, фактически все эти гигантские пространства с десятками культурно различных регионов пытаются стянуть к

одному-единственному «полюсу», от лица которого «говорит Москва». Но **может ли быть сторонницей «многополярного мира» страна, в которой уничтожена ее собственная федеративная многополярность?**

Все губернаторы в России сегодня фактически назначаются из Кремля, их выборы абсолютно формальны, поскольку независимые кандидаты не имеют возможности баллотироваться из-за ограничительных законов. Региональные законодательные собрания также не могут принимать каких-то законов, которые отличали бы один регион от другого, хотя именно такая возможность и является критерием отличия федерации от унитарного государства. Российские регионы превращаются лишь в послушного поставщика пушечного мяса для кремлевских войн.

Особым, гиперцентралистским статусом в России обладает Москва: этот город фактически играет роль имперской метрополии, и там проживает основная масса российского чиновничества. Кроме того, в Москве сосредоточены штаб-квартиры крупнейших российских корпораций, которые добывают и присваивают сырье из колонизированных регионов, и поэтому уровень жизни москвичей и «провинциалов» отличается в разы. И это наглядная иллюстрация того самого **«однополярного мира», в котором Кремль обвиняет Запад, но который построил в собственной стране.**

В академическом сборнике *Regionalism in the Age of Globalism*⁷⁸ (2004) шведский профессор Бьорн Хеттне описывает **регионализм как процесс возрастания субъектности регионов:**

1. Территориальное оформление особого регионального пространства.
2. Возникновение регионального сознания, присущего его жителям.
3. Формирование культурной идентичности региона.
4. Образование регионального сообщества.
5. Политическая институционализация региона.

С точки зрения этой «дорожной карты», все регионы в нынешней России территориально оформлены: они имеют свои четкие административные границы, не считая аннексированных территорий Украины. Они обладают своим, хотя бы базовым, региональным сознанием и основами культурной идентичности. Но далее этот процесс вступает в противоречие с империей, которая с подозрением относится к автономным региональным сообществам и совсем враждебно – к политическому суверенитету регионов.

Региональное сознание иногда может выходить за пределы отдельного «субъекта федерации». Здесь наиболее показателен пример Сибири⁷⁹, объединяющей несколько областей, краев и республик, и в каждом из этих субъектов присутствуют элементы «общесибирского» сознания. **Сибирь обладает наибольшим потенциалом для реализации построссийского межрегионального договора.**

Один из ведущих идеологов сибирского областничества XIX века Николай Ядринцев в своей книге «Сибирь как колония» сравнил это гигантское пространство с Америкой. Только если европейцы обретали «Новый Свет» на Западе, пересекая

океан, то для обитателей Московии он открывался сразу за Уралом. Как и Америку, Сибирь осваивали самые вольные люди своего времени, но, к сожалению, она так и осталась колонией «Старого Света», а не добилась независимости. Тем не менее эта параллель проявляется и сегодня: на новосибирских *монстрациях* (ежегодных творческих шествиях, проводившихся с 2004 года и запрещенных в 2020-м) был очень популярен флаг Соединенных Штатов Сибири, созданный омским художником Дамиром Муратовым.

Эта модель различных, но соединенных «штатов» вполне гармонирует с **полицентричной природой Сибири**. Там не существует аналога Москвы как гиперцентралистского мегаполиса. Тюмень, Омск, Новосибирск, Томск, Кемерово, Красноярск, Иркутск и другие сибирские города вместе с окружающими их регионами весьма отличаются друг от друга, но вместе с тем глубоко взаимосвязаны, составляя прообраз договорной (кон)федерации. Осознание этой взаимосвязанности и общесибирских интересов привело к созданию еще в 1990 году Межрегиональной ассоциации **«Сибирское соглашение»**. Но затем под властью кремлевских наместников Сибирь была лишена политической субъектности.

Особая сибирская идентичность ярко проявлялась в эпоху революции начала XX века и перестройки. В обоих случаях это было связано с борьбой за деколонизацию Сибири, которая остается актуальной задачей и поныне. Об этом снимаются популярные, хотя и полузапрещенные фильмы вроде «Нефть в обмен на ничего»⁸⁰. Без сибирских ресурсов империя не сможет вести захватнические войны и даже вообще вряд ли устоит.

Сибиряки, как и свойственно жителям «Нового Света», умеют предложить небанальные исторические решения, которые ломают москвоцентричные шаблоны. Когда в октябре 1993 года в Москве в вооруженном противостоянии

столкнулись две разные версии «великой России», депутаты различных сибирских советов выдвинули ультиматум⁸¹ о создании **Сибирской республики** и отказе подчиняться любой московской власти. Если бы их проект победил, это означало бы реальную трансформацию России в федерацию, исходящую из интересов регионов, а не имперских амбиций.

Очень важное и перспективное качество сибирских регионалистов – то, что, **ценя субъектность каждого края, области и республики, они умеют видеть их общий контекст и общие интересы**, а это предусматривает необходимость договорных отношений между ними. Также они уважают обширное культурное многообразие Сибири и потому свободны от националистических предубеждений, свойственных многим российским политикам – хоть провластным, хоть оппозиционным.

«Центральный» федеральный округ в России имеет совершенно иную природу. Каждая из его небольших областей, исторически составлявших великорусское *Залесье*, обладает древней культурной спецификой, но она уже многие века подавляется московским гиперцентрализмом. Фактически **российский колониализм начался с доктрины «собираания земель вокруг Москвы»**, и его первыми жертвами стали самостоятельные древнерусские княжества – Рязанское, Тверское, Новгородская и Псковская республики и т.д.

Поэтому деимпериализация России и в целом построссийская трансформация этих пространств будут напрямую связаны с процессом **демосковизации**. Иначе на этих пространствах в принципе невозможно складывание равноправных и договорных межрегиональных отношений. Москва отягощена историческим мессианизмом «Третьего Рима» и советско-имперским наследием, что неизбежно порождает конфликт с другими регионами, стремящимися к самоуправлению. **Столица федерации не должна совпадать с крупнейшим**

мегаполисом во избежание чрезмерной централизации политики, экономики и общественной жизни. В этом плане гораздо более оптимальным выглядит какой-нибудь относительно небольшой город по модели Вашингтона, Оттавы, Канберры или даже специально построенного Бразилиа.

Если постпутинская Россия сохранится как москвоцентричное государство, это сделает неизбежными новые имперские циклы. Сама топография Москвы выстроена по концентрическому принципу – в центре находится Кремль, окружаемый все более широкими кольцами. Вся российская транспортная система тоже выстроена по центрально-периферийной модели, когда из одного региона в другой люди обычно добираются через Москву; так же доставляются и грузы. Эта модель идеально соответствует империи с гиперцентрализмом ее метрополии, но непригодна для равноправной (кон)федерации.

У московских регионалистов, осознающих абсурдность такого положения дел, есть радикальные идеи разукрупнения Москвы на несколько городов⁸². Но мегаполисы – это глобальное явление, и главное различие между ними – не в количестве населения, а в качественной роли этих городов для планеты. Например, Нью-Йорк, который по числу населения вдвое меньше Москвы, – это один из ведущих мировых экономических и культурных центров. В построссийской перспективе **Москва вполне может стать «евразийским Нью-Йорком»**, автономным мегаполисом, который больше не будет политически командовать другими регионами и выкачивать из них природные ресурсы, но добьется процветания за счет собственных ресурсов, технологических и креативных. Если же Москва останется в статусе российской столицы, она, как и сама империя, продолжит свое неестественное расширение: уже сегодня городская черта «новой Москвы» доходит до границы Калужской области. И нарастающий приток мигрантов,

стремящихся в центры сосредоточения капитала, окончательно сотрет ее собственную городскую культуру. Москва в таком случае станет аналогом крупнейших столиц стран третьего мира – Каира, Мехико или Манилы, глобальная роль которых, несмотря на их более чем 20-миллионное население, весьма незначительна.

Культурная идентичность регионов – одна из важнейших основ их политической субъектности. Например, маршалу Маннергейму вряд ли удалось бы отстоять независимость Финляндии и сделать ее устойчивой без развернувшегося в середине XIX века мощного процесса финского культурного возрождения (**Fennomania**). Это было не только становление финского литературного языка и опора на древнюю мифологию («Калевала»), но и создание современных европейских культурных форм.

Так что это «возрождение» уместнее скорее называть **культурной революцией**. Причем она опиралась именно на общественные, гражданские инициативы, а не на ожидание поддержки от государственных чиновников (это затем повторилось и в случае Каталонии). Но во многих российских регионах по имперской традиции все еще рассчитывают на ведущую роль государства в деле «возрождения национальных культур». Однако империя заинтересована в различных национальных культурах вовсе не с целью их дальнейшего политического развития, а лишь для того, чтобы создать симулякр собственного «культурного величия». Кроме того, продвигая свою доктрину «традиционных ценностей», она заодно обрушивает в архаику и все этнические культуры. Но пляски в прабабушкиных сарафанах вряд ли способны стать стимулом для современного регионального развития. Региональные культуры могут победить, лишь если станут **современной**

и креативной противофазой имперским «традиционным ценностям», а не бунтом одной архаики против другой.

Этнокультурное многообразие российских регионов требует не просто консервативного «сохранения» – в таком случае оно превращается лишь в архаичную экзотику. Но **регионалисты должны выглядеть не экзотикой, а выразителями интересов большинства местного населения.** Например, 5-миллионный мегаполис Санкт-Петербург вряд ли заговорит по-ижорски, по-водски или даже по-фински, но это не мешает тому, что «Ингрия будет свободной!», как утверждает Охххуmгon в финале своей сверхпопулярной композиции, запрещенной в России.

Перспективную теорию региональных культурных революций разработал петербургско-одесско-израильский философ Александр Рыбалка в серии своих статей «Блокнот партизана-регионала»⁸³. В истории нельзя тонуть, как в трясине, — напротив, ее нужно воспринимать только как трамплин для проектов будущего. Тогда это свободное будущее действительно наступит. Регионализм должен быть актуален и футуристичен – только так можно взломать архаичную «имперскую матрицу». Автор рекомендует «партизанам-регионалам» не пытаться буквально восстанавливать исчезнувшие языки и деревенский быт прошлых веков, но **органично сочетать элементы старинных местных культур и новых глобальных стилей**, учиться современным технологиям развития территорий, продвигать региональные бренды — и вообще обращается именно к креативной публике, которая только и способна стать субъектом перемен.

И, возможно, для продвижения региональных культур в построссийскую эпоху стал бы очень полезным **опыт ежегодного музыкального конкурса «Евровидение».** Многие артисты из различных регионов РФ за последние годы вынуждены были эмигрировать, как и политики, поскольку столкнулись

с резкими цензурными ограничениями свободы творчества. И они вполне могли бы создавать за рубежом свои композиции, которые наверняка привлекут внимание оставшихся в РФ земляков, причем, как и свойственно популярным песням, даже большее, чем статьи или видеоролики политиков.

Сама российская власть вряд ли пожелает организовывать такой межрегиональный музыкальный проект: хотя это было бы логично в ситуации исключения РФ из конкурса «Евровидение», но означало бы неизбежное **повышение культурно-политического статуса регионов**, а его гиперцентрализованная империя весьма опасается. У нее могут получиться лишь пародии вроде выставки «Россия»⁸⁴, где главным содержанием региональных экспозиций было прославление имперского единства.

А в случае независимого межрегионального конкурса его смыслом станет, напротив, раскрытие культурной уникальности каждой области, края или республики, их исторических или новых региональных брендов. В целом **регионы интересны друг другу именно потому, что они разные**, и этнические культуры в этом контексте наладят современный диалог на построссийских пространствах, а не будут ассоциироваться с какой-то изоляционистской архаикой. Это послужит последующему становлению региональной политической субъектности, межрегиональной договорности и излечению травм прошлого. Показательно, что на конкурсе «Евровидение-2024» зрители из Сербии голосовали за артистов из Хорватии, – это казалось почти невероятным, учитывая трагический опыт войны между этими странами. Но большинству регионов РФ в этом смысле делить между собой нечего, пока они все остаются политическими, экономическими и культурными колониями кремлевской империи.

Форум свободных государств пост-России (прежде – «свободных народов»), существующий с 2022 года, в целом можно расценивать не только как политический, но и как культурный феномен — и даже как явление современной культуры компьютерных игр и создания виртуальной реальности.

Организатор построссийского Форума украинский общественный деятель Олег Магалецкий привнес в него, как специалист по PR и рекламе, многие характерные для этих сфер «виртуальные» технологии. Участники Форума – политэмигранты из различных регионов РФ – охотно придумывают и рисуют флаги, карты, новые названия, валюту и т.д. своих «будущих независимых стран» и даже соревнуются в этом увлекательном творчестве. Проблема только в том, что **к действительной эмпирической реальности в разных областях и республиках РФ этот карнавал не имеет никакого отношения и не оказывает на нее никакого влияния.** Или имеет такое же отношение и влияние, как чешский сатирический проект по присоединению к своей стране Калининградской области и переименованию ее в «Краловецкий край» на основании исторического мифа о том, что этим регионом некогда правили чешские короли. Кажется, сам Олег никогда не бывал в российских регионах, и потому его миссия похожа на работу удаленного оператора политического дрона.

Тем не менее деятельность этого Форума было бы неверно воспринимать лишь как нечто **постполитическое**, когда яркие лозунги становятся самоценными, но никак не меняют реальность. Неслучайно Форум был признан российскими властями «нежелательной организацией» – это показывает, что империя реально опасается результатов его деятельности. Как и во всех явлениях эпохи постмодерна, в этом Форуме переплетаются элементы рационального и ироничного, причем второе

качество может по итогам оказаться даже более эффективным. Империя может пережить серьезную концептуальную критику, но саркастическая десакрализация для нее смертельна.

За два года своего существования Форум проделал большую работу, на своих более чем 10 сессиях в разных мировых столицах познакомив публику свободных стран с этническим и региональным многообразием России и во многих случаях сломав ложный шаблон, что эту страну населяют одинаковые Russians с единой идентичностью. Участники Форума приняли важные совместные декларации о стремлении к денуклеаризации и максимальной демилитаризации своих регионов, а также об отсутствии территориальных претензий друг к другу и намерении решать подобные вопросы сугубо в переговорном порядке. Последнее наверняка позитивно оценят западные политики и аналитики, опасющиеся бесконтрольного распространения ядерного оружия и перспективы вместо прекращения войны в Украине получить ее расширение на все российское пространство с экспоненциальным ростом хаоса и насилия.

Однако далее возникает фундаментальный вопрос о легитимности участников Форума: насколько они правомочны принимать такие решения за свои регионы, если **не являются их демократически избранными представителями?** Поэтому они никак не могут гарантировать мировой общественности, что новая власть в их регионах, которая может возникнуть после падения путинизма, начнет исполнять принятые ими декларации. А если политэмигранты сами рассчитывают стать «новой властью», у них должно быть хотя бы приблизительное описание механизма этой политической трансформации.

Но, к удивлению автора этих строк, участвовавшего в работе нескольких сессий Форума, такого механизма не предлагают ни организаторы, ни те, кто называет себя «представителями новых стран». Они так и не выдвинули **требований о**

проведении реально свободных выборов в региональные парламенты и в этом ничем не отличаются от имперских оппозиционеров, которые также уверены, что они сами станут «переходной администрацией» без всяких выборов. Фактически это попытка противопоставить нелегитимному режиму Путина, который возомнил себя несменяемым царем, столь же нелегитимную власть, но политэмигранты почему-то уверены, что на родине их примут с распростертыми объятиями. Однако **регионализм нельзя принести извне, он должен созреть изнутри**. Поэтому важнее не громкие лозунги, но анализ реальной ситуации в своих регионах.

К сожалению, этого реального анализа у участников Форума практически нет. Обычно он подменяется заявлениями в стиле *wishful thinking* – мечтательными нарративами о будущих независимых государствах, но с полным отсутствием ответа на вопрос о том, как реально осуществить такой политический переход из имеющегося на данный момент имперского состояния. Этот переход, очевидно, будет носить **революционный характер**, но нынешние «виртуальные регионалисты» не желают учиться у победивших революционеров прошлых эпох. Вместо того чтобы создавать аналитическую школу, где можно изучать современные политические теории и разрабатывать их применение к политической практике, как делали большевики в Лонжюмо в 1911 г., участники построссийского Форума гораздо более ориентируются на **медийный хайп**. Если их сессии замечает и ругает российское телевидение, они активно это обсуждают и считают своим успехом. Хотя Ленин в свое время просто не обращал внимания на то, что пишут о большевиках царские газеты, и вместо этого аналитически обосновывал свой проект, делая его убедительным для публики.

Но организаторы Форума за два года так и не создали при нем никакого аналитического института, регионалистского

think tank, который изучал бы реальную ситуацию в различных российских регионах – экономическую, социальную, демографическую, культурную, экологическую и т.д. В нынешней России эти данные часто засекречены, и поэтому их открытая публикация вызвала бы интерес у местных жителей и популяризировала тему регионального самоуправления. Построссийский регионализм для своей победы должен превратиться из театра, в котором выступают одни и те же актеры с одними и теми же громкими речами о том, как они хотят независимости, в аналитический институт, разрабатывающий реалистические проекты реформ по деимпериализации.

В конце 2022 года организаторы Форума неоднократно повторяли⁸⁵ в его телеграм-канале ультраоптимистическое заклинание: «Более никакой “единой и неделимой России”. Уже в 2023 году!» Вероятно, тогда их грела надежда на скорое и успешное контрнаступление ВСУ, которое было способно обратить имперскую агрессию вспять. Но летом 2024 года они вводят⁸⁶ уже совсем другой временной масштаб: «Лучшее, что произойдет в мире в ближайшие 10 лет, – это обретение полной независимости 41 новым государством построссийских пространств». А странная цифра 41 взялась, видимо, из того, что к работе Форума удалось привлечь политэмигрантов из 41 региона РФ. Но это вовсе не значит, что в построссийской реальности появятся государства именно из этих, а не из остальных более чем 40 нынешних официальных регионов. **Все будет решаться «на земле», в конкретных политических ситуациях**, поэтому предсказывать количество новых государств и сроки их появления сегодня совершенно нелепо. Массовые протесты 2020 года в Хабаровске, где присутствовал антиимперский лозунг «За вольный край!» и развевались краевые флаги, для многих внешних наблюдателей выглядели совершенно неожиданно.

И, напротив, создание политэмигрантами никем не избранных «правительств в изгнании» и принятие ими «деклараций о независимости», о которых их земляки ничего не знают, выглядит вполне предсказуемым симулякром⁸⁷. Здесь полезно вспомнить историю правительств в изгнании стран Балтии, созданных на Западе после Второй мировой войны. Это были вполне легитимные институты, состоявшие из представителей прежде избранных парламентов, однако **ни одно из этих эмигрантских правительств не пришло к власти после восстановления независимости Эстонии, Латвии и Литвы в 1991 году**. Новая власть была избрана из местных жителей, которые боролись с империей «изнутри» – кстати, точно так же, как и в 1918 году.

Сегодняшняя Россия представляет будущее в манихейски дуалистической схеме – либо сохранение и расширение гиперцентрализованной империи, что трактуется позитивно, либо ее распад, который воспринимается как «конец света». Создается впечатление, что организаторы построссийского Форума используют ту же плоскую схему, только в ее зеркальном отражении. Для них империя является «адам», а «раем» – ее дезинтеграция на полностью независимые друг от друга государства. Но эта схема не предусматривает объема и свободы для исторического творчества. Например, такой опции, когда все регионы обретают политическую субъектность, но затем некоторые из них предпочитают различные федеративные или конфедеративные проекты, построенные на общих правовых, экономических и культурных основах. Эта **договорная опция одинаково враждебна как имперцам с их гиперцентрализмом, так и сторонникам самоцельного «распада ради распада»**.

Украинский историк Михаил Дубинянский приводит⁸⁸ основанный на многих мировых примерах тезис: «Дезинтеграция РФ едва ли возможна без ее предварительной либерализации». Действительно, в условиях централистской диктатуры появление самостоятельных региональных субъектов выглядит невозможным, как это было в Российской империи до 1917 года или в СССР до перестройки.

Массовые протесты или даже восстания в каком-нибудь отдельном регионе будут, безусловно, подавлены имперскими силовиками. Власть может не справиться с этим подавлением, лишь если такие протесты пойдут **по принципу домино** – от одного региона к другому. Но триггером подобных событий может стать разве что какое-то «ЧП федерального масштаба». Поэтому, вероятнее всего, перемены начнутся со столицы, что вполне логично для гиперцентрализованного государства.

Но если любая новая власть сохранит московский централизм, она лишь продлит существование империи до следующего кризиса. А сторонники реальной деимпериализации сразу должны **объявить все регионы равноправными республиками и назначить в них свободные выборы в местные парламенты** с легализацией всех региональных политических партий, запрещенных в 2001 году. Так российская политика будет избавлена, с одной стороны, от имперского москвоцентризма и, с другой – от персоналистского произвола на уровне регионов, которые станут парламентскими республиками. Затем представители региональных парламентов соберутся на **Учредительное собрание**, где решат основные вопросы политического будущего этого пространства: сохранять ли единое государство в федеративном формате или трансформировать его в аналог конфедеративного Евросоюза? сколько и какие полномочия республики делегируют на

уровень (кон)федерации? следует ли отказаться от столичного статуса Москвы с ее тяжелым имперским бэкграундом? как выстраивать взаимоотношения с теми республиками, которые откажутся от любых форм объединения и предпочтут полную независимость?

Именно такой алгоритм субсидиарного выстраивания власти «снизу вверх» и межреспубликанских договорных отношений способен обеспечить мирную и легитимную деимпериализацию российского пространства. Конечно, **этот проект можно назвать утопическим, но его альтернативами являются две антиутопии** – либо сохранение и расширение репрессивной империи, либо ее хаотический силовой распад, опасный для всего пространства Северной Евразии, поскольку он вряд ли ограничится одной страной, а выплеснется за ее пределы.

Пол Гобл предполагает⁸⁹, что очередная российская деимпериализация будет похожа скорее не на 1991 год, но на 1918-й. Действительно, распад СССР произошел относительно мягко, потому что границы между союзными республиками были ясны и в этих республиках уже была новая легитимная власть – их Верховные советы были свободно избраны благодаря перестроечным реформам. А распад Российской империи в 1918-м сопровождался гражданской войной, поскольку внятных границ между территориями не существовало и власть в них присваивалась по праву сильного. В нынешней РФ также не существует никакой легитимной власти: кремлевский царь, растоптавший Конституцию, назначает пожизненным президентом самого себя, а также абсолютно покорных ему губернаторов, не допуская к формальным «выборам» никаких независимых кандидатов. Поэтому и **восстание против этого ремейка самодержавия также неизбежно выйдет за рамки легитимности.**

Не исключая правоты этой исторической параллели, все же хотелось бы заметить, что в 1918 году успешно обрели независимость только те страны, в которых к тому моменту уже была **легитимно избранная власть**. В Финляндии еще в декабре 1917-го независимость провозгласил парламент, который был избран двумя месяцами ранее. В Эстонии – Земский совет, также избранный после Февральской революции, в Латвии и Литве – Народный совет и Тариба соответственно, представлявшие все значимые местные политические партии того времени. Независимость Польши была провозглашена 7 октября 1918 года Регентским советом, назначенным Германией и Австро-Венгрией, хотя еще в марте 1917-го Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов провозгласил: «Польша имеет право быть независимой в государственном и международном отношении». Этот удивительный консенсус противников по Первой мировой войне создавал полную правовую легитимность для независимости этой страны.

4 (17) июля 1918 г. Временное Сибирское правительство в Омске провозгласило Декларацию о государственной самостоятельности Сибири. Однако авторы этого документа все же не порывали окончательно с бывшей империей, заявляя:

Временное Сибирское правительство... не считает Сибирь навсегда оторвавшейся от тех территорий, которые в совокупности составляли державу Российскую, и полагает, что все его усилия должны быть направлены к воссозданию российской государственности.

Поэтому уже в ноябре 1918 г. Сибирское правительство влилось во «Временное Всероссийское», переехавшее из Уфы в Омск и фактически ставившее себе задачу возрождения империи. Одним из пунктов его программы было «воссоединение отторгнутых, отпавших и разрозненных областей России». Такая **неоимперская цель** логически потребовала отказа от «парламентской говорильни» и персоналистской централизации

власти, что вскоре и произошло: это правительство назначило «верховным правителем России» адмирала Александра Колчака и самораспустилось.

Однако восстановление унитарной империи противоречило всем революционным трендам той эпохи и потому неизбежно исторически проиграло. А большевикам удалось привлечь на свою сторону различные национальные и региональные движения лозунгом **федерализма**. Затем они фактически воссоздали империю в псевдофедералистской оболочке, но никакие антифедералистские («белые») проекты с этого момента не имели исторических шансов. Кроме того, несмотря на незаконный характер Октябрьского переворота с точки зрения Временного правительства, **большевистский Совет народных комиссаров все же обладал частичной легитимностью**, поскольку был избран Вторым Всероссийским съездом Советов. После Февраля 1917 г. в России фактически возникло двоевластие, но Советам удалось одержать верх, поскольку в революциях обычно побеждают более радикальные силы, а Временное правительство воспринималось как наследие «старого режима». Оно не желало прекратить развязанную еще в царскую эпоху войну с Германией, хотя прекращение войны уже стал массовым запросом и только большевики сумели его удовлетворить.

Для распада империи по модели 1918 года у нынешней России уже нет достаточного **демографического ресурса**, утверждает⁹⁰ сибирский исследователь Андрей Смирнов. Полномасштабная империалистическая война против Украины за два года привела к потерям около 120 тыс. человек в российской армии, тогда как за 10 лет афганской войны (1979–1989) погибло 15 тыс. военнослужащих из всего СССР и перестроенное общество считало эти потери катастрофическими. Такого количества новых военных кладбищ в различных регионах РФ не было с эпохи Второй мировой войны. Империя фактически

уничтожает собственное мужское население, массово мобилизуя его из далеких от Украины республик (Бурятия, Тыва, Якутия и т.д.). И, возможно, правы те наблюдатели, которые видят в этом намеренную политику Кремля по снижению протестного потенциала в регионах.

Поэтому наиболее вероятным все же представляется повторение (разумеется, не буквальное) модели 1991 года, когда регионы, желающие независимости, будут стараться добиться ее правовым путем, а не за счет создания собственных массовых армий. Кроме того, именно правовая, «перестроечная» модель способна дать новым суверенным республикам больше шансов на необходимое им **международное признание со стороны демократических стран**, чем какие-то нелегитимные силовые «перевороты».

Регионалистам, находящимся в политэмиграции, вместо опереточных «правительств в изгнании», которые не избраны их земляками, гораздо перспективнее было бы создавать **Институты регионального развития** – аналоги существующих в различных регионах европейских стран. Такого рода институты создавались в 1990–2000-е годы и в России, но впоследствии, с построением вертикали власти, были либо закрыты, поскольку вся региональная политика стала определяться централизованно, либо встроены в эту вертикаль, утратив всякую исследовательскую и творческую независимость.

Новые, независимые институты могут сочетать в себе как минимум три функции: **аналитического центра (think tank)**, который исследует реальное экономическое и социальное положение дел в своем регионе, **политического блока**, разрабатывающего программу для будущих выборов в региональный парламент, и **культурной лаборатории**, занятой развитием и продвижением уникальных брендов и другой креативной специфики региона.

Разумеется, эти институты должны быть активно представлены в Сети, и они фактически станут главными медиаисточниками достоверной информации о различных регионах, не искаженной имперской пропагандой. Наверняка в России их сайты будут заблокированы, но они будут вызывать нарастающий интерес у местных жителей, и читатели найдут возможность обходить блокировки. Как свидетельствуют опросы независимых социологов⁹¹ в различных областях и республиках, **граждане интересуются своей городской и региональной тематикой гораздо активнее, чем «общероссийской»**, потому что последняя ассоциируется с войной, а свободно обсуждать эти темы в нынешней России рискованно. Эта локализация интересов далее наверняка будет политизироваться и вести к росту требований местного и регионального самоуправления.

Представители эмигрантских Институтов регионального развития, безусловно, должны поддерживать прямые информационные связи с земляками. Но позиционировать себя не в качестве каких-то «новых вождей», а первым делом **требовать проведения свободных парламентских выборов, где граждане региона сами определяют свое политическое будущее**. Институт может выступить на этих выборах лишь как одна из многих региональных партий или блоков. Но его кандидаты получат существенное преимущество, если за ними будет стоять глубокая и привлекательная программа современного регионального развития, составленная в сотрудничестве с мировыми специалистами. Она наверняка будет резко контрастировать с устаревшими имперскими шаблонами старых партий, но именно это и позволит регионалистам победить. Само проведение свободных выборов станет свидетельством общественных перемен, а **в таких ситуациях прогрессисты неизбежно выигрывают у консерваторов**. Так было на перестроечных выборах 1990 года, когда в союзных и автономных республиках сторонники их суверенитета победили прежнюю номенклатуру.

Как мог бы Запад помочь процессам российской деимпериализации? Многие западные политики и аналитики до сих пор опасаются, что эти процессы чреваты опасной «нестабильностью». Но, как показывает практика, дело обстоит ровно наоборот – **Россия начинает представлять чрезвычайную опасность для всего мира, именно когда превращается в гиперцентрализованную империю с мессианской идеологией.** А представители многих регионалистских движений, напротив, являются сторонниками принципов международного права. Как замечает политический философ Виталий Гинзбург, «риск сохранения этой империи становится больше рисков ее распада».

Ненависть нынешнего Кремля к Западу уже превзошла эпоху СССР. Даже Брежнев не объявлял Запад «сатанинским» и не показывал на съездах КПСС мультфильмы про ядерные ракеты, летящие на Америку. Что Запад может противопоставить этой враждебной риторике? Похоже, только мирных заявлений и опровержения путинской паранойи уже недостаточно. Более того, призывы к миру Кремль трактует как «слабость» оппонента и ведет дальнейшую агрессивную политику.

Видимо, нужен **переход от оборонительных стратегий к наступательным: вместо попытки защититься от этой империи надо деконструировать ее саму.** Западные политики могли бы активнее требовать от России соблюдения принципов федерализма, которые провозглашены в ее собственной Конституции и зафиксированы в международных соглашениях, а следовательно, проведения свободных выборов региональных парламентов, легализации региональных политических партий, экономической децентрализации, развития местных языков и культур и т.д.

Для западных деятелей было бы гораздо продуктивнее и перспективнее устанавливать и развивать связи не с централистской московской оппозицией, которая вещает «за всю Россию», хотя ее лидеров никто не избирал, но с представителями региональных гражданских сообществ. Запад мог бы содействовать организации Институтов регионального развития и вести во взаимодействии с ними аналитическую работу по исследованию экономической, политической, социальной, культурной специфики различных российских регионов, прослеживая **перспективы их интеграции в современный глобальный мир**. И реальная аналитика подскажет последующую политическую практику.

Политологи из США, ФРГ и других развитых федераций могли бы провести образовательные курсы для построссийских регионалистов по правовым основам федеративных отношений, поскольку **опыта реальной федерации в России никогда не было**. При этом вовсе не обязательно настаивать, чтобы все построссийские страны объединились в одну федерацию. Но сторонники независимых государств также должны глубоко изучить всю практическую проблематику их создания в современных условиях, которая гораздо сложнее рисования красивых флагов и произнесения громких лозунгов.

Западные политики могут заявить, что они признают новые построссийские страны только в том случае, если их власть избрана на свободных выборах, придерживается инклюзивных демократических принципов, не принимает этнодискриминационных законов, проводит мирную политику по отношению к соседям и воздерживается от одностороннего изменения межрегиональных границ. Если жители различных российских регионов увидят, что Запад уважает их многообразие, желает им гражданских свобод и самоуправления, это сломает кремлевскую пропаганду и наглядно покажет, **кто в реальности является сторонником «многополярного мира», а кто просто скрывает за этой риторикой свои имперские амбиции**.

Например, Соединенным Штатам Америки наверняка будет полезно поддержать исторически и философски родственный проект **Соединенных Штатов Сибири**. Иначе Сибирь так и останется совместной колонией московской и пекинской империй, которые строят на ее ресурсах свою антизападную политику.

Президент литовского Института регионов пост-России Андриус Алманис (биографически им не чуждый – он родился на Алтае) выдвигает проект аналога плана Маршалла⁹² для этих территорий. По его мнению, западные институты должны иметь дело не с имперским Кремлем, а с демократически избранными парламентами регионов – будущих построссийских стран. Запад мог бы экономически поддержать реконструкцию и модернизацию этих стран в обмен на их безусловную демократизацию, денуклеаризацию и признание исторической вины за участие в имперской войне против Украины с выплатой этой стране своей доли репараций.

* * *

Существует и **внешний вариант пост-России**, если внутренняя ситуация на российских пространствах по тем или иным причинам исторически «зависнет» и всякое историческое развитие там в ближайшие десятилетия окажется невозможным.

У российской и построссийской оппозиции, которая сегодня в подавляющем большинстве оказалась за пределами страны, существует огромное множество проектов для «постпутинской эпохи». Правда, **никто не может предсказать, когда эта эпоха начнется и почему именно эти проекты будут востребованы**. Сохранится ли вообще Россия как единая страна, или наступит построссийская реальность, как в свое время внезапно наступила постсоветская? Но эти вопросы не

мешают виртуальному творчеству многих политэмигрантов, которые уже принимают постановления⁹³ от лица «прекрасной России будущего» и даже пишут ее конституцию⁹⁴.

В телеграмме создаются паблики типа «Первым рейсом», авторы которых уверены, что «режим скоро рухнет». И в этой уверенности они не замечают поразительного сходства с ситуацией ровно вековой давности⁹⁵, когда многие политэмигранты тоже считали, что «большевики вот-вот падут», и в буквальном смысле «сидели на чемоданах». Но это ожидание затянулось на 70 лет...

На эти сопоставления часто возражают: все-таки у большевиков была целая идеологическая система, которая не сводилась к какому-то единственному вождю, они даже «культ личности» однажды разоблачили. А сегодня мы имеем дело с сугубо персоналистским режимом, и без Путина все посыплется.

Такой оптимизм кажется преувеличенным. Ведь **в постсоветской России довольно успешно возрождено самодержавие «царя и преемников»**. И оно вполне может продлиться «до скончания века», как молится патриарх Кирилл.

Но неужели политэмигранты обречены на прозябание в виртуальных эмпиреях? Все-таки уехавших от путинизма, по разным оценкам, уже около миллиона. Причем это люди вполне современные – предприниматели, IT-специалисты, творческая публика. И годы жизни за пределами высокодуховного отечества должны были научить их какой-никакой прагматике. Хотя многие из них в других странах вынуждены работать не по специальности и оттого теряют свои квалификации. И если в нынешней России оставаться невозможно, а полная культурная интеграция в другую страну проблематична, может быть, надо задуматься о каком-то реалистическом выходе? **Не ждать какой-то «будущей свободы», а создавать ее «здесь и сейчас».**

Этот выход, конечно, может показаться утопическим. Но **настоящая утопия не противоречит реальности** – Жан Бодрийяр неслучайно назвал одну из глав в своей книге об историческом опыте Америки «Воплощенная утопия».

Сегодня есть сайты⁹⁶, где разные страны продают острова. Не обязательно в какой-то тихоокеанской глуши – есть даже на Балтике или в более теплых Греции и Хорватии. И если бы кто-нибудь из бывших российских «олигархов» вместо бесконечных обличений кремлевского дракона⁹⁷ приобрел такой остров и подарил его гражданскому обществу, **могла бы начаться действительно другая историческая эпоха**. Все затнувшиеся споры о «лихих 90-х» вмиг перестали бы кого-то интересовать.

Это была бы реализация многих литературных фантазий – от пушкинского «острова Буяна» до аксеновского «острова Крым». Но, разумеется, с поправкой на современность. Новое, маленькое русскоязычное государство, которое соответствует всем нормам международного права, – демократическая парламентская республика. Наверное, ее бы даже приняли в Евросоюз, потому что за этим островом больше не будет имперского проклятья. И **он самим фактом своего существования будет ломать кремлевскую доктрину «русского мира»**.

Это проект «русского Тайваня» или «русского Сингапура», которые кардинально отличаются от континентальной империи. Да, они говорят с ней на одном языке, однако политика, экономика и, главное, психология у них совсем другие. Но **получится ли у «русских островитян» то, что удалось тайваньцам и сингапурцам?**

Такая постановка вопроса наводит на непростые мысли. Является ли «истинно русской» риторика песни «Широка страна моя родная»? А ведь она свойственна и многим политэмигрантам, которые по-прежнему остаются **патриотами «великой державы»**, желая лишь заменить в ней плохого кремлевского царя на хорошего.

Если это великодержавное сознание сохранится, в создании «русского острова» нет никакого смысла. И он в конце концов будет поглощен империей, как в трагическом и пророческом финале аксеновского романа.

Оппоненты этого проекта часто используют расхожий, но ложный стереотип: мол, зачем русским создавать какую-то другую страну, если существует Россия? На это легко ответить напоминанием о **множестве англо- и испаноязычных стран**, весьма далеких от своей «исторической родины».

«Русским островитянам» придется пройти трудный ментальный тест, который чем-то сродни отказу американцев от Британской империи. То есть Московское царство и Петербургская империя – это не «наша страна». Мы тут на своем острове сами по себе, и у нас совсем другая цивилизация. А если хочется вспомнить историю – вспоминайте Новгородскую республику с ее вечевым самоуправлением и регулярной сменяемостью посадников. Могут сказать, что ее нет уже больше пяти веков. Ничего – Израиля не было в истории еще дольше, но потом он возродился и стал совершенно современным государством.

Кстати, **русское слово «государство», наоборот, лучше бы навеки сдать в исторический архив.** Оно происходит от «государя» и поэтому неуклонно воспроизводит персоналистский тип власти. И если на «русском острове» вместо парламентской республики появится некто, пусть даже с самыми либеральными убеждениями, кого будут называть «верховным правителем», проект можно закрывать. Потому что он, увы, станет очередным ремейком империи. И печальным доказательством правоты старого анекдота: «За что мы ни беремся – все получается автомат Калашникова».

Сетевое общество и региональная революция

С 80-х годов XX века на фоне стремительного распространения новых информационных технологий аналитики заговорили о становлении феномена **сетевого общества**. Горизонтальные сети коммуникаций охватывали весь мир, выходя из-под национально-государственных ограничений. Появление интернета, казалось бы, стало наглядной победой сетевых отношений над иерархическими «пирамидами» прежней эпохи.

Теоретики сетевого общества тогда были довольно оптимистичны, видя в его становлении признак торжества гражданских свобод: «Власть информационных потоков преобладает над потоками власти» (Мануэль Кастельс); «Сети формируют новую социальную реальность, где все решает многообразие различных сообществ, и потому авторитаризм более невозможен» (Ян ван Дейк).

Среди этих сетевых сообществ возникали и региональные, отражавшие глобальные политические трансформации тех лет. Разумеется, движения за самоуправление различных территорий существовали всегда, но у нового регионализма появилось кардинальное отличие от старого, присущего «досетевой эпохе». По мнению уже упомянутого шведского исследователя Бьорна Хеттне, новый регионализм ставит своей целью не какую-то архаичную изоляцию, как бывало в движениях прошлого, но, напротив, **максимальное включение в международные связи**. Регионы становятся узлами глобальной сети, причем сама эта сеть функционирует как раз в силу их многообразия, непохожести друг на друга. Именно это создает основу для их взаимных интересов.

Регионализм, по существу, являет собой географическую проекцию сетевого общества. Но подобно тому, как само это общество еще только появлялось и его принципы возникали

«в реальном времени», термин *регион* также до сих пор не обрел своего единого научного определения. Многие исследователи предлагают различные варианты, связанные с историей, культурой, географией, политикой, экономикой и т.д. *Регион* может показаться «слишком абстрактным» на фоне привычных определений (страна, государство и т.д.), но именно он стал общим инструментом пространственных исследований. Этим термином оперируют в самом разном масштабе, называя так то часть какой-то страны (*микрорегион*), то объединения нескольких стран (*макрорегионы*).

Эта многозначность напоминает *кластер* в программировании, где так именуется и единица хранения данных, и группа взаимосвязанных серверов. Такая терминологическая универсализация характерна для перехода от аналоговых к цифровым системам. И она создает новый язык мировой политики.

Феномен нового регионализма наглядно проявляется в структуре ЕС. Сам Евросоюз – это *макрорегион*, в котором *микрорегионы* разных стран устанавливают прямые сетевые связи между собой. Наглядным примером можно назвать партию (точнее, блок около 40 региональных партий стран ЕС) **«Европейский свободный альянс»**, восемь представителей которой на 2024 год являются депутатами Европарламента, а в союзе с Европейской партией зеленых эта фракция занимает 53 места. Альянс критично настроен по отношению к крупным унитарным государствам, но при этом поддерживает евроинтеграцию, требуя реформирования ЕС в «Европу народов и регионов».

Исполнительный директор этой партии Гюнтер Даувен так ответил⁹⁸ на вопрос автора этих строк о причинах роста регионалистских настроений в Европе:

Мы хотим жить в реально демократическом обществе, где граждане имеют средства контроля над властью. И в этом причина развития регионализма – люди хотят, чтобы

избираемая ими власть была им более близка, более децентрализована, более прозрачна. Отсюда же следует и важность региональных идентичностей, локальных культур и языков.

Близкое определение дает⁹⁹ петербургский историк и публицист Даниил Коцюбинский:

Региональный дом гораздо ближе к земле, чем национально-государственный билдинг. Чем более политически независим регион, тем крупнее политический масштаб каждого гражданина, тем слышнее его голос.

В эпоху, предшествующую созданию Евросоюза, многие региональные движения (североирландское, баскское и другие) выглядели сторонниками самоцельного отделения от той или иной «материнской» страны. Однако по мере политического оформления ЕС тональность менялась: региональные партии Шотландии и Каталонии стали заявлять о намерении выйти из-под власти бывших империй (Великобритании и Испании соответственно) для того, чтобы привести свои регионы к полноправному членству в Евросоюзе. **Европейский регионализм, таким образом, играет интегрирующую роль:** устанавливая между регионами прямые связи, его сторонники только укрепляют ЕС в целом, «сшивая» его территориально.

Это прямое межрегиональное взаимодействие **постепенно стирает прежние национально-государственные границы** и существенно снижает значение столичного чиновничества – парижского, лондонского, мадридского, берлинского и всех остальных.

Кроме того, современный регионализм являет собой не какую-то отдельную идеологию, а, скорее, **преодоление прежних идеологий**. Давняя идеологическая дихотомия «правые – левые» уже не играет определяющей роли. В программах европейских региональных партий «правое» и «левое» все более сливаются друг с другом, если под «правым» понимать борьбу за экономическую свободу и культурную идентичность, а под

«левым» – защиту социальных и гражданских прав. Даже названия этих партий иногда путают обывателя, привыкшего к прежним стереотипам. Так, если какое-то движение называет себя *национальным*, оно часто воспринимается как «правое», хотя сегодня это не всегда верно. Например, Шотландская национальная партия по своим экономическим взглядам является скорее «левоцентристской» и социал-демократической.

Глобализацию часто принято представлять как процесс мировой универсализации, хотя географическая дифференциация в современном мире не только сохраняется, но даже возрастает. Для описания этого синтеза еще в 1980-е годы возник интересный неологизм *глокализация*. Как утверждает активно использовавший его шотландский социолог Роланд Робертсон, **глобальные интересы и локальные идентичности не противоречат друг другу, но являются взаимодополняющими**. Глобальные корпорации повсеместно локализуют свою продукцию, адаптируя ее к специфике различных культур, а локальные производители, наоборот, стремятся глобально популяризировать свои бренды.

В политике этот процесс отражается в том, что именно регионалисты (например, шотландские и каталонские) выступают активными сторонниками единства Евросоюза¹⁰⁰, тогда как в крупных странах с имперской историей часто побеждают **евроскептические настроения**. Пример с Брекзитом хорошо известен, лидер французского Национального объединения Марин Ле Пен также уже много лет высказывает идеи Фрекзита.

При этом выглядят весьма закономерными симпатии Ле Пен к путинскому Кремлю, который выступает с антиевропейских и имперских позиций. Можно провести и более отдаленную, но вполне логичную историческую параллель: неслучайно главной политической противницей проекта договорного Союза в 1991 году выступила имперски «возрождаемая» Россия.

Бретонский регионалист Ян Фуэре (Yann Fouéré) еще в 1968 году написал книгу «Европа ста флагов», в которой обосновывал необходимость «разукрупнения» Франции и других больших европейских государств, предлагая строить будущий **Евросоюз как федерацию самоуправляемых регионов**. Войны между этими регионами, по мысли автора, будут невозможны, поскольку все они экономически взаимозависимы. Такая трансформация Европы позволила бы кардинально приблизить власть к гражданам и избавиться от многочисленных государственных бюрократий. Однако этот проект тогда показался «слишком радикальным», и ЕС был создан как союз прежних государств, сохранивших свой бюрократический централизм, а иногда и продолжающих имперскую политику.

Сегодня тезисы этой книги вновь выглядят актуальными. Показательны жесткие репрессии в Испании 2019 года против сторонников каталонской независимости и запрет для них провести мирный референдум, хотя из ЕС как такового каталонцы вовсе не собираются выходить, а желают состоять в нем как самостоятельная республика.

Судя по реакции на каталонские события, перспектива *Европы ста флагов* не нравится многим «евробюкратам»: их пугает возможное увеличение числа политических субъектов в ЕС, за этим им мерещится «дестабилизация». Между тем историческое развитие всегда предполагает усложнение. И вообще, в Брюсселе полезно было бы вспомнить, что **большинство современных европейских государств создано теми, кого в свое время называли «сепаратистами»**.

Но если проевропейски настроенные регионалисты будут подавляться, в ЕС останутся доминировать прежние государственные бюрократии, которые считают свою имперскую историю важнее общеевропейских свобод. И возможный распад Евросоюза может прийти совсем не от регионалистов, а, наоборот, от консервативных сторонников сохранения крупных государств с их неизжитыми имперскими амбициями.

Разумеется, меньший масштаб многих регионов по сравнению с крупными государствами еще сам по себе не гарантирует более высокого уровня демократии. Однако он создает предпосылки к этому, обеспечивая гораздо большую близость граждан к избираемой ими власти по сравнению с многоэтажными бюрократическими «пирамидами» крупных стран, отчужденными от конкретного избирателя.

Показательно, что большинство протестных выступлений в нынешней России (социальных, экологических и т.д.) имеют подчеркнуто региональный характер. Их лозунги в защиту тех или иных локальных интересов более привлекательны для общества, чем какие-то «общероссийские». И в этом также проявляется глобальный регионалистский тренд.

Взаимосвязь сетевого общества с регионализмом в России даже неизбежна, поскольку движения за самоуправление разных регионов сегодня могут существовать только как **группы в социальных сетях**. В отличие от ЕС, региональные партии в России запрещены и не могут выдвигать своих кандидатов на выборах.

И в результате этой взаимосвязи проявляется одна важная закономерность: если регион оказывается равноправным субъектом в (кон)федеративной сети других регионов, ему нет никакого смысла от них «отделяться». Если же «государственный центр» сознательно низводит все регионы до уровня безликих и бесправных «провинций», только тогда регионализм превращается в сепаратизм.

Учитывая глобальную природу регионализма, он уже в ближайшей исторической перспективе с неизбежностью потребует своего урегулирования в системе международного права. На данный момент в документах ООН присутствуют два противоречащих друг другу принципа – **нерушимости границ и права наций на самоопределение**. Сталкиваясь между собой, они не решают проблему, но только порождают

новые конфликты. Украинский аналитик Андрий Третьак предлагает¹⁰¹ разрешить это противоречие, изменив некоторые базовые формулировки этих принципов. Тем самым международное право станет более логичным, непротиворечивым, а следовательно, эффективным:

Во-первых, это замена термина «самоопределение наций», который вызывает массу разночтений, на более конкретный – «самоопределение территорий». Понятно же, что самоопределяться все равно будут люди, там проживающие, зато мы избежим спекуляций на тему, кому такое право жаловать, а кого [его] лишать, кто нация, а кто нет. У всех есть такое право, и все! <...>

А чтобы вновь введенный принцип самоопределения территорий не шел вразрез с принципом нерушимости границ, нужно и последний заменить на «принцип неприкосновенности границ извне». Изнутри государства не должны представлять собой клетку (пусть и золотую), препятствующую своим территориям самоопределяться. Но при этом неприкосновенность границ государства извне должна соблюдаться действительно свято и поддерживаться всей мощью международного права, вплоть до немедленного введения войск ООН, а не той вялотекущей «санкционной» политикой, которую мы наблюдаем в случае агрессии РФ против Украины.

* * *

В 2023 году на английском, а годом спустя на русском вышла новая книга профессора Центрально-Европейского университета в Вене Александра Эткинда под названием «Россия против современности». Автор представляет вторжение в Украину лишь как часть **большой войны Российского государства против глобального прогресса** – экологических, социальных и культурных вызовов XXI века.

Он так поясняет столь широкий масштаб своего исследования:

Почему Россия противостоит современности? Потому что она полностью зависит от экспорта своего карбонового сырья. Любые программы энергетического перехода лишают Российскую Федерацию привычных источников дохода. Вот в этом суть этого противостояния, все остальное – его разнообразные следствия.

Интересно, что книги этого автора часто опережают время. Сегодня западные аналитики активно обсуждают тему деколонизации России с целью предотвратить ее дальнейшие имперские войны. Но еще в 2011 году Эткинд выпустил книгу «Внутренняя колонизация: Имперский опыт России», в которой исследовал историческое расширение Российского государства, когда Московия превращала в свои колонии не только инокультурные регионы Евразии, но даже независимые русские княжества (Рязань, Тверь, Великий Новгород, Псков и т.д.). **И в конечном итоге эта внутренняя колонизация «выплескивается наружу», переходит к завоеванию других стран.**

Этот тренд вполне продолжается и в текущей кремлевской политике. Путин объяснял аннексию Крыма и других юго-восточных регионов Украины необходимостью «*защиты прав русского населения*». Однако в результате российской оккупации эти территории не получили никакого местного самоуправления, которое они имели даже в унитарной Украине, но управляются сегодня назначенными из Кремля военными администрациями.

Таким образом, территориальное расширение, немислимое в XXI веке для развитых стран, остается для кремлевских деятелей самоцелью. **Идея имперского контроля над пространством стала для них важнее времени**, которое начинает представлять угрозу для режима, поскольку требует множества

современных социальных и технологических трансформаций, а они опасны для удержания статус-кво.

В этом можно заметить еще одно кардинальное расхождение нынешней России с бывшим СССР. Если официальная советская идеология апеллировала к *прогрессу*, пусть и понимаемому в узких коммунистических рамках, то доктрина сегодняшнего Кремля – защита *традиционных ценностей*, трактуемых весьма расплывчато. Фактически война против Украины – это лишь самый наглядный и трагический элемент **тотальной «спецоперации» против современности**. Главный враг Кремля в этой войне – весь мир этнокультурного и гендерного многообразия, энергетического перехода и «цифровых кочевников». Официальная Россия стремится остановить продолжающееся развитие современных обществ, отбросить историю в прошлое.

Александр Эткинд уточняет свою позицию, проводя различие между двумя типами современности. Один из них, который он называет **палеомодерном**, продолжает инерцию XIX и XX веков, когда развитие «виделось в еще большем сжигании энергии, в еще большем использовании ископаемого сырья». Этот подход он символически называет «миром **Левиафана**», заключавшимся в глобальном соревновании империй. И противопоставляет его «миру **Геи**», «зеленой современности», где «все ровно наоборот: прогресс измеряется уменьшением энергетических затрат за счет использования возобновляемых источников, гармонирующих с естественной природой».

Кстати, возобновляемая природная энергетика (солнечные, ветровые, приливные электростанции), как правило, локальна: она не требует централизации энергопотоков и энергопередачи на гигантские расстояния. И в этом можно отметить **взаимосвязь зеленой энергетики с экономическим и политическим регионализмом**. Поэтому европарламентский блок регионалистов и зеленых выглядит неслучайным.

Геямодерн (по имени богини Земли в древнегреческой мифологии) означает назревший переход к новому, экологическому мышлению, который жизненно необходим человечеству в условиях глобального потепления, во многом вызванного антропогенными, индустриальными факторами. Автор разделяет высказывавшуюся различными учеными еще с 1970-х годов гипотезу Геи, согласно которой наша планета представляет собой **синергетическую и саморегулирующуюся систему, все элементы которой изменчивы, но взаимозависимы**. Такое понимание требует учета глобального многообразия, децентрализации, но вместе с тем этического равноправия, когда ни один субъект мировой политики не должен строить свой успех за счет страданий других, поскольку в конечном итоге пострадает и он сам.

Но пока российский имперский Левиафан существует, глобальная современность будет отложена...

* * *

Если рассуждать в категориях современности, XXI век может стать новой «эрой географических открытий». Его отличие от прежней аналогичной эпохи, пришедшейся на XV–XVI века, заключается в том, что сегодня речь идет **не об экстенсивном расширении познанных пространств, но об интенсивном углублении их смыслов**. Эпоха глобальных идеологий означала конкуренцию концепций универсального времени. Применительно к пространству глобальные идеологии породили геополитическую борьбу Запада и Востока, хотя условность этой схемы уже давно очевидна.

Регионализм заменяет идеологически мотивированную геополитику акцентированием самобытной территориальной идентичности. Иными словами, **геополитика сменяется геофилософией**. Конкуренция различных территорий,

разумеется, не исчезает, но она лишается заданных извне смыслов. Каждая территория начинает осознавать себя в качестве уникального элемента мирового целого, отказываясь быть «полигоном» той или иной глобальной идеологии или религии.

В мире восточно-западного геополитического противостояния, например, Чукотка и Аляска выглядели абсолютной периферией. Однако прямое расстояние между этими регионами, символизирующими «самый крайний Запад» и «самый дальний Восток», составляет всего 82 километра, и в ясную погоду они видны друг другу невооруженным глазом. Еще в начале XX века французский инженер Лоик де Лобель предлагал построить **трансконтинентальный мост через Берингов пролив**. В ту эпоху, когда всего за семь лет была проложена самая протяженная в мире железнодорожная Транссибирская магистраль, этот проект вовсе не считался «утопическим». Революционные и военные события заставили его отложить, но сегодня он выглядит по-прежнему актуальным, особенно учитывая бурное развитие Тихоокеанского региона.

Возведение трансконтинентального моста, которое без ложного пафоса можно будет назвать крупнейшим проектом XXI века, повлечет за собой настоящую мировоззренческую революцию. Произойдет окончательная и самая наглядная отмена старой «восточно-западной» геополитики, которая уже непригодна для описания современных глобальных процессов. Возможно, такое строительство затягивается именно потому, что мышление современных людей все еще не готово к подобной трансформации. Если же оно все-таки начнется, **Берингов мост станет реальным воплощением того, что считается пока уделом фантастов, – машины времени**. Дело в том, что по обе стороны Берингова пролива время различается на сутки: между Чукоткой и Аляской пролегает мировая линия перемены дат. Так что при налаженном скоростном сообщении

можно будет практически мгновенно перемещаться из «вчера» в «завтра» и обратно. Так регионы, «периферийные» в прежнем геополитическом измерении, в новых условиях и при открытии собственного уникального географического смысла потенциально могут стать ключевыми для мирового развития.

Глобальное потепление, которое обычно вызывает негативные оценки ученых, принесет, по некоторым прогнозам, и частично позитивный эффект – **избавление полярных территорий от вечной мерзлоты**. А это приведет к их активному освоению и развитию. Так что Берингов мост может стать не просто символическим соединением континентов, но и практической потребностью. Регионы Сибири, Дальнего Востока, Аляски, Северной Канады наверняка будут заинтересованы в установлении прямых экономических связей путем строительства трансконтинентальной железной дороги или более экологичной струнной магистрали. И если они сами не построят эту дорогу, то этот проект, вполне возможно, реализует Китай. Эта страна, превратившаяся в глобальную фабрику потребительских товаров, в настоящее время экспортирует их в Америку морским транспортом через Тихий океан, что занимает около двух недель. А доставка с помощью скоростного сухопутного транспорта через Берингов пролив будет занимать около суток, да и те исчезающе сократятся, учитывая пересечение линии перемены дат. Но, конечно, такой фантастический проект возможен, только если Китай будет развиваться не только экономически, но и политически, избавляясь от однопартийного режима и военно-имперских амбиций — того, что пока заставляет многие окружающие страны считать его угрозой.

Казалось бы, мировые пространства уже изучены вдоль и поперек. От древних сакральных империй остались масштабные памятники, а затем эпоха национальных государств нашла пространствам более практическое – экономическое и

технологическое – измерение. Но сами по себе **национальные государства, остающиеся пока главными субъектами мировой политики, являются своеобразными реликтами эпохи модерна**. А постмодерн как эпоха настойчиво выходит за национально-государственные рамки и опирается на новые политические субъекты.

Такими субъектами все чаще становятся регионы различных стран, добивающиеся расширения политического, экономического и культурного самоуправления. Основанная еще в 1985 году *Ассамблея европейских регионов* на сегодняшний день объединяет более 260 регионов из 35 стран и 15 общеевропейских межрегиональных организаций. Тем самым фактически создается новый формат европейской политики, все менее зависимый от национально-государственных бюрократий и опирающийся на прямые межрегиональные связи. **Европейский союз по проекту Яна Фуэре все-таки постепенно превращается в Европу регионов**. Причем подобные трансформации касаются не только Европы. Японо-американский эксперт Кеничи Омаэ в 1995 году выпустил книгу под говорящим названием «Конец национального государства: подъем региональных экономик», где убедительно показал, что это общемировой тренд.

Однако России он не касается. До начала полномасштабной войны против Украины некоторые российские республики и области были ассоциированными членами Ассамблеи европейских регионов, но затем Кремль разорвал всякое их сотрудничество с организациями из «недружественных» стран. **Агрессивная империя продемонстрировала свою полную несовместимость с общественными регионалистскими проектами**.

Тем не менее в свободном мире регионализм продолжает развиваться и приносит в современную политику новое измерение, связанное с разработкой уникальных *региональных брендов*. Постиндустриальная экономика все более зависит от эффективного брендинга товаров и услуг. Каждый «продвинутый» бренд обозначает не просто товар, но прежде всего особые стилевые и психологические характеристики, привлекающие для потребителя. В конечном итоге **нематериальная стоимость брендов стала даже превосходить материальную**: цена одного и того же товара с наличием или отсутствием узнаваемого бренда может отличаться на порядки.

Брендинг обретает также географическое измерение, наглядно демонстрируя, что в современном мире происходит **не одномерная глобализация, но диалектическая глокализация**. Регионы все более стремятся отличаться «лица необщим выраженьем», выходя из-под стандартизации национальных государств и подтверждая выводы упомянутой книги Омаэ. Показательно, что наиболее эффективными разработчиками региональных брендов выступают не расчетливые экономисты (как то бывало в товарном производстве), а именно творческие деятели. При этом географический брендинг может стать не просто инструментом развития той или иной территории, но мощнейшим информационным оружием. Как заметили авторы книги «Бренд Америка», в свое время коммунизм был побежден вовсе не военным способом или большей идеологической убедительностью его оппонентов, но именно яркими брендами Нового Света – джинсами, рок-н-роллом, кока-колой...

Однако современный региональный брендинг по мере развития процессов глокализации больше не сводится к заимствованию образов какой-то одной страны. **Сама современность становится очень многообразной**, и, как бы это ни

показалось парадоксальным, она как раз уходит от глобальных стандартов. На это обратила внимание группа экспертов под руководством Филипа Котлера. В объемном исследовании «Маркетинг мест» они касаются темы архитектурного развития различных территорий и утверждают:

Стандартизированное строительство ныне сменяется стилями, которые подчеркивают многообразие и уникальность. Архитекторы начинают выступать в качестве интерпретаторов особого характера территорий. Утвердилась мысль, что архитектура и дизайн должны отражать душу или сердце места.

Уникальный бренд той или иной территории может возникнуть из творческой актуализации ее мифологического наследия. Так произошло, к примеру, в Лапландии. До 1960-х годов эта северная финская провинция считалась слаборазвитой и «депрессивной». Но затем местные креативщики, обратив внимание на то, что именно **Лапландия считается родиной Санта-Клауса**, разработали масштабную программу преобразования региона на основе этого бренда. В лапландской столице Рованиеми была построена деревня Санта-Клауса, в которой проводятся ежегодные праздничные представления. Вокруг нее возникла современная туристическая инфраструктура – горнолыжный и спа-центры, зоопарк арктической фауны, музей освоения Севера, не говоря уже о многочисленных отелях, кафе, торговых центрах на любой вкус. Причем это развитие не остановилось только на сфере туризма, но стало мощным импульсом для всей местной индустрии – строительства, связи, транспорта и т.д. Сегодня региональный бюджет получает прибыль, вполне сравнимую с какими-нибудь сырьевыми «клондайками». А российская попытка повторить лапландский феномен, назначив Великий Устюг «родиной Деда Мороза», не принесла аналогичного эффекта, увязла в известной чиновничьей коррупции и в целом провалилась.

Впрочем, в России как исключение все же встречаются эффективные примеры локальных брендов, рожденных не подражательством, но остроумной творческой инициативой местных жителей. Информационно-аналитический журнал «Муниципальная академия» сообщает:

В конце 90-х годов, когда муниципальные бюджеты были совсем пусты, а задолженность по зарплате зашкаливала, тогдашний мэр города Кунгур приобрел на бюджетные деньги... воздушный шар! Он ждал, что после этого разъяренная толпа сметет его вместе со зданием администрации. Но этого не случилось. Более того, сегодня Кунгур позиционирует себя как «Небесный город», пытаясь отобразить в городской среде такие ценности, как прозрачность, воздух, небо, высота, честность, легкость, праздничность. Каждый год в городе проводится «Небесная ярмарка» – соревнования воздухоплателей со всего мира. В эти дни над городом можно встретить до 20–30 аэростатов одновременно. А начиналось все с сумасшедшего поступка.

Низкая эффективность регионального брендинга в России связана с тем, что он чрезмерно зависит от власти. Имперская традиция этатизма входит в противоречие с современным креативным развитием территорий, которое в развитых странах реализуют сами гражданские сообщества. Все подобные проекты в России могут осуществляться лишь при поддержке государственных чиновников, но, когда она прекращается, региональные бренды попросту исчезают.

Показательна история «**культурной революции**» в **Перми**, творческое сообщество которой в 2009 году заявило о намерении превратить город в «европейскую культурную столицу». Туда стали активно приглашать деятелей современного искусства, запустился ежегодный Пермский культурный форум. Это весьма оживило общественную жизнь в городе, однако весь проект держался лишь на благоволении тогдашнего

губернатора Олега Чиркунова. Стоило ему в 2012 году покинуть свой пост, как пермская «столичность» стала неудержимо рассыпаться: прекратились многие фестивали, закрылись новые музеи, прекратили работу театры. Новый губернатор оказался небольшим ценителем авангардных культурных экспериментов, и «пермская культурная революция» закончилась. Но консервативные ее противники радовались напрасно: сворачивание оригинального культурного проекта просто вернуло регион в прежнюю провинциальную дремоту. И теперь неевропейские художники охотно устраивают выставки в Перми, а пермские творческие деятели, наоборот, вновь разъезжаются из родного города.

О том, что региональное многообразие – это главный ресурс российского пространства, культуролог Михаил Эпштейн пророчески писал еще в 1990 году, когда многим показалось, что «возрождение России» принесет и свободу ее регионам. У него получился фактически манифест российского регионализма¹⁰². Основываясь на историческом многообразии древнерусских земель, автор утверждал, что имперская централизация возникла лишь под ордынским принуждением, а выход в постимперскую историю видел в возрождении этого регионального полицентризма:

Быть может, единственное спасение России – стать содружеством разных России. Сколько их, особых и прекрасных: московская и дальневосточная, питерская и рязанская, уральская и орловская! И чем настойчивее они сводятся к одной России, тем больше она теряет себя, свой размах, заполняясь серой скукой, – неестественно обширное существо, одоленное собственной тяжестью, размазанное по лицу земли. <...> Вместо устроения своих земель принялась за чужие – и вот уже одна

Россия кочует по всей Евразии, и все ее издалека видят, а она себя – нет. Что пользы – все приобрести, а себя потерять?

Но главным символическим определением путинской эпохи стала **вертикаль власти**, которая по своему смыслу абсолютно противоречит идее сетевого общества. Эта имперская вертикаль, несмотря на старательно создаваемый ею имидж «сильного государства», **в действительности очень хрупка по сравнению с сетевыми системами**. Сети основаны на гибких взаимодействиях, и, если какой-то кластер выходит из строя, система продолжает работать помимо него и самонастраивается. А выпадение из властной иерархии какого-нибудь «краеугольного камня» обрушивает ее полностью.

Конечно, **интенсивное развитие сетевых информационных технологий не приводит к автоматическому появлению новых форм общественной организации**. Здесь с долей иронии можно вспомнить марксистскую максиму о возникающем противоречии между производительными силами и производственными отношениями. Российские власти, пытающиеся бороться с сайтами и мессенджерами путем типично советских цензурных запретов и закона о «суверенном Рунете», демонстрируют свое абсолютное непонимание принципов глобальной сетевой эпохи. За последние годы в России заблокировано около миллиона (!) сайтов с «запрещенной» информацией, а также популярные соцсети вроде Фейсбука. Однако многие россияне находят возможности обхода блокировок.

Впрочем, отсталость запретителей не следует преувеличивать. Кремль активно использует новые информационные технологии в своих интересах, так что можно даже говорить о некоторой **инверсии сетевого общества, которое ставится на службу империи**. Кибератаки, «фабрики троллей», наконец, астротурфинг как медийное создание «искусственной реальности» – этими технологиями режим вполне владеет. За комментарии и даже картинки в социальных сетях можно

получить реальный тюремный срок, а популярная российская соцсеть «ВКонтакте» даже сама оповещает силовиков о «подозрительных» публикациях. Вероятно, **следующим шагом станет попытка заставить служить империи искусственный интеллект**. Но есть надежда на то, что он просто не поймет эту иррациональную задачу и потому не сможет ее выполнить.

С точки зрения сетевого общества особенный интерес представляет феномен **еврорегионов** – трансграничных территорий, посредством которых происходит прямая интеграция соседних стран. Внутри самого ЕС еврорегионов существует уже более сотни, и в них реализуются проекты экономического и культурного сотрудничества, которые стирают прежние государственные границы. В 1990-е годы еврорегионы также возникли на границах ЕС и РФ (Кёнигсберг, Карелия), но впоследствии они были свернуты по причине российской неоимперской и изоляционистской политики. Россия опасается еврорегионов, поскольку на их жителей не действует ее анти-европейская пропаганда. Кроме того, эти самоуправляемые трансграничные пространства вообще выходят за рамки понимания империи, поскольку являют собой предвестие новой, **постгосударственной эпохи**.

До начала полномасштабной войны против Украины некоторые российские регионалисты оптимистически предполагали, что в XXI веке слово «Россия» станет аналогом «Европы» – в смысле общего названия (кон)федерации независимых стран. Однако никакая прежняя европейская империя не называла себя Европой в целом, и потому это слово не вызывало негативных ассоциаций у стран, которые объединялись в Евросоюз. В России же ситуация ровно обратная – эта постсоветская страна так и не захотела стать действительно новой

и постимперской, но провозгласила себя прямым продолжением прежней империи. И **чем больше она хочет быть империей сегодня, тем меньше вероятности, что постимперские республики завтра захотят называться «российскими».**

Постимперская история означает переход от имперской дихотомии «метрополия – провинции» к прямой межрегиональной сети, где каждый регион интересен по-своему и в каждом развиваются свои мировоззренческие модели. В сегодняшней России уже достаточно ярко о себе заявили петербургско-ингерманландские, поволжские и сибирские интеллектуалы. Это преимущественно внеакадемические, неформальные гражданские сообщества, проводящие порой довольно глубокие дискуссии о взаимодействии глобального и локального, об антропологической специфике каждого конкретного региона, о разном течении истории в разных землях. Так постепенно возникает довольно красочная **построссийская философская карта** вместо серых «общероссийских» обобщений.

Возможно, **слову «Россия» пора уйти в историю, как в свое время ушла «Римская империя».** Потому что любые попытки построить под этим именем демократическую (кон)федерацию фатально провалились. А сегодня возник жесткий, но справедливый термин **«рашизм».** Однако гораздо важнее не название страны, а принцип равноправных и договорных отношений республик, каждая из которых является суверенным политическим субъектом.

А как будет называться это добровольное содружество, решат их свободно избранные парламенты. И если кто-то не захочет туда входить (как, например, Норвегия не входит в Евросоюз), это вовсе не станет причиной «междоусобных войн», которыми пугают имперцы. Взаимные связи и межрегиональные интересы сделают пограничные столбы с колючей проволокой безнадежно устаревшими.

Но, с другой стороны, не надо бы превращать «распад России» в аналог некоей исторической самоцели типа «строительства коммунизма». Само слово «распад» – это взгляд с точки зрения империи, а с точки зрения новых стран – это **освобождение**.

Вся российская политическая и экономическая система абсолютно централизована, она полностью завязана на Москву. И все так называемые «региональные элиты» полностью зависят от московских решений. Не существует никаких устойчивых межрегиональных связей, на которых строятся нормальные федерации: один губернатор может совсем не интересоваться тем, что происходит в соседнем регионе, и не поддерживать с ним никаких контактов. Он по своему статусу в вертикали связан только с чиновником из кремлевской администрации, который направляет ему указания и принимает отчеты. Такое устройство номенклатуры четко соответствует и системе дорог в России: она также абсолютно московцентрична с ее «федеральными трассами», а местные дороги зачастую просто прекращаются на границах областей. То есть **никакой «единой страны», за которую бьются имперцы, не существует уже сегодня**.

Регионализм победит именно за счет ликвидации гиперцентрализма и создания «горизонтальных» связей между различными республиками, которым будет интересно взаимодействовать между собой. Суверенным политическим и экономическим субъектам больше не понадобится никакая имперская вертикаль. Это философия сетевого общества, прямого общения регионов как автономных «кластеров» глобальной сети.

Пока идет война, конечно, не до развития региональных брендов. Но они неизбежно станут одним из инструментов построссийской трансформации и избавления от великодержавной мифологии. Хотя этот исторический переход **от**

российского к построссийскому будет совсем иным, чем от советского к постсоветскому. Распад СССР в конце 1991 года не вызвал особых гражданских эмоций, потому что общество уже было настроено на конфедерацию или содружество. Но деимпериализация России, которая наступит после нынешнего периода безумной имперской пропаганды, будет похожа на крах Третьего рейха. А для верующих в «сакральный» характер империи это событие вообще окажется сродни концу света.

Конец великой пародии

В 2023 году профессор университета Эмори Михаил Эпштейн выпустил книгу «Русский антимир. Политика на грани апокалипсиса». По мнению автора, сегодня идет не просто война, но глубочайший цивилизационный раскол, в ходе которого официальный кремлевский лозунг **«русского мира» обретает черты «антимира»**, нацеленного против всего окружающего человечества. Эпштейн делает такой вывод на основе внимательного анализа заявлений и настроений в среде российских политиков и пропагандистов за последние годы, радикальность которых неуклонно возрастала, дойдя до прямых угроз «сатанинскому Западу» ядерным оружием.

Даже в советскую эпоху кремлевские вожди не позволяли себе подобной риторики. Тогда они были заняты насаждением доктрины коммунизма, пусть и ложной, но все-таки ориентированной на движение в будущее, на прогресс. А сегодня кремлевская политика вдохновляется лишь мифологизированным прошлым, ее идеалом является **«великая империя», сочетающая черты прежних империй, царской и советской, и потому принципиально несовместимая с современным миром.** Михаил Эпштейн утверждает:

Если пристальнее рассмотреть черты «русского мира», каким он видится его идеологам и реализуется в ходе «специальной военной операции», то он весь состоит из «анти», из антитез миру как таковому, в том числе мирному состоянию бытия.

Вся доктрина «русского мира» строится на сугубо негативной идентичности. В путинскую эпоху стало очевидным, что Россия не в состоянии предложить какой-то собственный цивилизационный проект, но может определять себя лишь как «отрицание Запада»:

Ни религиозно-мессианские, ни социально-утопические оправдания этой мечте уже не нужны: голая власть, подкрепленная авторитетом дальнобойного лука.

На примере аннексии украинских территорий это наиболее очевидно, но можно вспомнить и более ранние примеры вторжения в Грузию, военных экспедиций в Сирию, Африку и т.д. Такая политика уже не поддается рациональному анализу, и поэтому автор использует другие инструменты для ее истолкования, которые могут показаться необычными. Михаил Эпштейн вводит несколько интересных, хотя и пугающих неологизмов. Например, **«некрократия»** – культ «павших героев», начиная от шествий с портретами погибших участников Второй мировой войны до массового наряжания малолетних детей в военную форму. Или **«онтоцид»** – тактика тотального уничтожения, «выжженной земли», которую демонстрирует российская армия в Украине и о которой Эпштейн говорит:

Иногда она проводится отступающей армией, чтобы не дать возможности агрессору использовать захваченные ресурсы. Но и такая тактика запрещена международными нормами ведения войны. А в нынешней войне тактика «выжженной земли» применяется нападающей армией, которая опустошает территорию как таковую, превращает в руины целые города, уничтожает гражданскую инфраструктуру, отнимает

тепло, свет, воду у мирного населения, разрушает основы существования.

Словом, уничтожение ради уничтожения.

Еще один показательный неологизм, который использует автор для объяснения российской политики, – **«шизофашизм»**. Применяя откровенно фашистские методы насилия, Кремль оправдывает их именно «борьбой с украинским фашизмом». Более того, в пропаганде сама эта война напрямую изображается как прямое продолжение «Великой Отечественной».

Русская православная церковь вполне оправдывает и поддерживает эту воинственную политику, поскольку этот институт является таким же орудием государства, как и армия. Более того, церковные деятели активно распространяют апокалиптические представления о том, что, **если война будет проиграна, это станет концом света**, что вполне сочетается с кремлевским ядерным шантажом.

В постсоветское время в России сформировалась новая псевдорелигиозная идеология, чреватая самыми большими духовными опасностями и политическими потрясениями – как для страны, так и для человечества. Она вобрала в себя и государственное православие, и языческий культ почвы, и евразийскую ненависть к Западу, и черты нацистской идеологии, и архаические культы войны и царства мертвых. Это своего рода апокалиптика, наследующая самые мрачные черты гностицизма и несущая проклятие всему сущему, поскольку оно лежит во зле. Отсюда стремление предать весь мир очистительному огню, устроить рукотворный конец света, опираясь на разрушительную силу ядерного оружия. <...>

Самое характерное в этой новейшей российской апокалиптике то, что, в отличие от всех предыдущих таких движений, она технически вооружена. Для воплощения своих чуждых целей она владеет ядерным оружием, веществом смерти и

ада, которое действительно может положить конец всей жизни на Земле. Это овеществление планетарной гибели придает апокалиптике ту силу и «аргумент», которых были лишены предыдущие гностические секты, включая старообрядчество. Они мечтали об очистительном огне, который сожжет мир, погрязший в грехах, но были бессильны принести его на Землю. Теперь такая сила есть и есть огромная страна, которую эти некросектанты хотят превратить в апокалиптический авангард человечества, чтобы она осуществила миссию его самосожжения.

Россия, по мнению Эпштейна, пребывает под властью **территориального проклятия**. Она стремится к постоянной экспансии, но самоцельное «собрание земель вокруг Москвы» на протяжении веков не сделало эти земли развитыми и счастливыми, и неслучайно империя только в XX веке распадалась дважды, в 1917 и 1991 гг. И, возможно, третий раз будет уже окончательным.

История России – это тысяча лет одиночества. Такая огромная, малозаселенная, маловозделанная, но до зубов вооруженная страна просто не может на равных общаться с окружающими странами. Она воспринимает их как данников либо как врагов. <...>

Послекрымские годы подводят итог не только советской и постсоветской эпохе, но всему трехсотлетнему – от Петра I – проекту присоединения России к западной цивилизации. То, что называлось Россией, теперь разделилось на Киевскую Русь, отходящую к Западу, и Ордынскую Русь, которая уходит в глубь допетровской Московии и для которой просто не остается места в XXI веке.

Полномасштабная война против Украины пробудила многие регионалистские движения в России. Михаил Эпштейн включил в свою книгу и наше с ним давнее интервью¹⁰³ о перспективах российской регионализации. Вероятно, только

современное развитие самостоятельных построссийских регионов позволит отойти от той «границы апокалипсиса», на которую привела весь мир кремлевская власть.

Но проблема в том, что **империя уже просто не может выйти из этого апокалиптического тренда**. Сама логика ее удержания и расширения неизбежно усугубляет как противостояние окружающему миру, так и подавление своих собственных регионов, которым оставлена лишь участь исправно поставлять человеческие и экономические ресурсы для войны. Поэтому даже минимальное требование повышения регионального самоуправления в текущих условиях расценивается Кремлем абсолютно враждебно, как некий заговор внешних враждебных сил. Но в этом и состоит ключ к тому, чего на самом деле больше всего опасается режим. Путин однажды спросил: «Зачем нам этот мир, если в нем не будет России?» «Россия» в такой постановке вопроса – это не ее многочисленные жители и разнообразные регионы, на которые извне никто не покушается, но именно империя, власть над которой он желает удержать пожизненно, а в случае угрозы для своей власти демонстрирует готовность «нажать кнопку».

С другой стороны, есть некоторый парадокс в том, что без «рукотворного апокалипсиса», хотя и в меньших масштабах, чем тотальное уничтожение всей планеты, назревшая деимперализация России вновь будет исторически отложена куда-то за горизонт. Если война в Украине под влиянием тех или иных переговоров остановится по текущей линии фронта, это будет означать сохранение кремлевской империи, которая после временной передышки вновь пойдет в наступление – и, может быть, на какие-то другие страны. **Имперская экспансия России стала самоцельной, и ее может остановить только полное военное поражение**. Поэтому регионалисты, несмотря на все свои, вполне искренние мирные декларации, жизненно заинтересованы в падении Москвы под ударами международной

коалиции, то есть в том, чтобы она повторила судьбу Берлина 1945 года. Иначе при историческом продолжении империи со столицей в Москве различные проекты суверенного регионального развития не имеют никаких шансов на воплощение.

Империя, безусловно, рухнет в результате обмена ядерными ударами с Западом. Причем такой обмен может произойти совершенно случайно. Шансов на это сегодня гораздо больше, чем даже в позднюю советскую эпоху, когда было ясно, что старцы из Политбюро все-таки неспособны начать ядерную войну. Но, в отличие от них, **сегодняшняя российская власть воспринимает себя именно мессиански** и накачивает своих военных соответствующей агрессивной пропагандой. Поэтому любой человеческий нервный срыв или технический сбой в атмосфере такой напряженной подозрительности может повлечь за собой фатальные последствия.

Кстати, **падение Москвы давно уже воспринимается имперской властью именно апокалиптически**. Весьма наглядной иллюстрацией того, насколько «сакральную» роль отводил СССР своей столице, является советско-американский Договор по ПРО 1972 года, который разрешал каждой стороне иметь лишь одну противоракетную систему. США оснастили такой системой свою ракетную базу Гранд-Форкс в Северной Дакоте, чтобы гарантировать себе возможность нанесения ответного удара. А Вашингтону и крупнейшим мегаполисам США пришлось бы разделить судьбу всей страны. СССР же окружил противоракетами Москву, ярко продемонстрировав, что спасение символов власти и имперской «элиты» для него самое главное.

В этом проявилась и кардинальная разница политической структуры этих стран. Если в США действует сетевая, распределенная система управления, то **без московского гиперцентра Россия как империя немедленно распадается**. В постсоветскую эпоху эти опасения у кремлевской власти обострились до паранойи – одним из формальных поводов начала

полномасштабной войны против Украины Путин назвал то, что «подлетное время» ракет из Харькова до Москвы составит лишь семь минут. Хотя в 2021 году Украина вовсе и не помышляла ни о каких «ракетах по Москве», но затем нападение России заставило задуматься об ответных ударах. И, может быть, один из них достигнет главной цели.

Великодержавно-ордынские, клерикально-византийские и тоталитарно-советские «традиции» слились в постсоветской империи в нераздельную «троицу». Здесь уже бессмысленно противопоставлять одно другому, как до сих пор это делают «белые» и «красные», зависшие в прошлом веке. Этот микс действительно составляет **онтологически «единую Россию»**. И деконструкция этой «голограммы» также может быть лишь тотальной.

Основоположник интегрального традиционализма Рене Генон развенчивал многие «метафизические иллюзии». Поэтому представляется полезным применить его метод и к анализу ситуации в нынешней России, тем более что ее официальной идеологией объявлены как раз **традиционные ценности**, хотя их четких определений так и не зафиксировано.

Автор этих строк в 1990-е годы довольно основательно изучал работы интегральных традиционалистов, но пришел к принципиально иным выводам, чем большинство их российских последователей. Одна из довольно загадочных фраз Генона, высказанная им в книге «Царство количества и знамения времени», звучит так: **«Великая пародия явится в этот мир в образе некоей “священной империи”»**.

Генон воспринимал время циклически, и, с его точки зрения (а точнее, с точки зрения тех традиций, на которые он ссылается), **конец исторического цикла неким кривозеркальным образом подобен его началу**. Антихрист по своему

имиджу – это не какой-то «черт с рогами», напротив, он максимально подражает Христу. «...Сатана принимает вид ангела света» (2 Кор. 11:14).

Поэтому возводимая им империя именуется «священной», и определение России в первой строчке ремейка советского гимна как «священной державы» выглядит неслучайным. Ее власти действительно **сакрализуют свое «великое государство»**, на него фактически молится и официозная Московская патриархия, демонстрируя тем самым полный разрыв со сферой трансцендентного.

Контртрадиция, как называл Генон это явление, формально «возрождает» множество атрибутов исторической архаики, выдавая их за «традиционные ценности». Жан Бодрийяр фактически говорил о том же, но другими словами: **симулякр** – это копия без оригинала, подделка того, чего на самом деле не существует. Это попытка синтезировать в нынешнем государстве все прежние эпохи империи и сделать его единым продолжением «исторической России». И символически это уже закреплено в Санкт-Петербурге, где одновременно вывешены три гигантских флага – официальный российский, советский и черно-желто-белый (государственный флаг Российской империи в 1858–1896 гг.). Придворные идеологи вроде Владимира Мединского называют в школьных учебниках этот квазипостмодернистский синтез «исторической преемственностью великой России».

У другого интегрального традиционалиста, Юлиуса Эвола, есть примечательная работа «**Пришествие “пятого сословия”**», где собирательно описывается тот социальный субъект, который становится проводником контртрадиции. Можно сказать, что Эвола очень творчески развил Маркса, «отзеркалив» его доктрину. Если для Маркса «самым прогрессивным классом» был пролетариат, а дальше в будущее он не заглядывал, то для Эвола «четвертое сословие» пролетариата,

напротив, **последнее человеческое** в движении исторического цикла к его финалу.

Именно поэтому коммунистическую «пролетарскую эпоху» еще нельзя отождествлять с «царством Антихриста», как полагали многие консерваторы. Это «царство» наступает после коммунизма, когда в обществе начинают доминировать уже не человеческие существа, а демонические в человеческом обличье, которые как раз и создают «великую пародию» контртрадиции. Разумеется, такую оценку трудно назвать рациональной, но она вполне адекватно отражает тот факт, что **архаическое «возрождение России» в современном мире само по себе является иррациональным феноменом**. А пародию невозможно воспринимать без сарказма.

Гигантская обезьяна, забравшаяся на склад исторического реквизита всех времен и народов. Большая обезьяна, бесхозная и, главное, не жилец... Не зная, что делать, она лихорадочно завладевает все новыми значками, магически полагая, что сумма обозначений реального когда-то пересилит гложущую пустоту, придав небывальщине статус вещи,

– совершенно справедливо писал о государстве РФ в сборнике «Иное» Глеб Павловский. Но затем сам стал дрессировщиком этой обезьяны.

Вся история постсоветской России построена на сплошных пародиях и подделках. Вместо обещанной демократии получился режим «царей и преемников». Федерализм был вывернут наизнанку и превращен в инструмент неоимперской экспансии. Чекисты стали называть себя «новыми дворянами». Возглавляет эту великую пародию целая генерация бывших партийных и комсомольских секретарей, у которых с тех пор изменились лишь какие-то внешние атрибуты (умение держать хоругви вместо переходящего красного знамени), а сущность осталась прежней: поклонение «единственно верному учению» и обвинения всех его не разделяющих в «антипатриотизме».

У Горбачева в 1992 году после отставки спросили в интервью:

– Михаил Сергеевич, а вы веруете в Бога?

Он ответил лаконично и остроумно:

– Нет, я так и не стал религиозным человеком. Но мне бывает смешно смотреть на вчерашних коммунистов и комсомольцев, которые отрастили православные бороды.

Главной «традиционной ценностью» российской власти является лицемерие. Путин, как уже давно очевидно, видит себя «царем» и хочет править вечно, но вынужден регулярно устраивать абсолютно предсказуемый фарс с «выборами» себя самого. Гротескно также выглядит, когда разведенный президент объявляет «Год семьи». Это похоже на то, как если бы геи выступали против «гей-пропаганды», хотя среди российской «элиты» известны и такие парадоксы.

«Специальная военная операция», начатая в 2022 году, буквально описана в статье 353 Уголовного кодекса РФ «Планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны». Если бы российское законодательство реально работало, кремлевская верхушка должна была уже пойти под суд, не дожидаясь приглашения в Гаагу. Но **лицемерие режима наглядно проявляется как раз в невозможности исполнения этого закона.**

Чиновники и обслуживающие их «деятели культуры» громко призывают народ идти воевать, но сами всячески отмазывают от этой войны своих детей. Решение этой проблемы давно предложил генерал Лебедь: «Дайте мне набрать роту из детей элиты, и война через день закончится».

Имя деятелям шоу-бизнеса, которые стали вдруг воинственными имперскими патриотами, уже легион. Хотя «воюют» они только на сцене, нажимая бутафорскую «ядерную кнопку». Вновь оценка Михаила Эпштейна:

Дошел наконец и до меня хит военно-патриотического сезона – песня «Я русский». Автор – некто Shatan. ...Почему-то в латинской транскрипции. А настоящее имя певца... словно из Киевской Руси – Ярослав Юрьевич. Фамилия – Дронов, как будто с издевкой, с отсылкой к тому виду оружия, которое особенно сейчас на виду в этой войне; хотя собственно «дрон» – это от английского *drone* «трутень; гудение, жужжание». ...Пост-модерная эклектика. Точнее, филологический сарказм.

Зато с содержанием песни все ясно и однозначно:

Я русский, я иду до конца. <...>

Я русский, всему миру назло.

Русский – тот, кто идет ДО КОНЦА. Теперь понятно, почему Z, последняя буква латинского алфавита, стала символом этой войны и нового фашизма. «До конца» – значит до последней черты, до могилы, до светопреставления. <...> Выбрана международная латинская буква, как будто для ясной демонстрации всему миру, куда мы идем и чем закончим. И то, что быть русским – значит быть «всему миру назло», еще раз обнажает смысл происходящего как бесцельного вызова, точнее, самоцельной антитезы всему миропорядку. ...У этой войны нет другой цели: ...быть всему миру наZло.

Альтернативу глобальной войне Кремль видит также в исторической пародии – на Ялтинские соглашения 1945 года. Надо, чтобы русский царь, китайский председатель и американский президент поделили планету на три зоны своего влияния. Но если эта пародия реализуется, она будет означать неизбежный последующий кризис и новый цикл столкновения империй, на этот раз до буквальности (Евразия, Истазия, Океания) повторяющий антиутопию Джорджа Оруэлла.

А в том, что касается внутренней политики, Евразия в своей особой интерпретации (как в свое время получилось и с коммунизмом) реализует доктрину Фрэнсиса Фукуямы

о **конце истории**. С возрождением «исторической России», а точнее, с воплощением этого симулякра вся политика в ее классическом понимании – как борьба различных общественных сил – будет запрещена. Ибо у подданных империи не может быть никаких «различных общественных сил», это экстремизм и раскол народа по заказу геополитических врагов. Все иностранные агенты и нежелательные организации будут ликвидированы. Духовные скрепы и традиционные ценности окончательно победят.

Это единственно возможная логика эволюции «священной империи», если ей удастся избежать военного поражения. И единственно возможной альтернативой выглядит развитие построссийских региональных проектов. **В одном времени с империей они несовместимы**, потому что осыпают ее ветхую скорлупу и прорастают обществами новой эпохи.

Генон описывал момент смены циклов не менее загадочными фразами – вроде «**переворачивания полюсов**» и «**превращения времени в пространство**». Но не будем напоследок загружать читателя метафизикой. А просто напомним один поучительный исторический факт: в 1492 году многие верующие ждали апокалипсиса, потому что по летоисчислению «от сотворения мира» исполнялась какая-то круглая дата. Но вместо конца света тогда был открыт Новый Свет.

Послесловие

Деколонизация политического воображения: перспективы пост-России

Пост-Россия Вадима Штепы – это концепция, то есть результат работы политического воображения и мышления. Результат этой работы трудно отнести к тому или иному знакомому жанру. Книга, которая во многом составлена из переработанных статей автора, размещенных на сайте «Регион.Эксперт», не является научной монографией. К ней нельзя применить стандарты академической работы и оценивать ее с этой точки зрения. Но она не лишена исследовательских амбиций, так как автор постоянно обращается к актуальной проблематике исторической и политической науки: в центре его внимания социально-политические трансформации советского и постсоветского государства конца XX – начала XXI веков, а также рефлексия регионалистской повестки, важной не только для пространства распавшегося Советского Союза, но и для мира в целом.

Однако в книге встречаются неточности, а порой и довольно спорные рассуждения, например связанные с климатическим кризисом и тем, как он отражается на жизни именно российских регионов.

«Глобальное потепление, – полагает автор, – которое обычно вызывает негативные оценки ученых, принесет, по некоторым прогнозам, и частично позитивный эффект – избавление полярных территорий от вечной мерзлоты. А это приведет к их активному освоению и развитию. Так что Берингов мост может стать не просто символическим соединением континентов, но

и практической потребностью. Регионы Сибири, Дальнего Востока, Аляски, Северной Канады наверняка будут заинтересованы в установлении прямых экономических связей путем строительства трансконтинентальной железной дороги или более экологичной струнной магистрали» (стр. 135).

Очевидно, что в таком сценарии жизнь территорий рассматривается исключительно с точки зрения центра – Москвы, которая сегодня активно продвигает крупномасштабные, в первую очередь инфраструктурные, проекты в Арктике, то есть фактически занимается нарушением экологического баланса и тем самым вносит вклад в климатический кризис и деградацию вечной мерзлоты, прямым образом влияющие на жизнь коренных народов. Однако об этом не принято говорить – куда важнее в данной риторике оказывается гигантомания и желание «осваивать», «преодолевать», «покорять».

Вопрос о жанре книги остается ключевым, если не забывать, что именно жанр задает обычно рамку и основания для осмысленного разговора. Между тем В. Штепа не ограничивается каким-то жанром, не ощущая, очевидно, достаточно твердых оснований внутри дисциплинарного поля философии, политической науки или истории. Сама интересующая его тема – будущее пространства и деколониальные движения – как бы предполагает отказ от границ. Книга продолжает быть исследовательской, но это авторское исследование, в котором не нужно придерживаться общепринятых процедур научного поиска, но предлагается, скорее, довериться интуициям автора.

Главы книги объединены общей идеей – поиском ресурса политического и философского воображения для конструирования образа пост-России. Под пост-Россией В. Штепа понимает принципиально иное устройство социально-политического пространства территории, которую занимает нынешняя Российская Федерация*. В основе этого устройства лежит идея

конфедерации и региона как основной субъектной единицы будущей внутренней и внешней политики. Автор отмечает, что регионализация – глобальный процесс, но его интересует, насколько реален шанс на господство идеи регионализма на территории современной России, которая как федеративный проект полностью провалилась. В подтверждение последнего тезиса В. Штепа упоминает военную агрессию против Украины. С точки зрения автора, вторжение в Украину стало возможным в силу господства имперской идеи пространства с единственным центром в Москве и подчинением всех остальных территорий нуждам этого центра. И здесь автор сразу помещает свои рассуждения в контекст деколониальных исследований и политики, активно развивающихся сегодня как раз в связи с развязанной войной.

Обсуждая различные развилки, связанные с деколонизацией России и избавлением ее от имперского фундамента, В. Штепа старается сразу исключить сценарий этнической фрагментации территории, который среди прочих всячески продвигают националистически настроенные активисты, в том числе покинувшие страну. Этот сценарий, по мнению автора, приведет к возникновению большого количества очагов вооруженного и политического противостояния между различными этническими группировками, которые будут стремиться перекроить территории и обозначить свое «исконное» право на те или иные земли. Альтернативный вариант — опора на региональную идентичность, которая не сводится к этнической принадлежности, но в первую очередь формируется

* В данном случае все понятия условны. За тяжеловесной формулой «территории, которые занимает нынешняя Российская Федерация» скрывается трудность современного определения российского государства: за последние более чем 10 лет Россия оккупировала несколько территорий соседнего государства и активно поддерживает зависимые от нее же территории другого соседнего государства.

за счет буквальной привязки к той или иной местности. Поскольку исторические и «исконные» мотивы будут составлять лишь один из возможных ресурсов регионального политического воображения, В. Штепа отводит ключевую роль культурному брендингу территорий – именно такая логика креативных индустрий и выстраивание будущей структуры отношений между регионами на основе региональных отличий позволит России, полагает он, выйти из имперской колеи и встроиться в глобальные процессы создания локальностей.

Нужно отметить, что для В. Штепы альтернатива не выглядит как проблема или цель, к которой нужно стремиться. Иначе говоря, не очень понятно, за счет чего в этом воображаемом будущем региональная идентичность будет превалировать над иной, скажем религиозной или этнической. Автор указывает на демократические институты, в частности выборы, которые будто бы должны решить этот вопрос сами по себе, однако совершенно не подвергает сомнению саму идею демократии и выборов, хотя эта универсалия тоже нуждается в пересмотре под влиянием деколониального дискурса. Выборы не могут быть ключом к решению всех проблем: большинство как некоторый конструкт и результат демократических процедур зачастую может не иметь никакого отношения к тому, как устроена общественная сфера, в которой главную роль могут играть как раз такие институты традиции, как религия или этничность. Тем более это становится проблемой, если речь идет о том, что различные этнические группы могут иметь свои собственные институты и механизмы принятия коллективных решений, которые не сводятся к выборным процедурам в западном понимании.

Лишена критического анализа в книге и другая идея – идея «регионального брендинга». Такой подход предполагает акцент на креативных индустриях, формирующих креативную экономику. Собственно, это больше про экономику, нежели

про общество, и учитывая то, как сегодня брендируется большое количество регионов и этнических групп, этот подход противоречит концепции деколониальности и борьбы с экзотизацией, которая выступает как господствующая оптика. Иначе говоря, региональное брендование приведет в очередной раз к поиску рынков сбыта для той или иной идентичности, формированию туристической привлекательности и усилению культурно-этнографического компонента. И центром этого рынка сбыта станет Москва.

Получается, что автор – при всей симпатии, которую он вызывает, – пишет из позиции, для которой характерно прева-лирование экономического подхода, а также демократических процедур, основанных на условной западной традиции. Это позиция того самого центра, который находится над всеми в так и не разрушенной имперской иерархии. Нынешний парадокс деколониального мышления состоит как раз в этом: идея освобождения зарождается в ситуации современности, которая во многом исторически сопряжена с идеей империи, а затем и национального государства как той формы совместной жизни, что приходит после. При этом деколониализм автоматически не приводит к господству демократии и прав человека, это иная – более сложная – конфигурация универсального (общечеловеческого) и локального (культурного). Учитывая количество народностей и бесконечную фрагментарность российского пространства, порядки совместной жизни могут значительно отличаться друг от друга.

Это противоречие порой проявляется и в примерах автора. Приведу лишь следующий: «Второй президент Украины Леонид Кучма в своей программной книге “Украина не Россия” (2003), выступая последовательным сторонником независимости своей страны, при этом жалуется на “неравноправное” распределение ресурсов в постсоветскую эпоху. В этом есть фундаментальное противоречие. В условиях ССГ вполне

можно было бы заключить договор о совместном использовании нефтегазовых ресурсов Югры и Ямала всеми участниками конфедерации. Тем более что осваивались они в 1970-е годы представителями многих республик СССР, в том числе украинскими инженерами. Однако с провозглашением независимости Украины и других стран все эти ресурсы остались в монопольном владении России, которая сделала их экономической базой для возрождения своей империи» (стр. 52).

В этом рассуждении, если его автор желает быть чувствительным к современной деколониальной повестке, не хватает одного важного элемента — коренного населения Югры и Ямала. Разумеется, здесь В. Штепа выступает с позиции «если бы», однако политического воображения в текущей ситуации хватает только на предложение оставить имперские притязания на ресурсы чужих территорий за русскими и украинцами, и это говорит о том, что впереди еще довольно много работы. И работа эта в первую очередь концептуальная, требующая деколонизации самих себя, — увы, здесь недостаточно освободиться от дисциплинарных границ.

Книга Вадима Штепы — это приглашение к такой работе.

*Наиль Фархатдинов,
PhD по социологии*

Примечания

1. <https://region.expert/less-risk/>
2. https://www.gorby.ru/presscenter/news/show_30323/
3. https://www.gorby.ru/userfiles/08_dogovor_o_soyuze_suverennyh_gosudarstv.pdf
4. <https://region.expert/levchenko-interview/>
5. https://www.yabloko.ru/Themes/History/sakharov_const.html
6. https://www.gorby.ru/userfiles/08_soyuznyy_dogovor_25_11_91.pdf
7. <https://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2018/12/d40415/>
8. <https://www.lawmix.ru/sssr/475>
9. <https://www.svoboda.org/a/andryus-kubilyus-demokratiya-v-rossii-vozmozhna-i-zhelateljna-/32265935.html>
10. <https://nsarchive.gwu.edu/rus/Chernyaev.html>
11. <https://constitutions.ru/?p=2965>
12. https://www.bbc.com/russian/news/2016/05/160522_gorbachev_crimea_annexion
13. <https://www.svoboda.org/a/29465060.html>
14. <https://www.mk.ru/politics/2020/12/05/belovezhskaya-pushha-spasla-rossiyu-ot-razvala.html>
15. https://ultraculture.ru/docs/books/061_rutopia/
16. <https://www.forbes.ru/mneniya-column/vertikal/284247-zakat-federatsii-kogda-rossiya-vernulas-k-imperskomu-ustroistvu>
17. <https://www.rbc.ru/politics/25/09/2003/5703b59a9a7947783a5a4b6c>
18. <https://www.business-gazeta.ru/news/355004>
19. <https://www.forbes.ru/mneniya-column/mir/300533-imperiya-naiznanku-kak-moskvu-delayut-stolitsei-mirovogo-separatizma>
20. <https://rus.err.ee/1608110236/lavrov-rossija-mozhet-sotrudnichat-s-otdelnymi-stranami-vmesto-kontaktov-na-urovne-es>
21. <https://region.expert/hasavurt25/>
22. <https://ridl.io/ru/soviet-federatsii-zhdet-sbityh-letchikov/>
23. <https://region.expert/decolonize/>
24. <https://pravoslavie.ru/75632.html>

25. <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/61c457929a794768b4d35b80>
26. <https://petition.president.gov.ua/petition/170958>
27. <https://ussd.org.ua/2024/03/26/knyga-likvidacziya-rosijskoyi-imperiyi-dostupna-dlya-zamovlennya/>
28. <https://kp.ua/life/460075-lychnyi-fotohraf-henseka-vladymyr-musaelian-brezhnev-vstrechalsia-s-kantslerom-frh-bez-halstuka-v-plavkakh>
29. <https://region.expert/regio-ethno/>
30. <https://region.expert/myth/>
31. <https://region.expert/nemtsov/>
32. <https://newtimes.ru/articles/detail/228698/>
33. <https://www.youtube.com/watch?v=dTKKrLcBJx8>
34. https://region.expert/no_treaty/
35. <https://region.expert/semantic/>
36. <https://www.svoboda.org/a/regiony-na-voyne-efir-v-18-05-/32109461.html>
37. <https://region.expert/rupture-synopsis/>
38. <https://www.svoboda.org/a/putin-budut-moskovity-uraljtsy-i-tak-dalee---tak-na-bumage-izlozhenno-/32288659.html>
39. <https://www.youtube.com/watch?v=g7L-g2sVzj4>
40. <https://region.expert/2empires/>
41. <https://holod.media/2023/02/14/russia-falling-apart/>
42. <https://www.svoboda.org/a/yadernyy-udar-raspad-rossii-ili-ee-normalizatsiya-/32290370.html>
43. <https://thinktank.4freerussia.org/ru/wp-content/uploads/sites/2/2023/10/normalrussia-web-1.pdf>
44. <https://region.expert/latynina/>
45. <https://www.region.expert/yashin/>
46. <https://www.youtube.com/watch?v=TleU0hOA8mg&t=1405s>
47. <http://region.expert/rr2/>
48. <https://web.archive.org/web/20191221165440/https://cont.ws/@maridara/837628>
49. <https://region.expert/ur2/>
50. <http://www.region.expert/navalny-comment/>
51. <https://region.expert/navalny/>
52. <https://region.expert/inozemtsev/>
53. <https://www.idelreal.org/a/28352660.html>
54. <https://www.oscepa.org/en/documents/annual-sessions/2024-bucharest/declaration-30/5029-bucharest-declaration-eng/file>
55. <https://region.expert/regionalism-next-nationalism/>

56. <https://region.expert/decolonization/>
57. <https://www.severreal.org/a/vot-i-filarmoniyu-izgadili-z-propaganda-v-regionah/31866088.html>
58. https://t.me/League_FN/1583
59. <https://bashqort.org/?p=319>
60. <https://region.expert/independent-republic/>
61. <https://vestinn.ru/news/society/140016/>
62. <https://region.expert/colonies/>
63. https://region.expert/slavic_languages/
64. <https://journal.tinkoff.ru/list/dialect-russia/>
65. <https://yandex.ru/company/researches/2021/local-words>
66. <https://region.expert/russian-languages/>
67. <https://region.expert/non-imperial-russian/>
68. <https://www.idelreal.org/a/32121919.html>
69. <https://www.idelreal.org/a/32165420.html>
70. <https://region.expert/ethno/>
71. <https://region.expert/siberia-perestroika/>
72. <https://region.expert/interregional/>
73. <https://region.expert/colonial/>
74. <https://region.expert/karelia-finland/>
75. <https://region.expert/tatarstan-regionalism/>
76. <https://www.region.expert/regionations/>
77. <https://www.severreal.org/a/u-yazyka-est-armiya-i-flot-kakoy-yazyk-drevnee-ukrainskiy-ili-russkiy-/31884521.html>
78. <https://uwpress.wisc.edu/books/2908.htm>
79. <https://region.expert/uss/>
80. <https://region.expert/nothing/>
81. <https://region.expert/barricades/>
82. https://region.expert/moscow_disaggregate/
83. <https://region.expert/published/>
84. <https://region.expert/brands/>
85. <https://t.me/freenationsrussia/1705>
86. <https://t.me/freenationsrussia/7138>
87. <https://region.expert/declarations/>
88. <https://region.expert/logics/>
89. <https://region.expert/rupture/>
90. <https://region.expert/demo-problem/>
91. <https://region.expert/sociology/>
92. <https://region.expert/marshall/>
93. <https://rosdep.online/docs/>

94. <https://region.expert/ephors/>
95. <https://region.expert/after-russia/>
96. <https://www.privateislandsonline.com/>
97. <https://dragonbook.khodorkovsky.com/>
98. <https://region.expert/efa/>
99. <https://region.expert/global-separatism/>
100. <https://www.forbes.ru/mneniya/mir/324853-dialektika-brexita-k-evrope-sta-flagov>
101. <https://region.expert/pravo/>
102. <https://region.expert/o-rossiyah/>
103. <https://region.expert/more-russias/>

Книга посвящена проекту
постросийской эпохи,
которая может начаться
в случае поражения России
в имперской войне против Украины.
С точки зрения автора,
постсоветская Россия
продолжала оставаться империей,
поэтому истоки ее нынешнего кризиса
следует искать в отказе
от перестроечной модели
договорной конфедерации.
Автор предлагает
свою версию
мирной и демократической
деимпериализации России.